

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Киянова Карина Артуровна

**Коммуникативно-речевая структура публичной политической
речи
(на материале выступлений Ангелы Меркель)**

Специальность 10.02.04 – Германские языки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
доцент Е.Г. Носова

Москва – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Немецкая публичная политическая речь: история изучения	12
1.1. Основные направления исследования политической речи в немецком языкознании	12
1.2. Отечественные исследования в области политической лингвистики	19
1.3. Современные тенденции исследования политической речи	24
Выводы по Главе 1	30
Глава 2. Теория и методология исследования публичной политической речи	31
2.1. К определению понятия «дискурс»	31
2.2. К определению понятия «политический дискурс»	39
2.3. Жанровое пространство политического дискурса	46
2.4. Немецкая политическая публичная речь как объект исследования в политическом дискурсе	53
Выводы по Главе 2	66
Глава 3. Особенности композиции немецкой публичной политической речи	69
3.1. Общие замечания	69
3.2. Обращения	72
3.3. Вступление	84
3.4. Основная часть публичной политической речи	95
3.5. Заключение	107
Выводы по Главе 3	118
Глава 4. Языковая специфика публичных выступлений А. Меркель	121
4.1. Приемы диалогизации	121

4.2. Лексические особенности публичной политической речи.....	128
4.2.1. Термины.....	128
4.2.2. Заимствования.....	132
4.2.3. Аббревиатуры.....	138
4.3. Синтактико-стилистические особенности.....	140
4.4. Конструирование имиджа политика при помощи лингвистических ресурсов. Коммуникативные стратегии и тактики.....	148
Выводы по Главе 4.....	156
Заключение.....	159
Список литературы.....	163
Список словарей и справочников.....	187
Список источников материала.....	189

Введение

Язык, гражданское общество и политика находятся в тесном взаимодействии друг с другом и порождают сложность и многоплановость политического дискурса, что обуславливает междисциплинарный характер его изучения на стыке таких наук, как психолингвистика, когнитивная лингвистика, политическая лингвистика, социология, прагматика, риторика, теория речевого воздействия. Подобный комплексный подход позволяет интегрировать научные результаты и достижения и вместе с тем обогатить знание об этом феномене.

Динамика общественного развития влечет за собой изменения в области политической коммуникации и предъявляет все новые требования к языку. Благодаря стремительному развитию СМИ, информационно-коммуникационным трансформациям, в том числе в области интернет-технологий, создается новое поле для формирования отношений между государством и обществом, между политиками и гражданами. В контексте подобных сдвигов на первый план выходит не только лингвистический анализ публичной речи, но и анализ экстралингвистических и паралингвистических средств, например, в выступлениях на телевидении и радио, а также анализ транслирования политической информации сквозь призму медиадискурса.

Современное состояние лингвистической парадигмы характеризуется антропоцентрическим подходом, сущность которого заключается в обращении к роли человека в процессе порождения и восприятия речи. Научное сообщество, принимая во внимание фактор адресата, стремится осмыслить природу рассматриваемого явления с теоретических позиций и не в последнюю очередь с практических. По данной причине особую роль играет создание и изучение наиболее эффективных средств оптимизации вербального воздействия на слушателя, что является значительным вкладом в развитие культуры речи и делового общения. Потребность во владении искусством публичной речи велика в силу происходящих процессов демократизации, роста социальной и политической активности. Публичная речь – явление, с которым мы часто сталкиваемся в

ежедневной практике, будь то академическое выступление, выступление на телевидении или на заседаниях парламента. Публичная речь способна оказывать большое влияние как на уровень развития общества отдельного государства, так и на международный уровень. Поэтому в основе данного исследования лежит представление о языке как об инструменте социального регулирования отношений между коммуникантами.

Актуальность настоящей работы определяется тенденциями, которые наметились в лингвистике в связи с изучением прагматики, с интересом к исследованию психологических и социальных особенностей порождения и восприятия речи в ходе коммуникативной деятельности, с механизмами речевого воздействия, а также стремлением прояснить характер связей между различными когнитивными процессами и условиями успешности и эффективности речевых актов в определенных ситуациях. Кроме того, исследование публичных выступлений немецких государственных деятелей заключается в потребности правильного понимания происходящих внутри страны политических процессов.

Несмотря на то, что публичная речь является предметом изучения в работах многих ученых, некоторые ее аспекты все же представляются малоизученными и требуют дополнительного рассмотрения. Так, недостаточно изученной остается публичная политическая речь современных немецких государственных деятелей, в исследовании которой до сих пор отсутствовал комплексный подход в освещении коммуникативно-речевых особенностей.

Научная новизна настоящего исследования:

1. Впервые в отечественной германистике в исследовании языковой специфики немецкого политика применяется комплексный подход, основанный на теории речевого воздействия, позволяющий сделать вывод об оптимальном использовании оратором языковых средств и речевых механизмов для оказания воздействия на адресата.
2. Текст публичного выступления трактуется как социальное действие субъекта, формулирующего свои коммуникативные интенции в соответствии с ситуацией и социокультурными условиями общения, а

также с общей стратегией речевого поведения и тактиками взаимодействия с адресатом.

3. Изучение публичной политической речи проводится с учетом типа адресата, что в отдельных случаях приводит к уточнению ее характеристики в политическом дискурсе.

Объектом настоящего исследования являются публичные выступления федерального канцлера ФРГ Ангелы Меркель.

Предметом исследования служат языковые средства разного уровня и способы их реализации в публичных выступлениях политика.

Целью настоящего диссертационного исследования является анализ коммуникативно-речевой структуры публичных выступлений немецкого политика с учетом фактора воздействия на адресата.

Цель исследования определила постановку следующих **задач**:

- обобщить и систематизировать имеющиеся в научных работах сведения о природе публичной речи и методах ее исследования;
- проследить историю и векторы развития немецкой и отечественной политической лингвистики;
- изучить жанровое пространство политического дискурса и определить в нем место публичной политической речи;
- установить признаки публичной политической речи как феномена современной политической коммуникации;
- охарактеризовать композиционную составляющую коммуникативно-речевой структуры;
- изучить комплекс основных языковых средств, при помощи которых репрезентируется коммуникативно-речевая структура публичной речи;
- выявить специфику немецкой публичной политической речи и приемы речевого воздействия оратора на аудиторию;
- выделить лингвистические средства, участвующие в формировании имиджа политика.

К основным методам исследования, применяемым в настоящей работе, относятся: описательный метод, заключающий в себе приемы отбора, интерпретации, обобщения и классификации материала, а также метод сплошной выборки исходного материала из публичных речей; контент-анализ. В работе также применен прагмалингвистический, лексический, синтаксический и стилистический анализ.

Материалом исследования послужили публичные выступления Ангелы Меркель с 2009 по 2016 год, опубликованные в виде текстов на официальном сайте федерального канцлера Германии. Совокупный объем выборки проанализированного материала составил 565 речей (2594 печатные страницы).

Теоретическая значимость исследования заключается в научном осмыслении сложного феномена публичной политической речи с позиций соотнесения структуры текстов ораторских выступлений с их когнитивными, социальными и политическими контекстами. Предпринятое исследование вносит определенный вклад в дальнейшее изучение специфических особенностей политического дискурса, в разработку принципов дискурсивного анализа и теории и практики речевого воздействия.

Практическая значимость настоящего исследования состоит в возможности использования приведенных в настоящем исследовании положений и выводов при создании лекционных курсов, спецкурсов и спецсеминаров по прагматике, синтаксису, стилистике, дискурсивному анализу, а также в практике преподавания немецкого языка. Помимо этого, некоторые результаты исследования могут быть полезны специалистам в области культуры делового общения и речевого воздействия.

Теоретическую основу исследования составили труды российских и зарубежных специалистов в области: *политической лингвистики и политического дискурса* (А.Г. Алтунян, А.Н. Баранов, Э.В. Будаев, С.Г. Катаева, А.А. Кибрик, П.Б. Паршин, В.Е. Чернявская, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал, В. Дикман, Х. Гирнт, Й. Кляйн, Т. Нир), *теории и практики ораторского искусства* (О.А. Баева, Н.Н. Кохтев), *теории риторики* (А.А. Волков, Е.Н. Зарецкая, А.К. Михальская,

Ю.В. Рождественский, Х. Перельман, У. Фикс, Й. Кляйн, Г. Уэдинг), *культуры речи и эффективности общения* (Л.А. Введенская, Л.К. Граудина, М.Н. Кожина, Л.Г. Павлова, Е.Н. Ширяев), *стилистики и функциональной стилистики* (М.Н. Кожина, Н.И. Формановская, Х.-В. Эромс), *прагматики и дискурса* (Н.Д. Арутюнова, Т.А ван Дейк, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, М.Л. Макаров, Р. Водак), *теории речевых актов* (П. Грайс, Дж. Остин, Дж. Серль), *теории речевого воздействия* (Р. Блакар, Г.Г. Почепцов, И.А. Стернин) и *речевой коммуникации* (О.И. Иссерс, В.И. Карасик, О.Л. Михалева, О.Н. Паршина), *теории речевой деятельности* (А.А. Леонтьев), *теории речевых жанров* (М.М. Бахтин, Е.Н. Земская, О.А. Лаптева), *политологии и политической коммуникации* (М.С. Вершинин, М.Н. Грачев, А.И. Соловьев).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Публичная политическая речь, представляющая собой монолог, реализуется в устной форме, в основе которой лежит письменный текст. Субъект речи (адресант) не является автором текста, в котором тем не менее присутствуют элементы, характеризующие произносящую его языковую личность.
2. Важной функцией публичной политической речи является суггестивная функция, связанная с внушением определенной идеи и обладающая способностью оказывать эмоциональное воздействие на слушателей.
3. Публичная политическая речь обладает высокой степенью диалогизированности, которая реализуется в ее коммуникативно-речевой структуре как на смысловом и композиционном уровне, так и на уровне отбора языковых средств.
4. Существует некоторая закономерность употребления языковых средств в зависимости от коммуникативной ситуации и адресата. Так, сравнительно низкая частотность использования определенной группы обращений по отношению к конкретному лицу свидетельствует о тесном контакте между адресатом и адресантом и о плодотворном сотрудничестве между странами.

5. Отличительной особенностью проанализированных публичных речей является трехчастная композиционная структура, которая строится согласно предписанным правилам и нормам. При этом состав ее компонентов может варьироваться в зависимости от темы выступления и адресата. В отдельных случаях можно обнаружить следующие элементы: во вступлении – зачин, в основной части – аргументацию, в заключении – собственно заключение и концовку. Политический деятель волен выбирать построение отдельных композиционных элементов и способ распределения информации в них.
6. При формировании имиджа политика ключевую роль играет стратегия самопрезентации, в рамках которой выделяются коммуникативные тактики, такие как контактоустанавливающая тактика, тактика создания положительного образа, тактика отождествления, тактика единения, тактика похвалы, тактика солидаризации, тактика оппозиционирования. При этом языковая реализация той или иной тактики зависит от типа адресата.

Достоверность результатов исследования обеспечивается опорой на признанные современным лингвистическим сообществом научные подходы, учетом данных, накопленных отечественными и зарубежными авторами, анализом обширного объема языкового материала, а также широкой теоретической базой.

Апробация работы. Поэтапные результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры немецкого языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (2015–2018), были представлены на международных научных конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых: «Ломоносов–2016», «Ломоносов–2017», «Ломоносов–2018», «Ломоносовские чтения» (Москва, МГУ, 2016, 2019), а также научных конференциях филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова: «Конференция памяти проф. М.В. Раевского» (Москва, 2016), «Конференция, посвященная 110-летию со дня рождения проф. К.А. Левковской» (Москва, 2015). По результатам трех конференций вышли из печати тезисы докладов. По теме исследования опубликовано шесть научных статей, в том числе три статьи в изданиях,

рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ им. М.В. Ломоносова, а также две статьи в журнале, рекомендованном ВАК при Минобрнауки России.

Структура и объем работы определяется поставленными целями и задачами. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы, а также списка словарей и списка источников материала.

Во **введении** обосновывается выбор темы, актуальность и научная новизна исследования; указывается степень научной разработанности проблемы; обозначается объект и предмет исследования; излагаются его цель и задачи; характеризуются эмпирический материал и методы его анализа; выявляется теоретическая и практическая значимость; формулируются положения, выносимые на защиту; приводятся сведения о степени достоверности и об апробации результатов диссертации; описывается структура работы.

В **первой главе** освещаются основные векторы развития в области исследования публичной речи, а также обобщаются и систематизируются имеющиеся в научных работах сведения о природе публичной речи и методах ее исследования. Также в настоящей главе описывается возникновение политической лингвистики как науки в Германии и России.

Во **второй главе** излагается теоретико-методологическая основа исследования, приводятся трактовки понятий «дискурс» и «политический дискурс»; описывается жанровое пространство политического дискурса и место публичной политической речи в нем; выделяются дискурсивные характеристики публичной политической речи как жанра.

В **третьей главе** проводится комплексное исследование композиционной структуры публичных речей А. Меркель.

В **четвертой главе** проводится анализ языковой специфики коммуникативно-речевой структуры; приводится классификация приемов диалогизации; изучается лексико-семантический состав публичных речей; дается обзор синтактико-стилистических средств с точки зрения их воздействия на

адресата. В главе также рассматривается проблема конструирования имиджа посредством коммуникативной стратегии самопрезентации.

В **заключении** обобщаются основные результаты и подводятся итоги проведенного исследования.

В **список литературы** входит 267 наименований, в том числе 96 на иностранных языках.

Глава 1. Немецкая публичная политическая речь: история изучения

1.1. Основные направления исследования политической речи в немецком языкознании

Язык и политика неразрывно связаны между собой. Взаимосвязь языка и политики проявляется, прежде всего, в условиях коммуникации. Ни одна политическая система и ни один политик не обходится без опоры на языковую систему. Только в языке и при помощи языка может полностью реализовываться искусство политики. Роль коммуникативного процесса в политике в настоящее время оценивается высоко. Так, например, немецкий политик Эрхард Эпплер считает, что политика осуществляется в языке: «там, где начинается немота, заканчивается политика» [Erpler 1992: 7]. Сходную позицию выражает и Х.-Ю. Херингер [Heringer 1991: 9]. Немецкий лингвист В. Бергсдорф склонен сводить политическую деятельность к языковой, и наоборот: «язык – это политика, и политика – это язык» [цит. по Krell 2000: 9]. Следует, однако, признать, что язык – это не просто инструмент политики, он есть условие ее возможности [Girnth 2015: 1]. Более того, речевые процессы составляют основу политики, поскольку «политические действия по своей природе являются речевыми действиями» [Шейгал 2000: 18].

Не подлежит сомнению тот факт, что в политическом языке отражается накопленный социокультурный, исторический и интеллектуальный опыт той или иной страны. Особенно ярко этот феномен можно проследить на примере развития немецкого политического языка, который, в сущности, стал «феноменом культурной идентификации Германии» [Катаева 2009: 5]. На этом основании становление и развитие политической коммуникации всегда неразрывно связано с трансформационными процессами. Так, события, изменившие государственное устройство страны в XX веке, обусловили различные направления в области анализа политического языка в Германии. Рассмотрение направлений, методов и

концепций представляется релевантным для понимания и определения современной немецкой публичной политической речи.

Начало систематических исследований политической речи в Германии связывается со второй половиной XX века, когда произошли радикальные общественно-политические и культурные перемены, вызванные событиями Второй мировой войны. В рамках первого направления особое внимание уделяется идеологической составляющей языка эпохи национал-социализма. Одним из первых, кто заинтересовался данным вопросом, был немецкий филолог Виктор Клемперер. В своем труде *LT1* или «Язык Третьей Империи. Записная книжка филолога» автор со скрупулезностью подвергает анализу фашистский дискурс. Так, официальный язык национал-социализма привел к стандартизации не только письменной, но и устной разговорной речи. Следствием тому послужила унификация языка, прекратившая «богатое цветение языка» после 1933 года [Клемперер 1998: 14]. Одной из отличительных особенностей языка того времени, по мнению автора, является обилие и злоупотребление аббревиатурами. В этой связи не случайным представляется и использование аббревиатуры в названии работы. Кроме того, интерес В. Клемперера вызывает язык политиков, язык простого народа, язык газет и медицинских журналов. На непреходящую актуальность данной области исследования указывает в частности то, что языковая пропаганда и языковая манипуляция были объектом лингвистического анализа вплоть до конца XX века в исследованиях З. Фринда «*Die Sprache als Propagandainstrument des Nationalsozialismus*» (1966), Г. Бауэра «*Sprache und Sprachlosigkeit im «Dritten Reich»*» (1988); К. Элиха «*Sprache im Faschismus*» (1989); В. Болебера, Й. Дрекса «*„Gift, das du unbewußt eintrinkst...“*. *Der Nationalsozialismus und die deutsche Sprache*» (1991); Й.Г. Панкау «*Rhetorik im Nationalsozialismus*» (1997) и др. Заслуживает внимания одна из попыток теоретического осмысления языка национал-социализма, принадлежащая У. Маасу. В своей работе «*Als der Geist der Gemeinschaft eine Sprache fand. Sprache im Nationalsozialismus. Versuch einer historischen Argumentationsanalyse*» автор анализирует фашистский дискурс и политический язык на материале

повседневных текстов и публичных речей, относящихся к разным социальным группам: молодежи, главам государств, членам партий, рабочим классам, женщинам [Maas 1984: 74]. Как отмечает С.Г. Катаева, тенденции изучения языка национал-социализма имеют ярко выраженный политизированный характер, который впоследствии обусловил поиск сходств между языком Третьего Рейха и ГДР [Катаева 2009: 15]. Сходное мнение разделяют Т.Б. Крючкова и Б.П. Нарумов, указывая на то, что западногерманские специалисты склонны рассматривать политический язык ГДР как тоталитарный язык [Крючкова, Нарумов 1991: 55]. Примечателен тот факт, что за последние десять лет исследование языка периода национал-социализма не потеряло своей актуальности. Об этом свидетельствует ряд работ немецких ученых: К.А. Брауна, Н. Вармбольд, И. Форстер, Й. Кегеля, Х. Д. Шлоссера и др.

Наряду с изучением языка национал-социализма проводилось изучение языковой проблематики, связанной с провозглашением в 1949 году двух государств – ФРГ и ГДР – на территории Германии. В 50-ые годы взаимоотношения между обоими государствами в период холодной войны наложили своеобразный идеологический отпечаток на область лингвистических исследований. Так, например, разработки западногерманских лингвистов носили антикоммунистическую направленность, что, безусловно, мешало критически нейтральной и объективной оценке и интерпретации языковой ситуации [Hellmann 1989: 301]. Как указывает немецкий исследователь Х. Гирнт, в 50-60-ые годы предметом исследований в ФРГ было сравнение так называемого немецкого языка национал-социализма (NS-Deutsch) и немецкого языка социалистической единой партии Германии (SED-Deutsch) [Girnth 2015: 15].

Помимо этого, в 60-ые годы большой интерес в рамках данного направления представлял дискуссионный вопрос о существовании двух национальных языков в разделенной Германии. По замечанию М.В. Хельмана, вплоть до 1989 филологами-германистами выдвигалась теоретическая проблема, существует ли опасность языкового деления в двух немецких республиках – ГДР и ФРГ. Символическими в этом отношении стали введенные в научный оборот

понятия Х. Мозера «языковой раскол» (*Sprachspaltung*), Р. Бахема «языковое отчуждение» (*Sprachliche Entfremdung*), В. Хартунга, Э. Ризель, В. Дикмана «языковые дивергенции» (*sprachliche Divergenzen*) [Hellmann 1973: 29]. Данной полемике посвящено немало трудов, выражающих противоположные мнения. Достаточно упомянуть следующие: Х. Мозер «Die Sprache im geteilten Deutschland» (1961), «Das Aueler Protokoll - Deutsche Sprache im Spannungsfeld zwischen Ost und West» (1964); В. Бетц «Zwei Sprachen in Deutschland?» (1964); Х.-Й. Гернентц «Droht dem Deutschen die Gefahr einer Spaltung in zwei Sprachen?» (1965); В. Дикман «Kritische Bemerkungen zum sprachlichen Ost-West-Problem» (1967); Г. Корлен «Führt die politische Teilung Deutschlands zur Sprachspaltung?» (1967).

Сравнительный анализ использования политической лексики в ГДР и ФРГ, изучение повседневной коммуникации в ГДР, а также составление библиографического списка по теме является заслугой немецкого ученого М.В. Хельмана. Закономерности и тенденции развития языка в ГДР закреплены также в лексикографических изданиях [Kinne 1981; Ahrends 1986].

Примечательно, что после образования двух немецких государств в течение 40 лет параллельно издавались словари «Duden» в Лейпциге (Duden-Ost) и в Мангейме (Duden-West), фиксирующие специфику развития немецкого языка по двум направлениям. Издание словаря в двух версиях явилось своеобразным символом языкового раскола.

Долгое время русло исследований немецких специалистов было преимущественно лексико-ориентированным. Однако уже в 70-80-ые годы фокус исследований с лексико-семантического аспекта постепенно сместился на прагмалингвистический в контексте прагматического подхода в науке. Изучение политического языка стало привлекать не только лингвистов, но и специалистов из разных областей гуманитарного познания, в частности социологии и социалингвистики. С этого момента язык рассматривался как социальное действие, реализующееся в конкретных коммуникативных ситуациях. Основопологающим было положение о том, что при лингвистическом анализе

необходимо учитывать контекст. Закономерным в этом отношении представляется высказывание К. Саламуна о том, что для построения теории языка политики недостаточно обращения к семантическому и синтаксическому анализу. Необходимо применять прагматический подход, позволяющий выйти за пределы лингвистического анализа с помощью полученных знаний из других гуманитарных наук [цит. по Крючкова, Нарумова 1991: 57]. На это обращает внимание и А. Буркхардт, утверждая, что в 70-ые годы значительно увеличился поток лингвистических и политологических исследований [Burkhardt 1996: 76]. В данный период внимание исследователей сосредоточивается на парламентской коммуникации и на военно-политическом использовании языка (на милитаристском дискурсе), на языке как инструменте манипуляции. Кроме того, возникают отдельные исследования по типам и жанрам политических текстов. Подтверждением тому служат работы Л. Макензена «Verführung durch Sprache. Manipulation als Versuchung» (1973); Х. Куна «Despotie der Wörter. Wie man mit der Sprache die Freiheit überwältigen kann» (1975); К.Э. Зоммерфельдта «Manipulierung mit Hilfe der Sprache in der imperialistischen Gesellschaftsordnung» (1982); А. Буркхардта «Auf- / Vor- / Nach- / Ent- / Rüstung ist der Preis des Friedens. Eine linguistische Nachlese zur Rede von Bundeskanzler Dr. Helmut Kohl in der («Nach»-) Rüstungsdebatte des Deutschen Bundestages am 21. und 22. November 1983» (1986); Г. Штрауса «Der politische Wortschatz. Zur Kommunikations- und Textsortenspezifika» (1986). Большое значение для теории и практики публичной политической речи имеет монография Х. Грюнерта «Sprache und Politik» (1974). В ней подвергаются анализу публичные речи политиков в парламентских дебатах первого национального собрания, так называемого национального собрания в Паульскирхе во Франкфурте-на-Майне в период с 18.05.1848 по 18.06.1849 гг. [Grünert 1974]. Более того, в 70-ые годы возрастает интерес к изучению правительственных заявлений канцлеров ФРГ, например, в трудах Г.-У.Бена и К. фон Байме [Behn 1971; von Beume 1979]. Предметом междисциплинарного изучения правительственные заявления также стали монографии бывшего спичрайтера Г. Коля В. Бергсдорфа «Herrschaft und Sprache» [Bergsdorf 1983].

Целью работ отдельного ряда ученых было изучение риторического и речестилевого аспекта, например, в выступлениях Гельмута Шмидта [Lang 1975]. В результате, по словам Э.В. Будаева и А.П. Чудинова, в период 60-80-х годов XX века политическая лингвистика, приобретая все более научный аппарат, начинает развиваться в отдельное самостоятельное направление [Будаев, Чудинов 2008: 20].

После объединения Германии в 1990 году и упразднения ГДР внимание к языковой проблеме на территории двух государств не ослабло, а, наоборот, повлекло за собой целый ряд перспективных исследований, что, по замечанию М.В. Хельмана, ознаменовало «вторую эпоху немецко-немецкого языкового развития» [Hellmann 1997: 18]. В противовес языковой дивергенции вторая эпоха прошла под знаком языковой конвергенции. Между тем конвергенция происходила, в том числе и на социальном уровне. Действительно, это была «связь между жизнью и языком, между общественным движением и коммуникацией» [Girnth 2015: 17]. Здесь необходимо упомянуть один из ключевых лозунгов того времени, получивший популярность в 1989 г. во время массовых протестных выступлений: «Wir sind ein Volk!» («Мы – один народ!»)¹. Вслед за падением Берлинской стены стали доступны многие источники из эпохи существования ГДР. В новых условиях усилился научный диалог между учеными, а также обмен полученными данными и методологической базой. В первые годы после объединения Германии появляется значительное количество трудов, посвященных языку периода до и после «поворота» (*Sprache der „Vor-und Nachwendezeit“*), например, В. Ошлиса, К. Фрааса [Oschlies 1990; Fraas 1990]. Среди ретроспективных исследований следует выделить многочисленные работы У. Фикс [Fix 1994, 1997, 1998]. Так, применяя семиотический подход в статье «Text – und diskurslinguistische Analyse der Zeitungssprache der DDR», У. Фикс освещает изменения функционирования языка в ГДР. На первый план выходит использование формул в политической коммуникации, детерминирующей ритуализацию частной и общественной жизни. Ритуализация в то время, по

¹ Здесь и далее перевод наш. – К.К.

словам автора, охватывала тексты прессы, доминирующая коммуникативная функция которой заключалась в подтверждении ценностей, установлении связей, в демонстрации принадлежности или, другими словами, в выражении интеграции [Fix 2014: 362-364].

Предмет лингвистических изысканий постепенно расширился, так как ученых привлекал уже не только официальный язык в ГДР, но и реклама, письма читателей, объявления о продаже квартир, одним словом – приватный и межличностный дискурс [Hellmann 1997: 19–22]. Развитием и сравнительным изучением языковых культур Германии до и после объединения занимались в том числе другие известные специалисты: Г. Лерхнер, В. Ошлис, Х.Д. Шлоссер, М. Шредер, Х.-В. Эромс.

С произошедшими в обществе событиями возникла острая необходимость в создании исчерпывающего и всеобщего лингвистического корпуса, единицы которого отражали бы языковой феномен рассматриваемого периода и восполняли бы пробелы. Именно по этой причине лингвистами впервые был составлен так называемый Wendekorpus университета немецкого языка г. Мангейма (IDS: Institut für Deutsche Sprache Mannheim), объединяющий в себе узуальное словоупотребление в текстах газет и журналов, листовок, протоколов и заседаний, публичных выступлений и правительственных заявлений обоих государств в период с середины 1989 до конца 1990 гг. [Wendekorpus: электронный ресурс]. На базе данного корпуса создан гипертекстовый словарь под руководством немецкого лингвиста М.В. Хельмана [Hellmann 2006]. Возросший научный интерес к данной языковой проблеме обусловлен как комплексными социально-политическими изменениями, так и поиском национальной самоидентификации немецкого этноса в сложившейся ситуации.

С 1989 года центральной темой становится язык периода «поворота» и демократической революции в ГДР, когда установилась парламентская демократия. Наряду с прагматическим анализом возросла потребность применения дескриптивного и критического анализа.

Тем не менее, как утверждает Т. Нир, языковые различия между Восточной и Западной Германией, а также языковая специфика исторического «поворота» 1989-1990 гг. по-прежнему остаются недостаточно изученными [Niehr 2014: 40-41].

Таким образом, по справедливому замечанию А. Буркхардта, именно исследования языка национал-социализма после разделения Германии и исследования дивергентного развития вокабуляра в обеих странах определили центральные темы в немецком языкознании на протяжении многих десятилетий и послужили отправным пунктом зарождения немецкой политолингвистики как науки [Burkhardt 1996: 76].

1.2. Отечественные исследования в области политической лингвистики

Политическая лингвистика является довольно молодой областью отечественного языкознания. Становление данной дисциплины, как и любой науки, связано напрямую с историческими изменениями в обществе. Так, оформление отечественной политической лингвистики произошло гораздо позднее, чем за рубежом, а именно в конце XX века, когда начались интенсивные разработки вскоре после распада СССР. По идеологическим причинам в течение долгого времени проблематика общественно-политической коммуникации была исключена из сферы научного внимания. Более того, в условиях жесткой цензуры отечественные специалисты были практически оторваны от мирового научного сообщества.

Несмотря на это, интерес к изучению общественно-политической речи в СССР существовал на протяжении многих лет и в более ранних периодах. Так, А.П. Чудинов предлагает рассматривать 3 периода в изучении политического языка [Чудинов 2009: 14-15]:

- 1) 20-ые-30-ые гг. XX века: первый период связан с трудами выдающихся лингвистов того времени – А.А. Потебни, Ф.И. Буслаева, Г.О. Винокура,

Е.Д. Поливанова, Л.В. Щербы, А.М. Селищева, В.В. Виноградова и др. В этот время основной интерес ученых был сосредоточен на изучении языка после событий Октябрьской революции 1917 года. Данный период характеризуется исследованием изменений в лексической и стилистической системе. В сферу анализа также попали заимствованные слова, неологизмы, различные типы аббревиации, общественно-политическая и научно-техническая терминология, которые в качестве компонентов речевого стандарта проникли во все сферы употребления языка. Под влиянием речевой манеры политических лидеров изменился коммуникативный идеал, подвергшийся упрощению, а сам язык подвергся «словесному обнищанию» [Винокур 1923: 123].

- 2) Второй период приходится на 30-ые – 40-ые гг. XX века, когда в языкознании просматривается идеологический уклон. Так, большое влияние на лингвистов в данный период оказала марксистско-ленинская философия, в особенности метод диалектического материализма. Языковеды, отождествляя язык с базисной надстройкой, разработали идею о классовости языка, в котором старались отдельно описать «язык трудящихся» и «язык эксплуататоров». Особое место в разработках того времени занимает риторический и стилевой анализ публичных выступлений отдельных представителей власти – ведущих ораторов, например, В.И. Ленина, И.В. Сталина, М.И. Калинина, С.М. Кирова. Однако живой интерес к изучаемой проблеме актуален и в наши дни [Романенко 2003].
- 3) Третий период датируется 50-ыми – 80-ыми годами, когда чрезвычайно значимой для проблемы политической речи стала теория ораторского искусства и практическая риторика в трудах Г.З. Апресяна, В.П. Вомперского, Н.Н. Кохтева и Д.Э. Розенталя, П. Сергеича, П.А. Ножина, Л.А. Введенской, В.В. Одинцова и др.

Коренным образом изменилась ситуация в связи с процессами демократизации общества на постсоветском пространстве после распада СССР. Новые исторические условия, в частности, начало перестройки и гласность,

открыли перед учеными новые перспективы. Так, смена политического курса и новые дискурсивные практики потребовали от лингвистов интерпретации новых языковых данных. О переходном периоде свидетельствуют работы А.Н. Баранова и Е.Г. Казакевич [Баранов, Казакевич 1991; Баранов 1993].

Еще одной тенденцией в рассматриваемый период является возросший интерес к парламентской коммуникации. Примером изучения публичной речи в институциональном политическом дискурсе того времени служит сборник статей «Культура парламентской речи», содержащей анализ специфики жанров выступлений современных депутатов, на основании которого впоследствии были даны практические рекомендации с точки зрения речевоздействующего эффекта и организации самого выступления [Культура русской речи и эффективность общения 1996: 108]. На коммуникативную целесообразность употребления лексики и стилистическую окраску в парламентской речи обратил внимание в своей статье и С.И. Виноградов [Виноградов: 1993].

Отдельную группу в конце 90-х годов представляют исследования, ориентированные на анализ концепции политических текстов и их основных жанров (реклама, лозунги, политические листовки, политические новости, политическая карикатура, политические речи и др.), на исторический аспект их возникновения, а также на особенности использования риторико-стилистических средств. Было также отмечено своеобразие советского и российского политического дискурса. Примечательно, что российский политический дискурс рассматривается в рамках одной традиции наряду с европейским и американским дискурсом. Значительный вклад в данном направлении внесли современные исследователи политической речи, описавшие в своих работах речевые портреты и идиостили политических лидеров XX века (А.Г. Алтунян, В.Н. Базылев, А.К. Михальская, Т.С. Вершинина и др.).

Отдельного внимания заслуживает лингвистическая постсоветология – популярное направление в современной зарубежной лингвистике, предметом которого служат специфические характеристики политической коммуникации на постсоветском пространстве. Термин «лингвистическая постсоветология» был

предложен Э.В. Будаевым и А.П. Чудиновым в одноименной статье, включающей наиболее полный обзор публикаций и тематических групп исследований в рамках данного направления [Будаев, Чудинов 2008б]. Проанализировав наиболее признанные и авторитетные работы зарубежных специалистов, российские ученые приходят к выводу, что рассматриваемое направление помогает значительно обогатить знания о политической коммуникации в СССР и современной России. В контексте настоящего исследования необходимо также упомянуть публикации немецких лингвистов, неоднократно обращавшихся к изучению политического дискурса нашего государства, таких, как Й. Фрухтман, Э. Хокауф, М. Хубеншмид, Д. Вайс.

Наглядной иллюстрацией плодотворного изучения и укоренения политической лингвистики в России в настоящее время может послужить организованная в 2011 году научная школа для молодых ученых и аспирантов «Современная политическая лингвистика», руководителем которой является коллектив ведущих специалистов по политической лингвистике Уральской лингвистической школы. В рамках этой школы в 2006 году был основан научный журнал «Политическая лингвистика», включенный в перечень рецензируемых научных изданий ВАК России. Четыре раза в год в журнале публикуются статьи представителей различных российских и зарубежных научных школ. Деятельность журнала и политика редколлегии ориентирована на интеграцию ученых, принадлежащих, в том числе и к другим социально-гуманитарным областям, что позволяет обогатить знания и установить международный научный диалог. Как показал обзор публикаций, проведенный Е.В. Дзюбой и А.П. Чудиновым, за последнее десятилетие в отечественной политической лингвистике можно выделить следующие направления: лингвосемиотическое (Э.В. Будаев, М.Б. Ворошилова, М.Н. Володина, С.В. Иванова, В.И. Карасик, С.Л. Кушнерук, Л.А. Мардиева, Е.А. Нахимова, Р.Т. Садуов, Е.И. Шейгал и др.), когнитивное (В.Н. Базылев, К.А. Богданов, О.О. Борискина, Л.Е. Веснина, М.В. Гаврилова, Е.Г. Малышева, Т.Г. Скребцова, М.В. Терских, З.З. Чанышева, и др.), когнитивно-дискурсивное (А.А. Бушуев, Т.А. Волкова, С.А. Громыко,

С.В. Иванова, Н.А. Красильникова, О.М. Моргун, Д.С. Мухортов, Е.А. Нечаева, Н.В. Руженцева, Е.А. Слободенюк, А.П. Чудинов, и др.), риторическое (Е.Е. Аникин, О.С. Иссерс, В.А. Каменева, О.Н. Морозова, М.В. Никифорова, А.П. Седых, И.В. Сопова, В.Е. Чернявская, и др.), лингвокультурологическое (С.Г. Воркачев, С.В. Иванова, Н.А. Купина, И.Г. Милевич, А.В. Прожилов, И.П. Рябкова и др.), психолингвистическое (К.И. Белоусов, А.Д. Васильев, И.А. Ваулина, Т.Н. Галинская, Т. А. Гридина, А.Ф. Журавлев, О.С. Ильина, И.В. Коноваленко, А.Г. Кудрявцев, О.А. Нестерова, Е.В. Шустрова и др.), социоллингвистическое (А.В. Алферов, М.В. Ворошилова, С.В. Доронина, А.И. Завьялов, А.А. Кретов, А.М. Плотникова, Г.Е. Попова, И.И. Скачкова, И.А. Стернин, Ю.Р. Тагильцева, В.Т. Титов и др.) [Дзюба, Чудинов 2016: 77-83]. Как показывает вышеприведенный обзор, яркой приметой современных исследований является расширение исследовательского инструментария и применение разнообразных научных методик, характерных для пограничных с политической лингвистикой гуманитарных наук. Разнообразен также эмпирический материал, на котором проводятся исследования. Данный факт объясняется тем, что между представленными тенденциями и направлениями нет непроходимых границ. Это означает, что для политической лингвистики характерны такие признаки как мультидисциплинарность и экспансионизм («расширение области лингвистических изысканий») [Чудинов 2009: 6].

Помимо этого, на базе Уральского государственного педагогического университета, начиная с 2003 года, проходит ежегодная международная научная конференция по политической лингвистике, освещающая актуальные тенденции развития науки как в России, так и за рубежом.

Таким образом, представляется целесообразным говорить об укреплении научного статуса политической лингвистики в России, о многообразии аспектов, о теоретическом осмыслении данной области, разрастании понятийного аппарата и установлении терминологии. Все это, особенно в последние годы, способствовало оформлению политической лингвистики как самостоятельной области исследования и особой лингвистической дисциплины. Тем не менее,

говорить об окончательном формировании и об общности методологии, терминологии и построении единой теоретической модели пока рано, поскольку некоторые положения все еще требуют уточнения. Прежде всего, это касается именованной самой дисциплины. Так, преобладающее количество исследователей отдает предпочтение термину «политическая лингвистика» (А.Н. Баранов, О.И. Воробьева, М.В. Гаврилова, П.Б. Паршин, А.А. Романов, А.П. Чудинов). Наряду с данным термином в лингвистической литературе фигурируют термины «политологическая филология» и «лингвистическая политология» (В.З. Демьянков). Между тем термин «лингвополитология» рассматривается в работах многих отечественных ученых как синоним «политической лингвистики» [Демьянков 2010; Маслова 2008; Карпухина 2011; Комарова 2012].

1.3. Современные тенденции исследования политической речи

Особое место в исследовании политического языка занимает институциональная коммуникация, осуществляемая законодательной властью. Интерес для исследователей также представляют парламентские речи, язык парламента и парламентская риторика. Среди наиболее известных зарубежных работ следует выделить сборник «Sprache des deutschen Parlamentarismus», куда вошли статьи известных ученых, таких как А. Буркхардт, Й. Килиан, Т. Нир, К. Папе, У. Сарчинелли, Й. Вольмерт и др. В данном исследовании изображена наиболее полная и систематизированная картина развития парламентской коммуникативной культуры начиная с революции 1848 года и заканчивая временем «поворота» и парламентаризмом в Восточной Германии как с исторической, политической, так и лингвистической перспективы. В работе осмыслена теоретическая составляющая парламентского феномена, собран богатый эмпирический материал, сделаны ценные выводы, касающиеся, например, классификации наиболее типичных фразеологических единиц, обладающих когнитивно-семантическим потенциалом политической речи на

парламентских дебатах. На лексико-семантическом уровне проанализированы обозначения миграционного процесса в парламентской речи. С критической точки зрения под сомнение ставится соблюдение правил аргументации («аргументативный дефицит») политиками в бундестаге. Кроме того, освещение получил сравнительный анализ коммуникации в парламенте Нидерландов, Великобритании и Государственной Думе Российской Федерации. Методы, на которых базируются результаты лингвистов, относятся к функциональной прагматике, прагмалингвистике, теории речевых актов, критическому дискурс-анализу.

Как показывает обзор научных публикаций, по итогам парламентских выборов 2017 снова возрос интерес к изучению политического языка партий «Альтернатива для Германии», «Левые», СДПГ, СДП и «Союз 90 / Зеленые» [Kuck 2018; Niehr 2018; Römer 2018; M. Wengeler 2018].

В период бурного всплеска процессов глобализации и непрекращающегося становления современных технологий с 80-х годов четко обозначилась тенденция изучения политического языка в средствах массовой информации. Возникает закономерный вопрос, какое место медиа занимают в осуществлении политической коммуникации и в формировании общественного мнения. В частности, изучается, как вербальное и невербальное общение по телевидению влияет на восприятие реципиента [Jarren 1994; Maurer 2016; Maurer, Kerplinger 2003]. Подробно изучен феномен политической телевизионной дискуссии, теледебатов (TV-Duellen) и ток-шоу, в котором участвовали Г. Шредер и А. Меркель в рамках предвыборной кампании в сентябре 2005 года [Nagel 2012]. Примечательно, что для данных жанров политической коммуникации характерно явление «конфротейтмента», под которым понимается намеренно инсценированная стратегия публичного вербального спора, имеющая, как правило, развлекательный характер и предназначенная для оказания политического воздействия. Подробно этот вопрос изучен в трудах Г.-Ф. Фольтина, М. Клемма, В. Холли. Не только комбинация речевых высказываний и передача изображения, но и невербальная составляющая

является, не преувеличением будет сказать, одной из важнейших составляющих политической коммуникации в рамках политических ток-шоу и теледебатов, поэтому театральность как ее основное свойство изучается в современном аудиовизуальном медиадискурсе.

Публичный политический дискурс немислим без участия массмедийного опыта в жизни политика. Политические акторы уже давно признали значимую роль социальных сетей, при помощи которых распространяется политическая информация и создается имидж. По словам М. Клемма, «не позднее середины 1990-х гг. политика открыла для себя интернет в качестве информационной и мобилизационной платформы» [Klemm 2016: 525]. С недавних пор большой интерес представляет развитие и использование разных форм интернет-коммуникации в политических целях: от домашних страниц политиков до YouTube-каналов, в которых политик занимает центральное место цифрового дискурса. Задача современного политика – это убедить не просто при помощи слова и действия, но и при помощи «статичных и динамичных изображений», являющихся незаменимым инструментом передачи сообщения [там же: 529]. Если проанализировать персональные страницы ведущих политиков Германии, то можно обнаружить, что у федерального канцлера ФРГ Ангелы Меркель², у таких лидеров партий, как Алис Вайдель, Сара Вагенкнехт, Аннегрет Крамп-Карренбауэр, Кристиан Линднер, Роберт Хабек обязательно имеются профили в социальных сетях Facebook, Instagram и Twitter. Не секрет, что по меньшей мере 602 из 631 члена немецкого парламента по состоянию на 2013 год имеют свои собственные профили на Facebook [Girnth 2016: 15]. Кроме того, в 2013 году в Германии появилось даже практическое руководство для политиков, разъясняющее, для чего политику нужна персональная страница в данной социальной сети и как ее вести [Руководство по созданию профиля на Facebook для политиков: электронный ресурс]. На специальном сайте можно отслеживать еженедельную статистику прироста подписчиков в социальных сетях. Например,

² См., например, <https://www.facebook.com/AngelaMerkel/posts>, <https://www.instagram.com/bundeskanzlerin/?hl=ru>; <https://www.instagram.com/alice.weidel/?hl=ru>, https://twitter.com/alice_weidel; <https://www.youtube.com/user/dielinke>

у А. Меркель 2.543.568 подписчиков на Facebook³. С одной стороны, подобная форма политической коммуникации требует от политиков новых риторических навыков в процессе создания собственного имиджа в виртуальном пространстве. С другой, признание всевозрастающей роли интернет-коммуникаций заставляет специалистов изучать не только вербальный уровень, но и аудиовизуальный, отражающийся в фотографиях, изображениях и видео. Очевидно, что язык является не единственным инструментом и медиатором политики. На этом основании В. Хофман разработал концепцию «визуальной политики» [Hofmann 1998; 1999]. Чуть позднее появилось даже отдельное направление, так называемая «иллюстративная лингвистика» (Bildlinguistik), получившая свое распространение благодаря работе «Bildlinguistik. Theorien – Methoden – Fallbeispiele» [Diekmannschenke, Klemm, Stöckl 2011]. В рамках «иллюстративной лингвистики» предпринимаются попытки ответить на такие вопросы: каким образом изображение в совокупности с языком достигает своей эффективности; каким образом политическая коммуникация как сфера применения отражается на отношениях между языком и изображением; как взаимодействуют разные семиотические системы (язык и изображение); какие сходства или различия имеют эти семиотические системы на перцептивно-когнитивном, семантическом и прагматическом уровнях; какую контекстуальную и коммуникативную функции выполняет то или иное изображение; какое коммуникативное предназначение имеют те или иные виды изображений в социальном контексте др. По совершенно справедливому замечанию ученых, потребность в анализе коммуникации наряду с прагматическим ознаменовала «изобразительный поворот» в науке («iconic / pictorial turn») [Klemm, Stöckl: электронный ресурс]. Среди западных ученых, занимающихся данной проблематикой, в частности в области политической коммуникации, следует выделить В. Холли, М. Клемма, К. Закса-Гомбаха, Н. Деринга, Л. Розумека, У. Перксена, М. Люненборг, Г. Кресса и др. Данные тенденции возникли не случайно, поскольку интернет стал неотъемлемой частью

³ Информация по состоянию на 2.08.2018 <https://pluragraph.de/organisations/dr-angela-merkel>

современной коммуникации в обществе, а, следовательно, и политики. Таким образом, интернет по праву считается одним из средств политического воздействия и политической борьбы.

Показательным в контексте изучения публичной политической речи является лингвистический анализ публичного выступления бывшего председателя бундестага Ф. Йеннингера. Произнесенная по случаю 50-й годовщины так называемой «Хрустальной ночи» (Novemberprogrome 1938) в 1988 и послужившая причиной отставки политика речь стала предметом дискуссий среди историков и политологов. Причины провала политической речи изучены, в частности, с точки зрения лексико-семантического, стилистического, композиционного, семиотического, риторического анализа известными филологами В. Йенсом, В. Кирстом, Й. Швиталла, П. фон Поленцем, Б.-Н. Кребс, Х. Гирнтом, Й. Коппершмидтом в сборнике «Kommunikation und Verstehen: der Fall Jenninger als Beispiel einer semiotischen Kommunikationsanalyse» [Siever 2011]. Негодование во время выступления в условиях коммеморативной практики вызвали некорректные высказывания Ф. Йеннингера по поводу прошлого эпохи нацизма и «коллективной вины немцев», что шло вразрез с тогдашней политикой в ФРГ и было табуировано политическим режимом. Тем временем основная критика была направлена не на то, что именно произнес политик, а как он это представил. Так, Х.-Й. Херингер отмечает, что неудачными были следующие пункты: тон речи, несоответствие жанру памятной речи, недостаточное дистанцирование от языка и преступлений национал-социализма [Heringer 1991: 166]. Этот случай свидетельствовал о необходимости обучения речевому анализу в школах и университетах и впоследствии вошел в качестве классического образца для разбора на занятиях по риторике в Германии. С дидактической точки зрения возникла насущная потребность познакомить учащихся с языковыми особенностями политической коммуникации, с убеждающим потенциалом и речевыми стратегиями политической речи на конкретных примерах [Bachem 1998].

На протяжении долгого времени немецкий политический дискурс

находится в сфере исследовательского интереса российских германистов. Так, М.Н. Володиной на материале немецкого языка изучена общественно-политическая терминология [Володина 2003]. Приоритетным в рамках когнитивно-дискурсивного подхода является направление, изучающее различные аспекты метафоры и метафорических репрезентаций [Степаненко 2001; Воронова 2003; Бучнева 2004; Керимов 2005; Карпенко 2006; Литвинова 2008; Орлова 2012;]. Современные языковеды все чаще обращаются к тематике политического речевого воздействия, имеющего различные формы проявления. На сегодняшний день изучены выразительные возможности механизмов речевого воздействия на материале выступлений Г. Шредера [Комисарова 2008], речевые стратегии и тактики объективации агрессии на материале жанра «интервью» А. Меркель [Карякин 2010], вербальные и невербальные компоненты в процессе стратегии убеждения [Туманова 2016], речевые маркеры стратегий конфликта в парламентском политическом дискурсе [Вознесенская 2010], вербальная атака в политическом дискуссионном дискурсе [Литовченко 2003], манипулятивное воздействие языковой игры в предвыборной коммуникации [Ханина 2016]. Кроме того, в области лингвокультурологии, например, в теории концептуализации, отдельное освещение получило изучение концептов на основе фреймового анализа политического дискурса [Моисеева 2007; Хохлов 2009] и вербализации когнитивной матрицы «свой-чужой» на материале выступлений А. Меркель [Ненашева 2012]. Существует также сопоставительное исследование когнитивной модели на материале британского, американского и немецкого дискурсов [Шапочкин 2005].

Приведенный выше краткий исторический обзор работ по интересующей нас проблематике свидетельствует о важности исследования публичной речи и политического языка. Не подлежит сомнению тот факт, что постоянно возникающие новые политические процессы диктуют новые правила коммуникации. Вслед за этим остро встает необходимость в освоении методов коммуникативного воздействия, поскольку в политике, иными словами, в борьбе за власть, «победителем обычно становится тот, кто лучше владеет

коммуникативным оружием, кто способен создать в сознании адресата необходимую манипулятору картину мира» [Будаев, Чудинов 2008: 17].

Выводы по Главе 1

1. Исторический подход при исследовании немецкой публичной политической речи наглядно показывает взаимопроникновение синхронного и диахронного, позволяет расширить представление об анализируемом явлении, а также глубже осмыслить общественно-политический и культурный контекст.
2. Начиная со второй половины XX века научный анализ политического языка в Германии представлен двумя центральными направлениями: изучением специфики языка национал-социализма и изучением развития языка на территории ФРГ и ГДР. Выделение данных направлений объясняется их тесной связью с общественно-политическими и историческими особенностями развития государства. В результате данные тематические области исследования языковой проблематики в Германии в 90-ые гг. XX века способствовали оформлению политической лингвистики как научной дисциплины и на долгое время определили актуальность предмета ее исследования.
3. По сравнению с Германией, в России рост интенсивных разработок в области политической лингвистики начался гораздо позднее, а именно после распада СССР, несмотря на то, что интерес к изучению политического языка существовал с 20-х гг. XX века. На сегодняшний день отечественная политическая лингвистика находится в стадии становления, о чем свидетельствуют различные именованья самой дисциплины.

Глава 2. Теория и методология исследования публичной политической речи

2.1. К определению понятия «дискурс»

Очевидно, что объектом исследования политической лингвистики является политический дискурс. Прежде чем перейти к понятию «политический дискурс» и его особенностям, необходимо кратко охарактеризовать неразрывно с ним связанное базовое понятие «дискурс».

Экспансия научных разработок в области гуманитарных наук ведет к тому, что возникает общность объекта исследования и понятийного аппарата. Нередко возникают случаи неодинаковой интерпретации того или иного явления. Иллюстрацией подобного процесса может послужить термин «дискурс», который изучается в рамках междисциплинарного и антропоцентрического подхода на стыке таких наук, как лингвистика и психолингвистика, психология, риторика и теория речевого воздействия, философия, социология, педагогика, юриспруденция и др. Существенный для понимания термин не имеет до настоящего времени однозначного определения в силу своего широкого употребления в разных научных сферах. На это указывает У. Чейф: «дискурс многосторонен, и достаточно очевидна ограниченность любых попыток отразить его моделирование, сведя дискурс к одному или двум измерениям» [цит. по Е.С. Кубрякова 2004: 524]. Именно поэтому изучение дискурса требует интегрирующего подхода.

Значение термина «дискурс» восходит к лат. *discursus*, первоначальное значение которого: «разбегание», «бег туда-сюда»; «рассуждение», «разговор», «беседа».

А.А. Кибрик и П.Б. Паршин достаточно успешно обобщили трактовки понятия «дискурс» в современной науке, выделив следующие направления («классы») [Кибрик, Паршин: электронный ресурс]. Первое направление определяется как лингвистическое и связывается с опубликованной в 1952 г. работой «Discourse Analysis» американского ученого З. Харриса. В рамках

данного подхода делаются попытки разграничения дискурса и текста. Дискурс начинает мыслиться как динамический процесс в отличие текста, который признается как статистическая структура. В то же время дискурс предстает как речевая деятельность в отношении связной последовательности речевых высказываний и соотносится с устной передачей информации. Подобное понимание позволяет применять методы дескриптивной лингвистики. Данная концепция восходит к англоязычной лингвистической традиции, хотя она имеет определенное пересечение с пониманием дискурса, например, Н.Д. Арутюновой («речь, погруженная в жизнь»). Предложенная концепция, по всей видимости, отнюдь не является новой, так как ранее в 1940-х годах бельгийский ученый Э. Бюиссанс выдвинул идею о трихотомии «язык-дискурс-речь», введя новый элемент в сосюрговскую бинарную оппозицию «язык-речь». В ней дискурс предстает как посредник между языком и речью. Также французский ученый Э. Бенвенист обозначил дискурс как «речь, присваемую говорящим» в отношении к ее прагматическим координатам в коммуникативной ситуации («дискурс как история») [Культура русской речи: Энциклопедический словарь–справочник 2003: 163].

Второе направление получило свое развитие на почве структурализма и постструктурализма в трудах А. Греймаса, М. Пеше, Ю. Кристевой, Ж. Деррида, М. Фуко. В традиции французской школы были сделаны попытки охарактеризовать «дискурс» через понятие «стиль» в самом широком смысле этого слова (стиль отождествляется с человеком) и «индивидуальный язык», то есть исследователей интересовали конкретные разновидности дискурса. В работе «Археология знания» 1969 г. М. Фуко оперирует понятиями «дискурс» и «дискурсивная практика». Подчеркивая историческую обусловленность, он полагает, что дискурс создан и ограничен определенным количеством высказываний, характерных для одной и той же дискурсивной формации. «Дискурсивная практика» в свою очередь трактуется им как «совокупность анонимных, исторических, всегда детерминированных во времени и пространстве правил, которые в данную эпоху и для данного социального, экономического,

географического или лингвистического сектора определили условия осуществления функции высказывания» [Фуко 2004: 227-228]. Как верно отмечает Т.В. Милевская, согласно концепции французского ученого, «дискурс – прежде всего определенный тип высказывания, присущий определенной социально-политической группе или эпохе (коммунистический дискурс)» [Милевская: электронный ресурс].

Третье направление принадлежит немецко-австрийской школе и соотносится с именами У. Мааса, З. Егера, Ю. Линка, а также Ю. Хабермаса. Так, понимание дискурса Ю. Хабермасом довольно специфично. Немецкий философ исходит из постулата о рациональности дискурса, представляющего процедуру логического рассуждения и аргументирования. Фундамент европейской рациональности, по Хабермасу, выстроен на субъектно-объектных отношениях, ведущих к насилию и разрушающих межличностную коммуникацию. Предлагаемая философом переориентация на субъектно-субъектные отношения в коммуникации должна исключить подобное. Поэтому процесс рационализации, эксплицированной в аргументации, позволяет преодолеть отношения принуждения и насилия и достичь консенсуса. Отсюда дискурс в исследовании языка и мира предстает как «идеальный вид коммуникации, осуществляемый в максимально возможном отстранении от социальной реальности, традиций, авторитета, коммуникативной рутины и т.п. и имеющий целью критическое обсуждение и обоснование взглядов и действий участников коммуникации» [Кибрик, Паршин: электронный ресурс]. Следовательно, «подлинный (рациональный) консенсус достигается посредством дискурса, диалогически равноправной процедурой аргументации, и представляет собой универсальное, значимое для всех разумных субъектов коммуникации согласие» [Грицанов 2003: 1127].

Концепция другого представителя немецкой школы, У. Мааса, тесно связана с концепцией М. Фуко. По его мнению, текст является языковым выразителем определенной общественной практики, которую детерминирует идеологическая и историческая ментальность. В то же время «общественная

практика определяет массу других возможных текстов» [Чернявская 2006: 72]. В результате дискурсивный анализ превращается в «социально-исторически-психологическую реконструкцию «духа времени», где в каждом высказывании отражается надындивидуальная, коллективная речевая практика [Кожина 2008: 55].

Нетрудно заметить, что вышеперечисленные концепции выходят далеко за рамки лингвистического анализа, что еще раз подтверждает многоаспектность рассматриваемого термина. Таким образом, указанные три «класса» понимания дискурса заложили традицию изучения дискурса и легли в основу последующих трактовок дискурса в науке.

Впоследствии на многозначность термина указывает швейцарский лингвист П. Серио, выделяя в нем 8 значений: 1) дискурс понимается как эквивалент понятия «речь» (по Ф. Соссюру); 2) единица, по размерам превосходящая фразу; высказывание в глобальном смысле; 3) воздействие высказывания на его получателя и его внесение в «высказывательную ситуацию» (в рамках теории высказывания и прагматики); 4) беседа, рассматриваемая как основной тип высказывания; 5) у Э. Бенвениста «дискурсом» называется речь, присваиваемая говорящим, в противоположность «повествованию», где отсутствует эксплицитное вмешательство субъекта высказывания; 6) язык vs. речь; дискурс понимается как речь, противопоставленная языку; исследование особенностей употребления единиц «в речи» и «в языке»; 7) дискурс как система ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу социальной или идеологической позиции (феминистский или административный дискурс), то есть определенные типы высказываний, присущие феминисткам или администрации; 8) дискурс vs. высказывание: дискурс – это высказывание, рассматриваемое с точки зрения дискурсного механизма, который им управляет [Серио 1999: 25-27].

Как известно, «общение всегда протекает в определенной сфере человеческой деятельности, в определенном социальном пространстве» [Шейгал 2004: 15]. В отечественной лингвистической традиции устоялось определение

дискурса, данное Н.Д. Арутюновой, как «связного текста с учетом его социокультурных, психологических, экстра- и паралингвистических факторов; текст, взятый в событийном аспекте; речь как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и когнитивных процессах» [Арутюнова 1998: 136-137]. Дискурс, заключает лингвист, – «речь, погруженная в жизнь». Схожим образом В.И. Карасик интерпретирует дискурс как «текст, погруженный в ситуацию реального общения», который допускает множество измерений, и, следовательно, подходов к его изучению [Карасик 2012: 287]. Поэтому подобный подход к определению дискурса исключает возможность применения данного термина по отношению к древним текстам. В данном случае дискурс понимается шире текста, то есть дискурс не ограничен текстом, он выходит за его рамки.

Как показывает обзор научной литературы, часто термин «дискурс» осмысливается в неразрывной связи со смежными понятиями «текст», «речь», а также через оппозицию «язык-речь». При этом термины «дискурс» и «текст» обычно противопоставляются по принципу «устная vs. письменная речь». В большинстве случаев ученые принимают точку зрения о соотношении дискурса с речью, а текста с языком. На этом основании разграничиваются, в том числе и науки, которые занимаются исследованием дискурса и текста. Как было отмечено выше, в англоязычной традиции предметом дискурс-анализа является устная речь. В то же время изучением письменных текстов занимается не дискурс-анализ, а лингвистика текста. Данная идея нашла свое отражение в концепции Т.А. ван Дейка, где дискурс и текст разграничиваются по следующему принципу: дискурс определяется через актуальное речевое действие, то есть ассоциируется с речью, в то время как текст относится к сфере языка [Культура русской речи: Энциклопедический словарь – справочник 2003: 164].

О сложности разграничения двух понятий свидетельствует также интерпретация дискурса Н.Д. Арутюновой, где дискурс – «текст в событийном аспекте» и «речь, погруженная в жизнь», а также определение В.З. Демьянкова, по словам которого «дискурсом чаще всего называют речь (в частности, текст) в

ее становлении перед мысленным взором интерпретатора» [Демьянков 2005: 49-50]. В данной дефиниции, как и в приведенной выше интерпретации дискурса Н.Д. Арутюновой, тем или иным образом происходит сближение рассматриваемых понятий.

Неоднозначная характеристика дискурса содержится в определении В.И. Карасика: «Дискурс представляет собой явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в “сухом остатке” общения, с другой стороны» [Карасик 2002: 192]. Кроме того, приведенная выше развернутая дефиниция Н.Д. Арутюновой и дефиниция Э. Бенвениста позволяют говорить о том, что дискурс и текст принадлежат разным областям исследования: лингвосоциальной и лингвистической [Шейгал 2000: 20]. Поэтому дискурс, в отличие от текста, рассматривается шире, в совокупности с прагматическими, психологическими и социокультурными характеристиками. Однако выдвигаемая оппозиция «письменный текст vs. устный дискурс», по справедливому замечанию М.Л. Макарова, несколько сужает объемы рассматриваемых терминов [Макаров 2003: 86]. Действительно, анализ дискурса не следует низводить только до анализа устного и письменного дискурса. Так, например, публичную речь можно рассматривать как текст, так и устное монологическое выступление, поскольку изначально подготовленный в письменном виде текст предназначается для устного исполнения.

Другая точка зрения строится на противопоставлении дискурса и текста в процессуальном и результативном аспектах. Это означает, что некоторые исследователи определяют дискурс как «когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством», а текст как завершенную форму дискурса [Кубрякова, Александрова 1997: 16]. Подобное разграничение процессуальности и результативности отражено также в работах М.К. Бисималиевой, А.А. Кибрика, В.Е. Чернявской и др. [Бисималиева 1999; Чернявская 2001; Кибрик 2003]. Следовательно, в этом понимании дискурс представляет собой неразрывное единство рече-и текстопорождения.

Дискурс и текст могут быть противопоставлены по принципу актуальности и виртуальности. Дискурс является актуальным с точки зрения его функционирования в реальном времени (on-line, по Е.С. Кубряковой), в то время как текст не прикреплен жестко к конкретному отрезку во времени и поэтому виртуален [Кубрякова 2000: 12].

В качестве еще одного признака, дифференцирующего понятия «дискурс» и «текст», можно привести завершенность и незавершенность (неконтинуальность и континуальность). В рамках данной оппозиции, по мнению Е.И. Шейгал, дискурс не может быть завершен в противоположность тексту, поскольку не имеет ни начала, ни конца. Кроме того, исследователь, опираясь на концепции Б.М. Гаспарова, Ж.-Ж. Куртина и М. Фуко, приписывает дискурсу еще одно измерение – виртуальное, куда входят ранее созданные тексты и социально-исторической фон [Шейгал 2000: 24].

Говоря о взаимосвязи двух аспектов дискурса (речь и текст), представляется целесообразным взглянуть на предложенное В.В. Богдановым определение «дискурса», которое позволяет снять ограниченность выраженных оппозиций и дихотомий. Согласно данной точке зрения, текст и речь выступают в качестве двух неравнозначных аспектов дискурса. При этом дискурс понимается как родовое понятие, а текст и речь видовое [Богданов 1993: 5-6].

Не имея целью охватить разного рода толкования термина «дискурс», следует тем не менее сказать, что диапазон характеристик, утоняющих данное явление, сложен и велик. На основании различных подходов в настоящей работе термин «дискурс» понимается в широком смысле. Дискурс является лингвосоциальным, процессуальным, континуальным, реальным речевым событием. Дискурс «в реальном измерении – это поле коммуникативных практик как совокупность дискурсных событий, это текущая речевая деятельность в определенном социальном пространстве, обладающая признаком процессности и связанная с реальной жизнью и реальным временем, а также возникающие в результате этой деятельности речевые произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических

факторов» [Шейгал 2000: 22-24]. Поэтому дискурс и текст взаимосвязаны таким образом, что «дискурс – это одновременно и процесс языковой деятельности, и ее результат – а результат и есть текст» [Кибрик, Плунгян 1997: 307]. Действительно, политические процессы опосредуют дискурс, находя свое выражение в нем. Но и сам дискурс оказывает прямое влияние на политические процессы. При этом в дискурс вкладывается понимание ранее созданных корпусов текстов, составляющих также когнитивную базу, предопределяющую дискурс.

В рамках данного исследования предполагается предложенный В.И. Карасиком коммуникативно-прагматический подход к изучению публичной политической речи, который учитывает следующие категории: 1) участников общения (статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные характеристики), 2) условия общения (сфера общения), 3) организацию общения (мотивы, цели и стратегии, развертывание и членение, контроль общения и вариативность коммуникативных средств), 4) способы общения (канал и режим, тональность, стиль и жанр общения) [Карасик 2002: 200-201].

Поскольку объектом данного исследования является не дискурс вообще, а политический дискурс, реализующийся в социальной сфере в рамках определенного социального института, то представляется возможным говорить о его принадлежности к институциональному дискурсу. По В.И. Карасику, институциональный статусно-ориентированный дискурс рассматривается в противоположность персональному, личностно-ориентированному. К институциональному дискурсу относятся следующие виды дискурсов: политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный [там же: 134]. Институциональное общение подразумевает распределение социальных ролей в соответствии с нормами социального института. Так, канцлер ФРГ является представителем политического института, а именно Федерального правительства Германии. В отличие, например, от педагогического дискурса, где коммуникация

протекает по линии «учитель-ученик» и адресат чаще всего индивидуален, в политическом дискурсе адресат, как правило, массовый, реже групповой и почти никогда индивидуальный [Шейгал 2004: 43]. На примере рассматриваемого материала коммуникация протекает по следующим линиям: канцлер как представитель института – граждане, канцлер как представитель института – представители института другой страны.

2.2. К определению понятия «политический дискурс»

В современной науке остро стоит вопрос о лингвистическом статусе терминов «политическая коммуникация», «политический дискурс», «язык политики», «политический язык». В настоящее время не существует единого и общепринятого определения данных терминов. Проведенный анализ работ по данной тематике позволяет говорить о терминологических расхождениях как среди западных, так и отечественных исследователей. В научной литературе, наряду с «политическим дискурсом», встречаются параллельно конкурирующие дефиниции: «Sprache in der Politik» (В. Дикман), «politische Sprache» (А. Буркхардт, Й. Килиан, Х.-В. Эромс), «political language» (В. Холли), «общественно-политический дискурс» (Т.В. Юдина), «политический язык» (О.И. Воробьева), «язык общественной мысли» (П.Н. Денисов) и др. Вместе с тем в ряде случаев характерно параллельное использование вышеперечисленных терминов. На отсутствие единой терминологической базы указывает также А.П. Чудинов [Чудинов 2009: 26].

В политической коммуникации отношения между правительственными структурами, социальными группами, государством и обществом регулируются при помощи языка. Будучи связующим звеном и необходимым орудием власти, он нужен для того, чтобы с его помощью осуществлять политические действия, обеспечивать передачу политической информации, а также идей, убеждений, оценок, ценностей и т.п. Поскольку политика выражает себя через систему

коммуникативных действий, то некоторые исследователи указывают на тесную взаимосвязь между языком и политикой. Например, по утверждению американского политолога и социолога М. Эдельмана⁴, «политический язык *есть* политическая реальность» [Edelman 1985: электронный ресурс]. Иными словами, в данном определении язык приравнивается к политике.

Определение политической коммуникации в наиболее полном и общем виде было сформулировано французским политологом Р.-Ж. Шварценбергом. Согласно его определению, политическая коммуникация есть «процесс передачи политической информации, благодаря которому она циркулирует от одной части политической системы к другой и между политической системой и социальной системой. Идет непрерывный процесс обмена информацией между индивидами и группами на всех уровнях» [Шварценберг 1992: 174]. Толкование данного феномена распространено и в отечественной социальной и политической науке (М.Ю. Гончаров, М.Н. Грачев, В.В. Латынов, А.И. Соловьев и др.). Так, М.Н. Грачев считает, что политическая деятельность имеет особое «коммуникационное измерение». Будучи частным случаем общей коммуникации, «политическая коммуникация представляет собой информационное воздействие политических акторов друг на друга и окружающую социальную среду (общество) по поводу власти, властно-управленческих отношений в обществе, а также является атрибутом политической деятельности, без которого последняя не может ни существовать, ни мыслиться» [Грачев 2004: 62-64]. При этом политическая коммуникация имеет целью не только сообщать информацию, но изменять мнение и поведение информируемых. Существенным в этом процессе, как отмечает политолог, является изменение поведения, составляющего стержень властно-управленческих отношений в обществе. Подобную точку зрения разделяет и А.И. Соловьев, дополняя, что политическая коммуникация сочетает в себе общие (универсальные), общесоциальные и собственно политические черты [Соловьев 2002: 6]. Важно подчеркнуть, что релевантным в контексте данных

⁴ «It is language about political events and developments that people experience; even events that are close by take their meaning from the language used to depict them. So political language *is* political reality; there is no other so far as the meaning of events to actor and spectators is concerned».

рассуждений является тот факт, что в ходе коммуникации, то есть передачи информации вербальным и невербальным образом, осуществляется воздействие как на формирование политики, так на политических акторов и общество. Однако обмен политической информацией не всегда предполагает воздействие властного характера. По справедливому мнению М.Н. Грачева, помимо властно-управленческих отношений, отношения в политике могут складываться по принципу консенсуса и договора [Грачев 2003: 37-38]. Действительно, политика – это не всегда борьба за власть, это еще и сотрудничество, и урегулирование. Это крайне важное замечание соответствует также современному риторическому принципу сотрудничества и установлению гармонизирующего диалога, о котором будет сказано ниже (см. п. 2.4.).

В научной парадигме современной лингвистики можно встретить различные интерпретации политического дискурса, политической коммуникации и политического языка. Так, существует представление о политическом языке как о подязыке общенационального языка, которому присущи особые лексические и грамматические нормы. Например, В.З. Демьянков, выделяет в политическом языке «политическую лексику» и обычные слова, которые используются не так, как в обычном языке [Демьянков: электронный ресурс].

Другой исследователь, Е.И. Шейгал, заключает, что «язык политики» можно рассматривать как одну из профессиональных лексических систем, поскольку ей свойственно специфическое содержание лексики. Автор полемизирует с мнением других языковедов (Ю.С. Степанова, И.У. Рижинашвили) и не соглашается с ними в том, что дискурсу приписывается особое употребление определенных грамматических конструкций, отсутствующих в других формах коммуникации, а также особый лексикон. Преодолевая противоречия относительно языка политики как профессионального языка, Е.И. Шейгал в рамках семиотического подхода выдвигает идею о том, что политический дискурс содержит корпус знаков, являющихся частью семиотического пространства политического дискурса. Именно данное семиотическое пространство обычно трактуют как язык политики. Несколько

шире, чем В.З. Демьянков, Е.И. Шейгал выделяет в данной семиотической системе специализированные вербальные знаки (политические термины и пр.), специализированные невербальные знаки (политические символы и пр.), а также неспециализированные знаки, изначально не ориентированные на данную сферу коммуникации, которые приобрели специфику в результате своего устойчивого функционирования [Шейгал 2000: 30-31]. Следовательно, институциональный дискурс можно представить формулой – дискурс = подъязык + текст + контекст. На основании проведенного анализа, в настоящей работе, таким образом, термины политический дискурс и политическая коммуникация, язык политики и политический язык используются как равнозначные и взаимозаменяемые.

А.Н. Баранов проводит границу между «политическим языком» и «политическим дискурсом», понимая под первым «особую знаковую систему, предназначенную именно для политической коммуникации: для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования политических и социально-политических решений в условиях множественных общественных интересов истинно плюралистического общества, в которой каждый человек является не объектом идеологического воздействия и манипулирования, а субъектом политического действия» [Баранов 1997: 108-118]. В упомянутом определении подчеркивается институциональность общения. Политический дискурс, по мнению А.Н. Баранова, есть «совокупность всех участников политической коммуникации, речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [цит. по Пирогова, Паршин 2000: 110].

А.П. Чудинов под политической коммуникацией понимает исключительно речевую деятельность, «ориентированную на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов 2009: 6-7]. Подобное понимание частично пересекается с определением А.Н. Баранова. Между тем исследователь включает в сферу

политической коммуникации такие компоненты как политический дискурс, политический язык и политический текст. Политический текст, по мнению автора, следует рассматривать только в контексте дискурса, поскольку важны конкретные условия его порождения и функционирования, а также его соотношение с другими текстами. При этом политический язык не трактуется как особый вариант или подсистема национального языка. Наоборот, политический язык следует понимать в его отношении к сфере политики. Он имеет такое же право на существование наряду с официально-деловым, научным или художественным языком [Чудинов 2009: 26-30]. Соглашаясь с точкой зрения А.П. Чудинова, следует добавить, что лексический тезаурус политического дискурса не принадлежит социально замкнутой группе и не носит элементы скрытого характера наряду с арго или жаргоном. На сегодняшний день не существует единой выработанной политической терминологии, и это неслучайно, поскольку в политический дискурс входят широкие лексические пласты из разных сфер общественной человеческой жизнедеятельности. Учитывая размытость границ самого политического дискурса, он не развивается изолированно, а привлекает многие понятия из смежных дисциплин. Более того, политическая коммуникация всегда массова и публична, поэтому она должна быть заведомо доступна широким слоям общества. На подобную специфику политического языка указывает австрийский ученый Р. Водак: «политический язык находится как бы между двумя полюсами – функционально-обусловленным специальным языком и жаргоном определенной группы со свойственной ей идеологией. Поэтому политический язык должен выполнять противоречивые функции, в частности, быть доступным для понимания (в соответствии с задачами пропаганды) и ориентированным на определенную группу (по историческим и социально-психологическим причинам)» [Водак 1997: 24].

Противоположную точку зрения выражает П.Б. Паршин, настаивая на преждевременности и неуместности употребления термина «политический язык» в современной науке. В русле рассуждений о политическом языке лингвист трактует «конкретные идиополитические дискурсы» как способы говорения,

«характерные для индивидуальных, коллективных или метафорических субъектов политического действий» [Паршин: электронный ресурс]. Подобное определение восходит к пониманию дискурса и дискурсивных практик в концепции Мишеля Фуко. Близкая точка зрения выражена в труде американской исследовательницы Д. Грейбер, в чьей дефиниции подчеркивается, что речь идет не о форме, а о содержании, и что политический язык – это не отдельный политический вокабуляр и лингвистическая форма [Graber 1981].

Также необходимо отметить, что в лингвистической литературе по-разному решают вопрос о границах политического дискурса. В узком понимании политический дискурс сводится к институциональному дискурсу, основная функция которого заключается в борьбе, захвате и удержании власти (Т.А. ван Дейк, Р. Водак, В. Дикман, А.Н. Баранов, Е.Г. Казакевич, М.В. Гаврилова, Т.В. Юдина). Институциональность дискурса подразумевает такие формы общения, которые функционируют в том или ином социальном институте (правительственное заявление, инаугурационная речь, отчетный доклад, партийная программа). То есть за социальным институтом закреплено типичное речевое поведение и использование типичных языковых средств в соответствии с социальной сферой и тематикой. Узкого понимания придерживается и Т.А. ван Дейк, согласно которому, политический дискурс сводится к классу жанров, ограниченному сферой политики. К политическим жанрам относятся дебаты, публичные речи, программы партий, интервью в средствах массовой информации, бюллетени. В то же время ученый характеризует политический дискурс как разновидность институционального дискурса. Парламентские сессии, избирательные кампании, митинги, протестные демонстрации и другое – это те институциональные формы дискурса, при помощи которых реализуется политическая деятельность. При этом медиадискурс, освещающий политическую жизнь, находится в изоляции от политического дискурса [van Dijk 1997: 11-52].

В широком понимании (В.Н. Базылев, В.В. Зеленский, М.В. Ильин, О.Л. Михалева, Е.И. Шейгал) политический дискурс охватывает как

институциональные, так и неинституциональные формы общения. По мнению Е.И. Шейгал, политический дискурс содержит любые речевые образования, субъект, адресат и содержание которых принадлежит сфере политики [Шейгал 2004: 23]. Широкое понимание политического дискурса, который не ограничивается только сферой политики, представляется более убедительным, поскольку необходимо учитывать не только институциональные формы общения, за которыми закреплены то или иное речевое поведение, тот или иной набор языковых средств, но и учитывать фактор адресата, его характеристики, фоновые знания, и наконец, эффективность речи. Кроме того, изучение политического дискурса заставляет осмыслять непрекращающиеся процессы демократизации, возрастающую роль средств коммуникации, интернетизации и медиатизации политической коммуникации. Именно сфера политического находится в тесной связи с вышеупомянутыми процессами. Свидетельством тому могут послужить подкасты политиков на Youtube, аккаунты в социальных сетях Facebook и Twitter.

Говоря о границах политического дискурса, необходимо отметить, что его отличительной чертой является диффузность и проницаемость. Это означает, что в рамках одного политического текста могут соприкасаться зоны разных дискурсов. Данное положение может быть проиллюстрировано на примере предвыборной листовки, жанр которой находится на стыке политического и рекламного дискурсов.

Обзор существующей научной литературы позволяет констатировать, что на данный момент не существует единого подхода к определению политического дискурса как специфической разновидности дискурса. В исследованиях разных специалистов актуализируются разные аспекты политического дискурса, что еще раз подтверждает многомерность и разноплановость изучаемого явления, которое детерминируется объективными историческими, социокультурными и общественно-политическими факторами. В зависимости от этого политический дискурс может быть дифференцирован различными способами. В мире наблюдается эволюция политической коммуникации, которая обуславливает разнообразие моделей и подходов к ее исследованию. Это позволяет нам говорить

о том, что, с одной стороны, всестороннее изучение политической коммуникации способствуют более углубленному осознанию природы рассматриваемого явления, с другой, – существование параллельно существующих терминов затрудняет выработку единого понятийного аппарата. Вместе с тем такого рода трансформации позволяют утверждать, что «политическая коммуникация отражает существующую политическую реальность, изменяется вместе с ней и участвует в ее преобразовании» [Чудинов 2009: 7].

2.3. Жанровое пространство политического дискурса

Исследование публичной речи невозможно без определения ее места в жанровой структуре политического дискурса. Поэтому после определения границ дискурса необходимо обратиться к принципам и подходам дифференциации жанров политического дискурса.

Понятие «жанр» является магистральным в современных исследованиях, о чем свидетельствует значительное количество работ, посвященных данной проблематике [Шейгал 1998, Желтухина 1998, Купина 2000, Паршина 2000, Артемова 2002, Зиг 2003, Комисарова 2005, Тортунова 2006, Fairclough 2005, Girth 1996, Klein 2000 и др.] Из приведенного выше обзора следует, что специфика жанров изучалась и изучается на материале политических лозунгов, плакатов, инаугурационных выступлений, политических карикатур, парламентских дебатов, предвыборных кампаний, теледебатов и ток-шоу и др.

Отечественные исследования базируются преимущественно на предложенной М.М. Бахтиным дефиниции понятия «жанр», которая также легла в основу настоящей работы. Согласно концепции М.М. Бахтина, жанры – «это относительно устойчивые типы высказываний», выработанные в той или иной сфере использования языка. Использование языка реализуется в виде устных или письменных высказываний, которые на содержательном, стилевом и композиционном уровне отражают специфику условий и цель конкретной сферы

общения [Бахтин 1979б: 250]. Иначе говоря, сфера использования языка обуславливает тематическое содержание, отбор языковых и речевых средств, а также композиционное построение высказывания. При этом, подчеркивает ученый, каждое отдельное высказывание индивидуально и одновременно типично, поскольку закреплено за устойчивым речевым жанром конкретной сферы. Сходное определение содержится и в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой, где жанр понимается как «род, разновидность речи, определяемая данными условиями ситуации и целью употребления» [Ахманова 1969: 148]. Действительно, изучение природы политического дискурса неизбежно приводит к анализу особенностей конкретных высказываний, так как любая человеческая деятельность выражается при помощи языка и связана с определенным социальным взаимодействием и контекстом, в котором происходит общение. Следует подчеркнуть, что характер и логика мышления, а также дискурсивное поведение языковой личности во многом определяются жанровыми формами [Стилистический энциклопедический словарь русского языка: 354]. Все это непосредственно находит отражение в жанре, и политика в этом смысле не является исключением.

Принятие разработанной М.М. Бахтиным дефиниции «жанра» позволяет констатировать, что в рассматриваемой сфере общения, а именно в политическом дискурсе, бытует многообразие жанров, возникающих и видоизменяющихся вместе с преобразованием данной области с течением времени. Как было упомянуто выше, политический дискурс как динамическая система находится в постоянном изменении и является своеобразным индикатором, реагирующим на преобразования общественной жизни. Поэтому особую трудность для лингвистов составляет выделение репертуара жанров политического дискурса.

Вопрос об объеме жанровой системы политического дискурса является по-прежнему дискуссионным. В первую очередь, это касается критериев, по которым выделяются жанры. Так, А.П. Чудинов, анализируя дискурсивные характеристики политической коммуникации, предлагает систематизировать жанровое пространство по следующим признакам:

1. По признаку «устный-письменный»:

- жанры устной речи (выступление на митинге, доклад, беседа, дебаты, интервью и др.);
- жанры письменной речи (программа, листовка, газетная статья, письмо политическому лидеру и др.).

2. По признаку «монологический-диалогический»:

- монологические жанры (радиообращение, статья в газете и др.);
- диалогические жанры (дискуссия, переговоры и др.).

3. В зависимости от функции жанра различают:

- ритуальные жанры (инаугурационное обращение, приветственное слово и др.);
- ориентационные жанры (доклады, указы, договоры, соглашения);
- агональные жанры, содержащие призывы к борьбе (лозунг, листовка, выступление на митинге, речовка);
- информативные жанры (газетная информация, обращения граждан к политикам или в СМИ).

4. По объему информации среди жанров различают:

- малые жанры (лозунг, слоган, речовка);
- средние жанры (выступление на митинге или в парламенте, листовка, газетная статья и др.);
- крупные жанры (партийная программа, политический доклад, книга политической публицистики и др.).

5. По цели высказывания выделяют:

- информативные
- оценочные
- императивные (призывающие к действию) [Чудинов 2012: 53-59].

Следовательно, для каждой коммуникативной ситуации существует определенный корпус жанров.

В лингвистической литературе известна другая классификация жанрового пространства политического дискурса, предложенная Е.И. Шейгал. Опираясь на широкий подход к пониманию политического дискурса, лингвист проводит

несколько линий дифференциации: 1) дифференциация по степени институциональности 2) дифференциация по субъектно-адресатным отношениям 3) социокультурная дифференциация 4) дифференциация по локализации события 5) дифференциация по прототипности. Для настоящего исследования значимы 1, 2 и 5 группы параметров. Так, по первому признаку в поле политического дискурса включается институциональное и личностно-ориентированное общение. При этом эти два типа общения представляют два полюса одной шкалы, параметром для градуирования которой служит степень институциональности. Данную шкалу, где верхнее значение – максимальная неформальность общения, а нижнее – максимальная официальность, можно представить следующим образом:

- разговоры в семье, среди друзей, в транспорте о политике (близкая дистанция, атмосфера доверительности, неофициальный источник информации, неофициальный канал общения);
- самиздатовские листовки и граффити, как правило, критического содержания (личность выступает от своего имени, но при этом осознает себя как член общества; потенциальными адресатами являются институты и их представители; языковое оформление не регламентировано, хотя нередко используются штампы);
- телеграммы и письма граждан в знак поддержки или протеста (адресат – конкретный политик или политический институт; канал общения официальный);
- политический скандал находится на грани личного и институционального (источник информации: официальный / неофициальный; канал общения официальный; скандальные факты обнародуются публично, мотивация скандала – личностная; зачинщик руководствуется личными амбициями; стилистика общения не является жестко регламентированной);
- пресс-конференции (статусно-индексальное общение на уровне «политик – граждане» через масс-медиа в качестве медиатора);

- публичные политические дискуссии (статусно-индексальное общение на уровне «политик – политик»);
- публичные выступления, речи политических лидеров (статусно-индексальное общение на уровне «политик – все общество или большие социальные группы»);
- законы, указы и прочие политические документы (статусно-индексальное общение на уровне «государство – все общество»);
- международные переговоры, официальные встречи руководителей государств (статусно-индексальное общение на уровне «государство – государство») [Шейгал 2000: 311].

Примечательно, что, учитывая концепцию генезиса о первичных и вторичных жанрах М.М. Бахтина, Е.И. Шейгал выдвигает собственную идею поля политического дискурса, состоящего из прототипных (центральных) и маргинальных (периферийных) жанров. При этом если, согласно М.М. Бахтину, первичные жанры – это бытовое общение, а вторичные – официальное общение, то в концепции Е.И. Шейгал представлены те же самые виды общения, но уже в обратном порядке. Кроме того, центральное или периферийное положение объясняется интенциональной базой политического дискурса – борьбой за власть. Чем ближе к периферии, тем менее выражена основная интенция и тем больше вероятность смешения жанра с другими дискурсами. Ранее уже говорилось о размытости границ политического дискурса. Вследствие этого становится очевидно, что границы между жанрами не являются жестко фиксированными, в особенности, если речь идет о периферийных жанрах, где ведущая функция борьбы за власть выражена слабее и имеет явные пересечения с другими типами дискурса. Например, мемуары политика переплетаются с жанром как политического, так и художественного дискурса, а политическое интервью – с жанром политического дискурса и дискурса массмедиа. В соответствии с данной логикой рассматриваемые в настоящем исследовании публичные речи входят в область прототипных жанров политического дискурса и являются первичными:

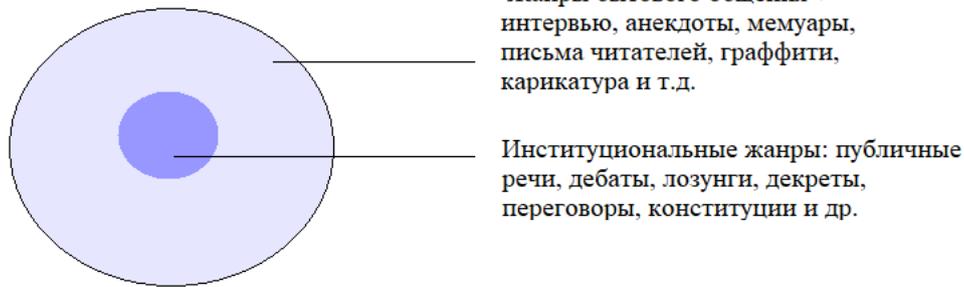

Рис.1. Полевое строение политического дискурса (прототипные и маргинальные жанры) по Е.И. Шейгал

В рамках широкого подхода, с точки зрения Е.И. Шейгал, необходимо разграничивать институциональное и неинституциональное общение по субъектам политической деятельности. В случае общественно-институциональной коммуникации стратификация проходит по следующим линиям:

- линия «институт-общество», которая репрезентируется либо в виде постановлений правительства, декретов, законов, призывов, лозунгов, плакатов, либо в виде публичных речей, радиообращений, указов президента;
- линия «общество-институт» реализуется в таких жанрах, как петиции, обращения, листовки, указы избирателей, выступления на митингах;
- линия «гражданин-институт» выражается в следующих жанрах: телеграммы и письма граждан, обращенные к политикам и институтам напрямую или через массмедиа, голосование на выборах;
- линия «институт-институт» делится на внутреннюю коммуникацию (служебная переписка, кулуарное обсуждение, закрытое заседание и др.) и публичную (переговоры, встречи политических деятелей, парламентские дискуссии, круглый стол, послание президента конгрессу, выступление премьер-министра на заседании Думы, доклад на съезде, партийная программа, программная речь на съезде партии и др.) [там же: 59-62].

Наконец, так же, как и А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал предлагает функциональные критерии выделения жанров, к которым относятся:

- 1) ритуальные / эпидейктические жанры (инаугурационная речь, юбилейная речь, традиционное радиообращение), в которых доминирует фатика интеграции;
- 2) ориентационные жанры информационно-прескриптивного характера (партийная программа, конституция, послание президента о положении в стране, отчетный доклад, указ, соглашение);
- 3) агональные жанры (лозунг, рекламная речь, предвыборные дебаты, парламентские дебаты) [там же: 329-330].

В результате широкое понимание политического дискурса, а, следовательно, и жанрового пространства, включает широкий диапазон явлений и участников процесса. При таком подходе политический дискурс не является только прерогативой профессионалов, наоборот, он доступен всем членам языкового сообщества, как это было показано выше. Вместе с тем широкий подход способствует более глубокому анализу новых межжанровых образований, которые в условиях современных тенденций развития интернет-технологий нельзя не принять во внимание.

Интеграция представленных классификаций, дополняющих друг друга по ряду параметров, позволяет получить наиболее полную и исчерпывающую картину жанровой системы. В соответствии с вышеизложенным теперь необходимо определить положение рассматриваемых публичных речей Ангелы Меркель в пространстве немецкого политического дискурса. По критерию «устная-письменная речь» публичное выступление относится к устной речи, в основе которой лежит заранее подготовленный текст. По форме публичная речь является монологической, хотя по природе своей она глубоко диалогична (см. следующую главу). По объему информации публичная речь относится к средним жанрам. По цели высказывания публичные речи Ангелы Меркель нельзя однозначно отнести к тому или иному жанру, поскольку они сочетают в себе черты информативности, оценочности, императивности и торжественности в зависимости от типа адресата, тематической детерминированности и коммуникативной ситуации.

Ввиду того, что институциональность служит системообразующим критерием разграничения жанрового пространства, публичную речь следует относить к первичным и прототипным жанрам политического дискурса. Что касается дифференциации по субъектно-адресатным отношениям, то в публичных выступлениях А. Меркель общение проходит по линии «институт-общество», а также «институт-институт». Принимая во внимание особенности анализируемого эмпирического материала, необходимо несколько дополнить предложенную Е.И. Шейгал матрицу. Коммуникация по обеим линиям в зависимости от адресата может быть «внутренней» и «внешней». «Внутренняя» коммуникация осуществляется между представителями немецкого института (субъектом) и гражданами ФРГ или представителями немецких институтов (адресатом). В случае «внешней» коммуникации задействованы представители немецкого института (субъект) и граждане или представители институтов других государств (адресат). Данный параметр релевантен в контексте настоящего исследования и будет рассмотрен ниже.

Таким образом, можно заключить, что политический дискурс включает в себя разнообразные явления действительности и различные аспекты ситуаций общения, что порождает трудность в разграничении жанров. В настоящий момент среди лингвистов не существует единого мнения относительно выделения жанров, поскольку каждый специалист волен выбирать за основу различные параметры. Более того, каждый политический текст должен рассматриваться только в совокупности с контекстом его порождения и условиями функционирования.

2.4. Немецкая политическая публичная речь как объект исследования в политическом дискурсе

Наличие целого ряда особенностей публичной политической речи позволяет говорить о ней как о самостоятельном речевом жанре, который

обладает рядом признаков: устность-письменность, монологичность-диалогичность, адресность, авторство, стандартность-индивидуальность, доступность-эзотеричность.

Как известно, в основе публичной речи лежит заранее подготовленный текст, предназначенный для устного изложения, что обуславливает ряд специфических противоречий между двумя формами речи. Действительно, для письменной речи характерна высокая нормативность, логичность и аргументированность высказывания, связность языковых элементов, регламентированность отбора языковых единиц, преобладание подчинительной союзной связи, строгое композиционное построение, наличие пассивных конструкций и др. Для устного текста, наоборот, характерны спонтанность, линейность, неподготовленность, персональная адресованность, повторы, средства выразительности, эмоционально-экспрессивная лексика, вопросительные конструкции, обращения, а также употребление менее осложненных синтаксических конструкций. Подобные различия между устной и письменной формой публичной речи обусловлены особенностями ее порождения и слухового восприятия.

По мнению М.В. Колтуновой, устная монологическая публичная речь наиболее развернута и тяготеет к письменной речи по своему составу. Однако далее следует указать, что нельзя исключать фактор устности, который не позволяет устной монологической речи достигать «той степени точности», свойственной письменной речи [Колтунова 2002: 78]. Действительно, применительно к анализируемому материалу письменная основа публичной политической речи исключает спонтанность звучащего текста и наличие большого количества разговорных средств, поскольку одна из задач оратора – планомерное и аргументированное выстраивание смыслового плана. Во многом это объясняется тем, что публичная политическая речь обусловлена официальностью и строгостью выражения в той социальной сфере, в которой она функционирует. Официальность политической сферы детерминирует создание продуктов политической коммуникации. Вместе с тем следует подчеркнуть, что

степень употребительности устно-разговорных элементов и отклонение от письменного текста зависит от индивидуальной воли политика, от тематики и ситуации общения. В момент выступления политику необходимо, опираясь на письменный текст, произвести впечатление оживленной речи, так как он целиком и полностью ориентируется на рецепцию устной речи аудиторией. При этом было бы несправедливым отождествлять устное воплощение публичной речи с бытовой разговорной. В данном случае речь идет скорее о разговорной тональности [Фрейдина, Ковпак, Королева и др. 2013: 18]. Таким образом, своеобразие публичной речи обнаруживается в том, что она, будучи речью произнесенной, испытывает влияние тщательно продуманного и заранее составленного текста. Подобная отличительная черта также характеризует отбор языковых единиц в коммуникативно-речевой структуре публичной политической речи.

Адекватный анализ любого речевого произведения (высказывания) невозможен без учета непосредственных участников коммуникативной ситуации – адресанта и адресата. Существенной характеристикой публичной речи является ее адресность, поскольку публичная речь всегда строится с ориентацией на определенного адресата, которому принадлежит столь важная роль при текстопорождении. Поэтому этот вопрос заслуживает специального рассмотрения.

Одной из важнейших категорий прагматики является адресант, то есть субъект речи, в котором переплетается главным образом Я речемыслительное, Я психологическое, Я социальное, Я интеллектуальное. Деятельность говорящего оказывает существенное влияние на весь коммуникативный ход речи и определяет взаимосвязь между участниками процесса [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2011: 21]. Именно адресант способен задавать тональность высказывания, выбирать речевые стратегии и тактики, стиль общения. Не обладая знаниями об адресате и его мировоззрении, адресант едва ли способен оптимально воплотить замысел произведения и оказать эффективное воздействие. С рассматриваемыми характеристиками адресата напрямую

соотносится одно из коммуникативных качеств прагматического плана, а именно качество целесообразности, основанное на воздействии на собеседника.

Среди внешних по отношению к адресанту факторов неотъемлемым является фактор адресата, известный еще во времена глубокой античности. В лингвистической литературе существуют различные традиции именования участников речевого процесса: получатель, адресат, аудитория, реципиент и др. Согласно Н.Д. Арутюновой, подробно изучившей фактор адресата, термин «адресат» наиболее точно подчеркивает направленность и конкретность высказывания к определенному лицу [Арутюнова 1981: 358]. Адресат имеет такой же набор характеристик Я, относительно которых ориентирован коммуникативный замысел адресанта. В этой связи роль адресата в достижении успешности общения чрезвычайно важна, поскольку речевая деятельность адресанта целиком и полностью зависит от слушающего.

Вопрос о роли адресата и адресанта получил широкое развитие в свете теории речевых актов и лингвопрагматических исследований. Говоря о достижениях в прагматике, необходимо упомянуть П. Грайса, внесшего вклад в развитие области коммуникации путем разработки принципа кооперации или принципа сотрудничества между говорящим и слушающим. Достойны внимания в настоящей работе коммуникативные постулаты или постулаты дискурса, создание которых существенно обогатило теорию речевых актов. Исходное положение постулатов зиждется на принципе кооперации, постулирующем, что участники коммуникации стремятся к достижению взаимопонимания. Компоненты содержания высказывания называются импликатурами дискурса – то, что слушающий вычленяет из контекста самого речевого акта. Существуют четыре основные группы коммуникативных постулатов:

- 1) Постулаты информативности (высказывание должно быть информативно и не содержать лишней информации) – максима количества
- 2) Постулаты истинности (высказывание должно быть истинно, следует избегать безосновательных и ложных суждений) – максима качества
- 3) Постулаты релевантности (высказывание должно иметь отношение к делу)

– максима отношения

- 4) Постулаты ясности выражения (высказывание должно быть кратким, однозначным и упорядоченным) – максима способа выражения [Grice 2006: 66-77]

Нарушение коммуникативных постулатов истинности происходит из-за употребления метафоры, иронии, литоты или гиперболы, поскольку слушающему тем или иным образом приходится искать скрытые смыслы в высказывании. Еще одним ярким примером является каламбур. Используя этот прием, говорящий не выражает какой-либо из смыслов, а привлекает внимание слушающего к игре этих смыслов.

Надо понимать, что на практике, в том числе в политической коммуникации, далеко не всегда удается следовать коммуникативным постулатам. На это указывает Е.И. Шейгал, говоря о том, что в первую очередь нарушаются максимы количества и качества, так как политики, сообщая информацию, руководствуются принципами собственной выгоды, и, следовательно, действуют в своих интересах, а не в интересах аудитории. Поэтому сознательно поступающая от политиков информация может быть недостаточно полной и достоверной [Шейгал 2000: 232]. Несмотря на это, важным в создании коммуникативных постулатов является тот факт, что они строятся под углом зрения и восприятия адресата. Следовательно, в предложенной коммуникативной модели на первый план выходит учет фактора адресата и достижение консенсуса.

Одним из необходимых условий понимания и успешности взаимодействия является активность адресата. На это, в частности, указывал М.М. Бахтин, который постулировал идею о том, что слушающий ни в коей мере не выполняет пассивную функцию, как это нередко изображается на схемах (например, у Ф. Соссюра). В сущности, «слушающий, воспринимая и понимая значение (языковое) речи, одновременно занимает по отношению к ней активную ответную позицию: соглашается или не соглашается с ней (полностью или частично), дополняет ее, готовится к исполнению и т.п.; и эта ответная позиция слушающего

формируется на протяжении всего процесса слушания и понимания. Всякое понимание живой речи, живого высказывания носит активно ответный характер (хотя степень этой активности бывает весьма различной); всякое понимание чревато ответом» [Бахтин 1979: 260].

Подобное мнение разделяет в своих работах Т.Г. Винокур, говоря о двойной взаимосвязи между говорящим и слушающим. Отношение говорящего к собственному речевому высказыванию – своеобразная ответная реакция на ожидание аудитории. Между тем слушающий «выступает в качестве инстанции, воздействующей на коммуникативную роль говорящего» [Винокур 1993: 90-91]. Следовательно, конечный результат зависит от готовности адресата участвовать во взаимодействии. Кроме того, лингвист отмечает, что речевое поведение базируется на феномене сотрудничества, ведь всякое общение имеет своей целью достижение взаимопонимания [там же: 60-61]. Для публичной речи эта мысль является чрезвычайно актуальной.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что в настоящее время среди исследователей все чаще отмечается, что в современной коммуникации доминирует установка на диалог и сотрудничество, равноправие сторон, согласие и гармонизацию отношений между коммуникантами (А.А. Волков, М.М. Бахтин, Н.А. Безменова, А.К. Михальская, Х. Перельман и др.). Всплеск интереса к взаимодействию членов коммуникации опосредован общими тенденциями гуманитарной мысли XX века, признававшей коммуникацию и диалог магистральными философскими понятиями. Суть процесса коммуникации в данном ключе наглядно отражена в одном из современных риторических законов, который гласит, что эффективность речевого общения возможна в ситуации диалогического взаимодействия, то есть симметричной коммуникации. При этом понятия «диалогичность», «диалог» и «диалогический» трактуются в широком смысле слова. Согласно сформулированному закону, «эффективная» и «воздействующая» речь всегда предполагает обращенность к адресату, который является не пассивным, а активным равноправным участником коммуникации. Вместе с тем А.К. Михальская провозглашает гармонизирующий диалог в

качестве основного принципа публичной речи [Михальская 1996: 157-158]. В связи с рассматриваемой проблематикой адресата фундаментальными признаются диалогические отношения между коммуникантами. Поэтому, монологическая по форме, публичная речь обладает чертами диалогизированности. По всей видимости, подобное сложное взаимодействие между оратором и аудиторией основано на равноправии, активной позиции адресата и взаимопонимании [Блох, Фрейдина 2011: 15-21].

Говоря о факторах, влияющих на текстопорождение и текстовосприятие публичной речи, нельзя не учитывать различные характеристики аудитории, к которым относятся: количественный состав, пол, возраст, социальный статус, род деятельности, уровень образованности, ценностная ориентация, особенности мировоззрения, актуальность и новизна выступления политика и многое другое. В качестве адресата могут выступать различные слои населения, а также представители политической жизни. Состав аудитории при этом может быть как гомогенным, так и гетерогенным. Важно также учитывать социальные роли участников общения, поскольку от них во многом зависит речевое поведение политика. Так, публичная речь канцлера перед парламентом будет отличаться от публичной речи, например, перед студентами университета. Иными словами, адресант и адресат являются в первую очередь языковыми личностями, несущими в себе как обобщенные национально- и культурно-социальные черты своей среды, так и личный интеллектуальный, психологический опыт [Формановская 2002: 42]. Осведомленность адресанта в «апперцептивном фоне» или «апперцепционной базе» (М.М. Бахтин, М.В. Колтунова), то есть неязыковом фоне аудитории, крайне важна при построении публичной речи. Представляется правомерным считать, что «главным в прагматике общения является ориентация адресанта на те многие характеристики адресата», которые обуславливают языковые особенности публичной речи и ее композиционное построение [Культура русской речи и эффективность общения 1996: 29]. Можно полагать, что адресат выступает своего рода соавтором публичной речи.

Как уже отмечалось выше, публичная речь предполагает статусно-ориентированные отношения. На этом основании при анализе материала по линиям коммуникации «институт-институт» и «институт-общество» следует учитывать адресатную направленность. Так, корпус речей можно поделить на две уже упомянутые группы. В первую группу входят «внутренние» публичные речи и «внутренний» адресат соответственно, поскольку в данной ситуации канцлер ФРГ как представитель института обращается к представителям других немецких институтов и гражданам ФРГ внутри страны. Ко второй группе относятся «внешние» публичные речи и «внешний» адресат. В данном случае речь канцлера ФРГ адресована иностранным политическим лидерам и гражданам других государств.

По типу отношений «массовый-индивидуальный» наиболее характерным адресатом публичной речи выступает массовый и групповой. Разделяя точку зрения Е.И. Поскачиной на адресата, следует признать, что «любая политическая речь, как правило, направлена на три адресата, у которых каждый последующий адресат автоматически включает в себя предыдущий: 1. политики, члены правительства и депутаты; 2. граждане ФРГ (электорат); 3. европейское и мировое сообщество» [Поскачина 2010: 41]. Важно подчеркнуть, что публичная речь, в особенности политическая, должна быть уместной по отношению к конкретному адресату в конкретной ситуации, то есть ключевым и системообразующим становится фактор адресата. Ведь именно адресат занимает центральное место в достижении эффективности коммуникации. Отсюда очевидно стремление адресанта к оптимизации высказывания, что находит отражение во всех составляющих публичной речи. Таким образом, можно предположить, что в зависимости от типа адресата некоторые элементы публичной речи могут изменяться.

Суммируя вышесказанное, антропоцентрический подход, то есть признание человека в качестве исходного пункта исследований построения речи, позволяет глубже объяснить характер взаимодействия участников коммуникации. В настоящей работе категории адресата отводится ключевая роль. Во-первых, учет

фактора адресата в исследовании помогает раскрыть феномен эффективности публичной речи. Во-вторых, даже незначительные историко-культурные и политические процессы влияют на характер использования языка в той или иной сфере человеческой деятельности, что не может не влиять на подход к исследованию. По справедливому утверждению З.Я. Тураевой, адресат является важным элементом текста, в котором все компоненты текста адресованы. Адресат обладает этнокультурными специфическими характеристиками, а также присущими тому или иному социуму в определенный исторический период чертами [Тураева 2016: 56-66].

Следующий признак, который естественным образом вытекает из предыдущих размышлений, – это соотношение диалогичности и монологичности в публичной речи. Известно, что публичная речь – это монологическое выступление, адресованное нескольким лицам или группе лиц. Однако монологическая по форме публичная речь предусматривает последующую двустороннюю коммуникацию, так как ее успешность напрямую зависит от «диалогического» взаимодействия с аудиторией. Диалогичность публичной речи в политическом дискурсе также объясняется ее воздействующим потенциалом. Чаще всего она «воспринимается как своего рода диалог с другими людьми, текстами и культурами: автор развивает и детализирует высказанные ранее идеи, полемизирует с ними, дает свою интерпретацию фактов» [Чудинов 2009: 49]. В соответствии с этим оратор создает речь с установкой на адресата в ситуации непосредственного контакта. Традиционно в узком смысле слова под диалогом понимается форма общения, характеризующаяся путем мены реплик одного или нескольких говорящих. Монолог же, наоборот, является высказыванием одного лица и имеет более сложное построение.

Характерное понимание диалога было развито в трудах российского ученого М.М. Бахтина. Научная позиция теоретика отражает более широкую трактовку понятия диалог. Он утверждает, что диалогические отношения и, следовательно, диалогичность есть «подлинная сфера жизни языка» [Бахтин 1979а: 397]. В то же время диалогичность есть универсальное явление, которое

лежит вне пределов языка и пронизывает всю человеческую жизнедеятельность [там же: 248]. Понятие диалог также приобретает глубокое философско-экзистенциальное значение. По словам М.М. Бахтина, «быть – значит общаться диалогически» [там же: 294]. Таким образом, ученый подчеркивает социально и коммуникативно значимую сущность языка. Последняя, по словам М.Н. Кожиной, обнаруживается в таком свойстве монологической речи, как диалогичность [Кожина 1981: 78]. В рамках диссертационного исследования диалогичность рассматривается в качестве конститутивного и внутреннего признака публичной политической речи, обусловленного целым рядом причин. Во-первых, как было отмечено выше, политик всегда адресует свою речь аудитории и выстраивает высказывание в соответствии с ожиданиями и ответной реакцией на него, надеясь на активное понимание. Во-вторых, категория диалогичности имеет экстралингвистическое обоснование: она связана с диалогичностью политического мышления.

Именно такая дуалистическая природа публичной речи определяет ее специфику. Следствием того, что говорящий рассматривает аудиторию не как пассивного, а как активного участника процесса, является введение в речь комплекса приемов диалогизации. Выбор данной стратегии нацелен на вовлечение аудитории в процесс коммуникации. Диалогичность как фундаментальное свойство публичной речи эксплицирована в целостной системе маркеров разных языковых уровней, которые позволяют демонстрировать активное взаимодействие с адресатом. Суть процесса диалогизации монологической речи будет подробно проанализирована в четвертой главе настоящего исследования.

В достижении реализации замысла публичной речи важную роль играет своеобразное соединение индивидуальных и стандартных черт. В качестве конститутивного признака газетного языка В.Г. Костомаров считает сопряжение стандарта и экспрессии, усиливающих воздействующую функцию [Костомаров 1971]. То же самое можно утверждать и по отношению к политическому языку. С одной стороны, реализация политической речи как разновидности публичной

речи предписывается риторической традицией и соответствует принятым нормам и правилам построения соответствующей сферы использования языка. Здесь речевое общение протекает под влиянием политической сферы и других экстралингвистических факторов (форма общественного сознания, тип, цели и задачи общения и др.), детерминирующих закономерности функционирования языка, отбор и организацию языковых средств. Каждая коммуникативная ситуация предполагает соответствующий ей жанр, для которого характерны устойчивые и разработанные правила организации текста. Жанровая форма публичной речи закреплена за социальным опытом и характеризуется многократным и типичным способом реализации. Регулирующая функция политики и регламентированность политических отношений определяют стандартизованность выступления. Вопрос о стандартизованности и стереотипизированности естественным образом связан с национально-специфическими элементами, а именно нормативной стороной культуры речи. Национально-специфические элементы отражаются, например, в речевой этикете, представляющем одну из стереотипизированных форм общения. С другой стороны, всякая реализация публичной речи дает широкие возможности для проявления индивидуального творческого начала. Одно из слагаемых эффективной речи – использование выразительных языковых единиц отдельных классов, риторических и стилистических средств, призванных придать рельефность высказыванию и возбудить интерес у аудитории в нужном для оратора русле. Особенно ярко в процессе коммуникации говорящий демонстрирует уникальные личностные характеристики своего «Я», стиль мышления, личное мнение, манеру поведения. Между тем все это накладывает отпечаток на образ, который формируется у адресата, что является важнейшим фактором и показателем успешности исполнения. Следовательно, необходимо признать диалектическое единство нормативной и креативной деятельности в рамках публичной речи.

С вышеизложенным признаком публичной речи тесно соприкасается соотношение институциональности и личностности. Представляется, что для

рассмотрения публичной речи необходимо разграничивать проявлениях двух видов дискурса – институционального и личностного (по В.И. Карасику). Как неоднократно отмечалось ранее, взаимодействие участников политической коммуникации опосредовано их статусно-ролевыми характеристиками по линиям «институт-институт» и «институт-общество», где статус каждого строго закреплён. Очевидно, что Ангела Меркель выступает как представитель социального института и выполняет предписываемые ей роли: она является не только федеральным канцлером Германии, но и лидером правящей партии Германии ХДС. Отсюда возникает необходимость соблюдения социально-коммуникативных норм и моделей речевого поведения в типичных коммуникативных ситуациях. Принадлежность социальному институту также влияет на отбор языковых единиц. Например, это касается специфики выбора обращений в начале публичной речи (см. главу 2).

В то же время было бы нецелесообразным полностью исключать влияние персонального дискурса в публичной речи, поскольку политик в первую очередь представляет собой уникальную личность, а «полное устранение личностного начала превращает участников институционального общения в манекены» [Иншаков 2005: 680]. В текстах публичных речей можно найти множество примеров демонстрации саморефлексии, отсылок к личному опыту и собственным переживаниям. Личностная ориентация способствует установлению взаимопонимания и утверждению доверительности и интимизации в изложении.

Еще одной отличительной особенностью публичной политической речи является ее авторство. Отношение к авторству текста в политическом дискурсе совершенно иное. Известно, что большую ответственность за написание речей несет спичрайтер. На протяжении уже долгого периода времени практика спичрайтинга пользуется популярностью. Фактически все высокопоставленные лица и политические деятели имеют в своем штате специально обученных составителей текстов. Например, спичрайтерами Г. Коля были М. Мертес, Г. Мюллер, М. Борхард, М. Фриттон, у Г. Шредера – Р. Гессе, а среди спичрайтеров В. Брандта даже был известный немецкий писатель Г. Грасс.

Ангела Меркель также имеет целую команду спичрайтеров. В настоящий момент основным спичрайтером федерального канцлера является Эфа Кристиансен. Проблема спичрайтинга освещается и в научной литературе. Так, на примере Г. Коля и В. Брандта П. Каммерер в своей статье «Titel: Die veränderten Konstitutionsbedingungen politischer Rhetorik. Zur Rolle der Redenschreiber, der Medien und zum vermeintlichen Ende öffentlicher Rede» подробно анализирует роль спичрайтера, а также процесс совместной работы над написанием публичной речи спичрайтерами и политиком [Kammerer 1995]. В частности, он отмечает, что команда спичрайтеров Г. Коля состояла из четырех человек. Черновик публичной речи сначала составлял один из спичрайтеров, затем вместе с остальными он обсуждал текст, в который вносились правки. Затем Г. Коль самостоятельно вычитывал текст, и только после этого мог появиться готовый вариант. Однако более крупные жанры требовали усилий большего количества человек. Так, над правительственным заявлением В. Брандта от 18.01.1973, по наблюдениям П. Каммерера, трудились два десятка человек. Любопытно, что политические деятели Германии не всегда соглашались с текстами, написанными спичрайтерами. Известно, что К. Аденауэр отказывался от риторического и стилистического оформления своих речей [Kammerer 1995: 27]. Тем не менее, вне сомнения остается одно: публичная речь должна быть тщательно продуманной со всех точек зрения, поскольку политик в момент ее произнесения несет ответственность за свои высказывания, которые в политике приравниваются к политическим действиям. По этой причине публичные речи не являются анонимными.

Еще одним признаком публичной речи является признак доступности. Публичная речь политика ориентирована одновременно и на государственный уровень, и на уровень всех членов лингвокультурного сообщества. Тексты публичных речей доступны для чтения и понимания разными категориями социума. Таким образом, общедоступность является неотъемлемым признаком публичной речи, ориентированной на массового адресата.

В противоположность доступности публичная речь нередко обладает качеством эзотеричности (Е.И. Шейгал, А.П. Чудинов). Некоторые фрагменты речей такого качества понятны только специалистам. Ведь известно, что выступление политика отнюдь не всегда рассчитано на массового адресата, поскольку содержит в себе явно завуалированные и скрытые смыслы, понятные лишь узкому кругу специалистов. Тенденция политиков изъясняться с долей неопределенности и неточности нарушает постулаты информативности, истинности и ясности выражения (по П. Грайсу). Так, зачастую семантика большинства политических понятий может быть крайне обобщена и расплывчата, а за эвфемизмами нередко таятся искаженные явления действительности. Все это и не только притупляет понимание высказывания адресатом.

Очевидно, что дискурсивные признаки концентрируют внимание как на экстралингвистическом, так и на лингвистическом аспекте жанра. Рассмотренные признаки представляют значительный интерес, поскольку оказывают существенное влияние на текстовую и содержательную организацию публичного выступления. Каким образом реализуется подобное влияние, будет рассмотрено в следующих главах.

Выводы по Главе 2

1. Как показал анализ научной литературы, понятие «дискурс» получило разностороннее освещение в работах отечественных и зарубежных ученых (О.В. Александрова, Н.Д. Арутюнова, В.З. Демьянков, В.И. Карасик, А.А. Кибрик, Е.С. Кубрякова, М.Л. Макаров, Е.И. Шейгал, Э. Бенвенист, Т.А. ван Дейк, У. Маас, П. Серио, М. Фуко, Ю. Хабермас, У. Чейф). На сегодняшний день отсутствует единое понимание данного феномена в силу его междисциплинарного характера и широкого употребления в разных научных сферах гуманитарного знания.

2. В настоящем диссертационном исследовании термин «дискурс» понимается в широком смысле: «это поле коммуникативных практик как совокупность дискурсных событий, это текущая речевая деятельность в определенном социальном пространстве, обладающая признаком процессности и связанная с реальной жизнью и реальным временем, а также возникающие в результате этой деятельности речевые произведения (тексты), взятые во взаимодействии лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов» [Шейгал 2000: 22-24].
3. Изучаемый политический дискурс принадлежит институциональному дискурсу, который противопоставляется лично-ориентированному. Институциональное общение реализуется в определенной социальной сфере в рамках определенного социального института. С точки зрения субъектно-адресатных отношений в публичных выступлениях А. Меркель общение протекает по моделям «институт-общество» и «институт-институт», при этом коммуникация в зависимости от адресата может быть либо «внутренней» (между представителями немецкого института и гражданами ФРГ или представителями немецких институтов), либо «внешней» (между представителями немецкого института и гражданами или представителями институтов других государств).
4. В жанровом пространстве немецкого политического дискурса публичная речь является центральным и прототипным жанром в соответствии со степенью институциональности и официальности общения. Публичное выступление относится к устной речи, в основе которой лежит заранее подготовленный текст. По форме публичная речь является монологической, хотя по природе своей она глубоко диалогична. По объему информации публичная речь относится к средним жанрам. По цели высказывания публичные речи Ангелы Меркель обладают чертами информативности, оценочности, императивности и торжественности в зависимости от типа адресата, тематической детерминированности и коммуникативной ситуации.

5. Своеобразие публичной политической речи достигается при помощи характерного ей набора признаков: устность-письменность, адресность, монологичность-диалогичность, стандартность-индивидуальность, авторство, доступность-эзотеричность.

Глава 3. Особенности композиции немецкой публичной политической речи

3.1. Общие замечания

Как было отмечено выше, публичная речь обусловлена экстралингвистической ситуацией, в которой она реализуется. За той или иной сферой общения закреплены определенные закономерности текстового построения публичной речи и ее языкового наполнения соответственно. Соблюдение этих закономерностей в известной степени ориентировано на эффективность речи. Между тем обратный эффект достигается в том случае, когда нарушается логическая структура. Данный факт позволяет говорить о том, что по большей части публичные речи характеризуются типическим построением в плане логического развертывания мысли.

Публичная речь должна быть заранее продуманным и целесообразным речевым произведением, так как оно разворачивается в реальном времени, здесь и сейчас. Первостепенной задачей политика на этапе произнесения является донесение информации до аудитории в удобной для восприятия форме. Ввиду того, что публичная речь – это довольно сложное для восприятия произведение, точность изложения является необходимым условием. В случае бессвязности и бессистемности эффективность речи снижается, и, как следствие, невозможно найти полный отклик в сознании слушателя и достичь коммуникативной цели. Именно поэтому композиция является важным средством для достижения взаимопонимания и присоединения аудитории к мнению политика. Такие характеристики публичной речи, как последовательность, логичность и целесообразность, обуславливают ее композиционную структуру, а также арсенал языковых средств.

Движение хода мысли в публичной речи отражается в ее композиции. Известно, что композицией речи является такое целесообразное расположение и соотношение частей выступления, которое мотивировано всем замыслом и содержанием. Композиционная последовательность подчинена единому

смысловому ядру, а именно объединяющей все элементы композиции идее автора.

Природа публичной речи имеет многовековую традицию правил создания текста на каждом из его этапов. Так, в классических риториках требования и рекомендации к композиции оформлены в специальном разделе о расположении или диспозиции речи. Под диспозицией понимается учение о соразмерности и эффективной организации частей речи, которое предполагает универсальную трехчастную структуру, состоящую из введения, основной части и заключения. При этом все расположение компонентов композиции должно обязательно подчиняться главному тезису и логически обосновывать его.

С античных времен и по сей день наиболее распространенной является трехчастная структура композиции, состоящая из вступления, основной части и заключения, что оправдано логически и психологически. Такое построение ожидает соответственно и аудитория. Трехчастную композицию выделяют многие специалисты (Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова, О.А. Баева, А.К. Михальская, У. Фикс, А. Гардт, Й. Кнапе). В то же время Н.Н. Кохтев описывает пятиступенчатую структуру композиции ораторской речи, состоящую из зачина, вступления, главной части, заключения, концовки.

Е.Н. Зарецкая придерживается восьмичастного деления композиции: обращение, название темы, повествование (история предмета), описание (систематический план предмета), доказательство (доказывание и аргументация), опровержение (доказательства против), воззвание (обращение к эмоциям) и заключение [Зарецкая 2002: 172-175].

И.А. Стернин выделяет в каждой из трех основных позиций следующие элементы: во вступлении зачин (привлечь внимание и заставить слушать) и завязку (поставить цель и объяснить актуальность), в основной части содержится аргументация и доказательства, в заключении располагается напоминание (происходит возвращение к проблеме), обобщение (формулируется общий вывод), а также призыв (необходимо проверить реакцию аудитории) [Стернин 2008: 99].

Таким образом, наличие подобных композиционных схем свидетельствует о некоем давно сложившемся в рамках риторической традиции ритуале, которому необходимо следовать. Несомненным является тот факт, что современное построение публичной политической речи может несколько отличаться от установленной канонической схемы в риторике, поскольку публичная речь является творческим актом каждого политика. Как пишут М.Я. Блох и Е.Л. Фрейдина, противопоставление или сосуществование творческого начала и ритуала освещается во многих современных научных концепциях (И.В. Пешков, Ю.М. Лотман, У. Эко, А.Н. Баранов, Д.Б. Гудков, В.В. Красных и др.) [Блох, Фрейдина: 2001: 11-13]. Анализируя политический дискурс, Е.И. Шейгал указывает на ритуальность в таких жанрах как инаугурационная речь, победная речь, прощальная речь, юбилейная речь. В настоящее время в науке ведутся дискуссии относительно того, составляет ли ритуал, канон, традиция оппозицию творческому акту и отклонению от нормы. Не углубляясь подробно в данную проблему, мы, придерживаясь взгляда В.В. Красных, полагаем, что публичная политическая речь опирается на риторический канон, создается согласно нормам, которые допускают возможность творческого начала и самостоятельность [Красных 2002: 108-109].

Очевидно, что композиционная структура может исключать какую-либо из частей. Во многом это определяется видом выступления (жанром) и речевой ситуацией. Например, композиционно публичная речь в парламенте существенно отличается от публичной речи на дебатах. Помимо этого, как было сказано выше, авторский замысел также влияет на способ построения и подачи материала в политической речи.

Неотъемлемую роль в процессе произнесения публичной речи играют первые слова во вступлении. Основная цель политика во вступлении – завладеть вниманием аудитории и вызвать интерес. Как отмечает Н.Н. Кохтев, опытному оратору необходимо искусно выстроить зачин таким образом, чтобы дать понять слушателю, в каком ключе будет выстроена речь и на какую тему [Кохтев 2012: 539]. Во вступлении политик кратко обозначает все последующее содержание

своей речи. Следовательно, вступление строится таким образом, «чтобы привлечь внимание получателя к содержанию высказывания и тем самым облегчить его задачу в условиях многообразия публичных высказываний: по началу речи можно судить о значимости ее содержания...» [Волков 2003: 192]. Кроме того, именно в данный момент устанавливается психологический и эмоциональный настрой между политиком и аудиторией.

В связи с вышесказанным пристального внимания и анализа требуют особенности построения немецкой публичной политической речи.

3.2. Обращения

Как известно, любая речь начинается с обращения. В самом широком смысле обращение называет адресата, на котором сфокусирована речь. Среди целей обращения в первую очередь выделяют привлечение внимания собеседника и установление контакта в соответствующей тональности, что крайне необходимо в самом начале выступления. По справедливому замечанию В.Е. Гольдина, чьи идеи легли в основу данной главы, специализированная ориентированность обращения позволяет относить его к главному средству выделения адресата [Гольдин 2009: 63].

Поскольку публичное выступление носит официальный и деловой характер, в нем особое место отводится регламентированности речевого этикета, вследствие чего уделяется повышенное внимание использованию речевых этикетных формул. Принципиально важным в этой связи является выбор обращения, входящего в область функционирования речевого этикета, с которым связаны многие понятия этики. Так, согласно аксиоме коммуникативного равновесия, вступая в контакт с аудиторией, необходимо проявлять принципы вежливости и взаимоуважения [Стернин 2008: 5]. Это становится возможным во многом благодаря этикетной функции обращений. Кроме того, нельзя недооценивать роль обращений в достижении эффективности общения:

поскольку обращение инициирует начало коммуникации, от правильно подобранного обращения зависит личное восприятие.

Следует также подчеркнуть, что в ходе общения между политиком и аудиторией обращение участвует как в коммуникативной, так и социальной регуляции, являясь центром пересечения существенных коммуникативных связей [Гольдин 2009: 4]. В ситуации речевого общения наряду с ним существуют такие компоненты, как «я», «ты», «здесь» и «сейчас». Представляется, что рассматриваемая языковая единица маркирует социальные характеристики адресата и адресанта, отношение адресанта к адресату, а также речевую ситуацию и обстановку в момент общения. С помощью обращения устанавливаются социальные отношения между коммуникантами. Например, используя *Liebe Kollegen* или *Majestäten*, или *Liebe Studierende*, адресант относит адресата к разным социальным группам.

При выделении обращений в публичных выступлениях Ангелы Меркель учитывались следующие характеристики: называется ли в обращении группа лиц или одно лицо; адресованы ли обращения иностранным политикам или политикам ФРГ, гражданам других государств или гражданам ФРГ; произносятся ли обращения в официальной обстановке, по случаю праздника, юбилея и др.; маркируются ли обращения по полу, какова тональность обращения. Далее будут рассмотрены наиболее употребительные формы обращений, используемые А. Меркель.

Наиболее частотным и нейтральным обращением к группе лиц во «внешних» и «внутренних» политических речах является *Meine Damen und Herren*. Оно является устойчивым и употребительным в ситуации делового общения. Реже данная формула обращения снабжается определителями «уважаемые», «глубокоуважаемые»: *sehr geehrte, meine sehr verehrten, sehr verehrte + Damen und Herren*. Следует отметить, что обращение *meine sehr verehrten Damen und Herren* употребляется только в случае торжественных мероприятий: юбилеев, концертов, во время церемоний награждений, праздников как на территории Германии, так и за ее пределами. Подобное использование, по

всей видимости, имеет торжественный характер и способно задавать торжественный тон в начале выступления.

Следующий тип обращения с компонентом «дорогие» *Liebe Kollegen und Kolleginnen* ориентирован на профессионально близкую политику группу людей: *liebe Kollegen aus dem Kabinett und aus dem Deutschen Bundestag / liebe Kolleginnen und Kollegen aus den Parlamenten / liebe Kolleginnen und Kollegen aus den Parlamenten im Bund und Land / liebe Kolleginnen und Kollegen im Europäischen Parlament.*

Это обращение адресовано исключительно членам бундестага, ландтага, парламентов, включая Европейский парламент, как мужчинам, так и женщинам. Информацию о гендерной принадлежности несут соответствующие аффиксы ср. *der Kollege* – мн.ч. *die Kollegen*, *die Kollegin* – мн.ч. *die Kolleginnen*. Интерес представляют отдельные случаи обращений к коллегам из Федерального правительства ФРГ и бундестага, маркированных по мужскому роду. При этом, например, женщины-министры из того же Федерального правительства не называются, несмотря на то что они входят в его состав. Как следствие, аналогичное обращение с дифференциацией по женскому роду, а именно *Liebe Kolleginnen aus dem Kabinett, liebe Kolleginnen aus dem Bundestag* в текстах публичных речей отсутствует. Можно предположить, что, либо на момент выступления в аудитории присутствуют только мужчины из Федерального правительства ФРГ и бундестага, либо количество представителей мужского пола больше. Доказательством тому служит тот факт, что с 2005 года и по сей день в Федеральном правительстве ФРГ количество мужчин на руководящих должностях превышает количество женщин [Гендерный состав Федерального правительства ФРГ: электронный ресурс].

В третью группу обращений к группе лиц входит форма *Exzellenzen*, употребительная в дипломатической сфере по отношению, во-первых, к послам, консулам и представителям других государств на территории Германии и за ее пределами [Duden Briefe gut und richtig schreiben! Ratgeber für richtiges und modernes Schreiben 2009: 63-64]. Во-вторых, в соответствии с этикетными

правилами в Римско-католической церкви при помощи данной формы обращаются к архиепископам, епископам и викарным епископам. В речах Ангелы Меркель встречаются оба случая использования данного обращения.

Отдельную группу составляют обращения, произносимые в торжественной обстановке во время праздников, церемоний награждений, годовщин, вручения премий. Здесь наблюдается тенденция к использованию в обращениях лексем *Gäste u Festversammlung*, последняя из которых представляет метонимический перенос. Как правило, сопровождающими атрибутами при обращениях являются «дорогие», «уважаемые», «глубокоуважаемые»: *Liebe Gäste / Werte Gäste / Verehrte Gäste / Werte Festgäste / Liebe Festversammlung / Sehr verehrte Festversammlung / Sehr geehrte Festversammlung*.

П. Лауэр в одной из своих работ по созданию эффективной речи отмечает, что использование прилагательного *verehrte* выражает некоторую дистанцию и употребляется на праздничных мероприятиях официального характера [Lauer 2011: 69]. Семантику дистанцированности также имеет атрибут *werte*.

Помимо вышеприведенных обращений, рассмотрим обращение *liebe Freunde*. По мнению М.Д. Городниковой и Д.О. Добровольского, подобная формула является торжественной, что также подтверждается данными настоящего исследования [Городникова, Добровольский 1998: 179]. Лишь в двух случаях при помощи данного обращения характеризуется профессиональная (*liebe politische Freunde*) и национальная принадлежность (*sehr geehrte französische Freunde*). Как указывают Н.И. Формановская и Х.Р. Соколова, рассматриваемое обращение имеет более доверительный оттенок [Формановская, Соколова 1992: 10].

Обращения к учащимся школ и высших учебных заведений, а также к молодежи формируют еще одну группу. Приведем примеры: *liebe Studierende, liebe Studentinnen und Studenten, liebe Schülerinnen und Schüler, liebe Schülerinnen, liebe Studentinnen, liebe Jugendliche*. Устойчивым в этом случае является также атрибут *liebe*. Компоненты данной группы представлены существительными, маркированными по женскому и мужскому роду,

субстантивированными прилагательными и причастиями в качестве собирательных существительных. Использование данного вида обращений приурочено к посещению Ангелой Меркель университетов, школ Германии и других стран.

К шестой группе относится сравнительно небольшое количество обращений к спортсменам по случаю открытия спортивных мероприятий и награждений олимпийских и паралимпийских спортсменов: *liebe Sportlerinnen und Sportler*, *liebe Freunde des Turnsports*, *liebe Sportlerinnen und Sportler*.

В седьмую группу входит обращение, построенное по модели *liebe / werte / sehr verehrte / verehrte Anwesende* и адресованное всем присутствующим. В текстах публичных речей оно встречается 5 раз. Интересным представляется то, как в данном случае Ангела Меркель относится к выбору обращения. Так, например, 7 марта 2013 года на мероприятии «Интернет и стартапы в Германии», федеральный канцлер, обращаясь к аудитории, обосновывает выбор обращения *liebe Anwesende*, считая невозможным для себя употреблять такие обращения, как «дамы и господа» и «друзья», поскольку, по ее мнению, сближаться нужно осторожно.

Отсюда можно сделать вывод, что политик тщательно и целенаправленно подходит к выбору обращений, и степень близости с аудиторией оказывается существенной.

Крайне неупотребительными для Ангелы Меркель являются обращения *liebe Bürger und Bürgerinnen* к гражданам ФРГ и Европейского союза, входящие в восьмую группу обращений. Характерно, что лишь три раза в своих речах политик употребляет данную форму обращений на мероприятиях, посвященных дню падения Берлинской стены (9 ноября) и дню объединения Германии (3 октября). Вне всякого сомнения, данные события сыграли большую роль в жизни Ангелы Меркель и всего немецкого народа, поэтому ей так важно в этот день обратиться ко всем гражданам Германии и ощутить единство. Степень важности сказанного иллюстрирует, в частности, следующее высказывание федерального канцлера: „*Ich empfinde heute wie vor 24 Jahren unverändert tiefe Freude darüber,*

dass wir gemeinsam den Tag der Deutschen Einheit feiern – als Bürgerinnen und Bürger eines deutschen Staates“.

Продолжая описание форм обращений, следует рассмотреть типы обращений по отношению к одному лицу. Традиционно в немецком речевом этикете в именных обращениях используется форма *Herr / Frau + фамилия* по отношению к знакомым и незнакомым лицам. Нередко, особенно в официальном общении, в построении модели обращения учитываются такие социальные характеристики, как, например, должность и звание, академическая степень. При этом к лицам женского пола употребляется соответствующее наименование. Ср.: *Herr Präsident* («господин президент») и *Frau Präsidentin* («госпожа президент»). В русском языке, напротив, гендерный аспект остается невыраженным, и вид деятельности или профессия в официально-деловом общении закреплены за мужским родом.

Итак, первую группу составляют обращения к лицам мужского и женского пола по типу:

- 1) *sehr geehrter Herr + фамилия / должность / звание: sehr geehrter Herr Fürstner, sehr geehrter Herr Generaldirektor Lundin, sehr geehrter Herr Professor Otto;*
- 2) *sehr geehrte Frau + фамилия / должность / звание: sehr geehrte Frau Bosse, sehr geehrte Frau Senatorin, sehr geehrte Frau Professorin Lee.*

Как видно из примеров, во всех подобных случаях используется атрибут *sehr geehrter* и *sehr geehrte*, универсальный для официально-делового стиля речи. Как показал анализ статистических данных, количество обращений первого типа, то есть к лицам мужского пола, в 8 раз превышает обращения второго типа к лицам женского пола (884 раза и 140 раз). И это не случайно, поскольку представителей мужского пола в политике больше, в связи с чем наблюдается гендерная асимметрия, выраженная в количественном соотношении.

В ходе анализа также было обнаружено, что аналогичное обращение, но только с атрибутом *sehr verehrte*, используется Ангелой Меркель исключительно по отношению к лицам женского пола. Ср.: *Sehr verehrte Frau Präsidentin.*

При этом соответствующее обращение с данным атрибутом, маркированным по мужскому роду, в публичных речах отсутствует. В настоящее время атрибут *verehrt* трактуют по-разному. По мнению К.Э. Зоммерфельдта, наряду с атрибутом *wert* используются также *sehr geehrt*, *geehrt*, *verehrt*, *lieb*. Вместе с тем больше не существует разницы в употреблении обращений, содержащих компонент *verehrt* по отношению к женщинам и *geehrt* – к мужчинам [Sommerfeldt 1980: 130]. Необходимо подчеркнуть, что такое словоупотребление было характерно в период существования ГДР. Другие исследователи, например, М.Д. Городникова и Д.О. Добровольский, а также Б. Шпильнер придерживаются следующей точки зрения: форма *sehr verehrte Frau* употребляется в письменной речи и является формальной и официальной. Кроме этого, Б. Шпильнер уточняет, что такая форма используется только по отношению к женщинам [Городникова, Добровольский 1998: 183-184; Spillner 2014: 173-187]. М.Д. Городникова и Д.О. Добровольский отмечают, что обе приведенные выше формы употребляются и по отношению к мужчине, и по отношению к женщине. Сходным образом трактует эти формы и словарь «Duden», указывая, что данные формы, отнесенные к лицам обоего пола, означают, что адресант лично знаком с адресатом, выражая таким образом свое особое к нему почтение [Duden. Richtiges und gutes Deutsch 2011: 360].

Что касается атрибута *wert*, он больше не является общепринятым в обращениях. На его выход из обихода и устаревшую форму указывают словари «Duden» [Duden. Briefe gut und richtig schreiben! Ratgeber für richtiges und modernes Schreiben 2009; Duden. Richtiges und gutes Deutsch 2011]. В работах некоторых исследователей речевого этикета указывается, что обращения типа *Werter + Kollege + фамилия*, *Werte + Kollegin + фамилия*, *Werter Genosse! Werte Genossin!* функционировали в немецком языке в ГДР [Besch 1996: 34-36].

Вторая группа, представленная в публичных речах, объединяет обращения к лицам обоего пола с добавочным компонентом *lieb*:

- 1) *sehr geehrter Herr* + должность / звание, *lieber* + имя + фамилия: *sehr geehrter Herr Ministerpräsident*, *lieber Tayyip Erdoğan*; *sehr geehrter Herr*

Bundesvorsitzender, lieber Michael Sommer; sehr geehrter Herr Bundesminister, lieber Wolfgang Schäuble; sehr geehrter Herr Rektor, lieber Herr Beloev;

- 2) *sehr geehrte Frau + должность / звание, liebe + имя + фамилия: sehr geehrte Frau Oberbürgermeisterin, liebe Helma Orosz; sehr geehrte Frau Präsidentin, liebe Frau Roth; sehr geehrte Frau Staatsministerin, liebe Ilse Aigner; sehr geehrte Frau Wirtschaftssenatorin, liebe Frau Yzer.*

Добавочный компонент позволяет выделить адресата среди прочих названных и выразить более доверительное и дружеское отношение.

Разновидностью данного типа обращения, позволяющего достигнуть более дружеского и непринужденного тона, является обращение *sehr geehrter Herr + должность / звание, lieber + имя собственное*. Сравнительно малое количество такого рода обращений обнаруживается в проанализированных публичных речах федерального канцлера. Такие обращения можно квалифицировать как более контактные формы. Лишь 12 раз Ангела Меркель употребляет данный тип обращения по отношению к главам и представителям разного общественно-политического строя: *sehr geehrter Herr de Maizière, lieber Lothar; sehr geehrter Herr Fahrenschon, lieber Georg; sehr geehrter Herr Gurría, lieber Ángel; sehr geehrter Herr Professor Schwarz, lieber Helmut; sehr geehrter Herr Präsident, lieber Dmitri; sehr geehrter Herr Präsident, lieber Wladimir; sehr geehrter Herr Präsident, lieber Barack; sehr geehrter Herr Präsident, lieber François; sehr geehrter Herr Ministerpräsident, lieber Alex; sehr geehrter Herr Premierminister, lieber Pedro; sehr geehrter Herr Ministerpräsident Jazenjuk, lieber Arseni.*

Обращение *sehr geehrte Frau + должность / звание, liebe + имя*, называющее лицо женского пола, встречается в отобранном языковом материале только 3 раза: *sehr geehrte Frau Botschafterin, liebe Annette; sehr geehrte Frau Burrow, liebe Sharan; sehr geehrte Frau Ministerpräsidentin, liebe Helle.*

Особенно интересной формой именованья являются обращения, адресованные иностранным гражданам на их родном языке. Среди них встречаются обращения на французском языке (*Monsieur le Président, lieber*

Nicolas), на английском языке (*Madam Speaker, Mr. Vice President, Distinguished Members of Congress, Excellencies, Ladies and gentlemen*).

Приведенные выше формы употребляются в публичной речи, произнесенной в Париже и посвященной годовщине перемирия после Первой мировой войны, а также в Вашингтоне перед Конгрессом США, то есть за пределами Германии. Обращает на себя внимание и то, что этикетные формулы адресованы иностранным политикам и гражданам на их родном языке, в то время как вся речь произнесена на немецком. Этот факт позволяет сделать несколько предположений. С одной стороны, выбор обращения на родном адресату языке продиктован необходимостью привлечь внимание и проявить уважение по отношению к принимающей стороне. С другой, это может свидетельствовать либо о тесных и дружественных отношениях между Германией и США, Германией и Францией, либо о том, что канцлер желает их установить. Поскольку в ходе анализа подобных обращений по отношению к главам других государств выявлено не было, в диапазоне доверительной и подчеркнута личной тональности им отводится первостепенная роль. Как верно отмечает А.М. Нехорошева, обращения являются синтаксическим средством репрезентации таких концептуальных характеристик, как «приближение» и «дистанцирование» [Нехорошева 2012б: 12]. Действительно, проанализированный материал подтверждает мысль о том, что выбор обращения позволяет охарактеризовать отношение А. Меркель к другим политическим лидерам. Следовательно, обращение по имени выражает «приближение», в то время как обращение с компонентом должности и звания – «дистанцирование».

Результаты приведенного анализа частотности тех или иных обращений представлены в Таблицах 1 и 2.

Таблица 1. Обращения к группе лиц

Форма обращения	Употребление	Форма обращения	Употребление
Meine Damen und Herren	1544	Liebe Kolleginnen und Kollegen	193
Meine sehr geehrten	37	Liebe Kollegen	25

Damen und Herren			
Exzellenzen	92	Sehr geehrte Exzellenzen	7
Meine sehr verehrten Damen und Herren	14	Werte Gäste	10
Meine lieben und sehr verehrten Damen und Herren	1	Liebe Gäste	19
Werte / verehrte + Festgäste	2	Verehrte Gäste	9
Sehr geehrte Gäste	9	Werte Festversammlung	10
Liebe Ehrengäste	1	Liebe Festversammlung	2
Sehr verehrte Festversammlung	3	Sehr geehrte Festversammlung	3
Liebe Schülerinnen und Schüler	4	Liebe Schülerinnen	5
Liebe Studierende	9	Liebe Studentinnen und Studenten	3
Liebe Jugendliche	6	Liebe Bürgerinnen und Bürger	3
Liebe Freunde des Turnsports	1	Liebe Sportlerinnen und Sportler	3
Liebe Nationalspielerinnen	1	Liebe Freunde	10
Liebe politische Freunde	1	Sehr geehrte Freunde	1
Sehr geehrte französische Freunde	1	(Sehr) verehrte Anwesende Werte Anwesende Liebe Anwesende	5

Таблица 2. Обращения к определенному лицу

Форма обращения	Употребление
Sehr geehrter Herr + фамилия /должность / звание	884
Sehr geehrte Frau + фамилия /должность / звание	140

Sehr geehrter Herr + должность / звание + lieber + имя	12
Sehr geehrte Frau + должность / звание + liebe + имя	3
Sehr verehrte Frau + должность / звание	4
Sehr geehrter Herr + должность / звание + lieber + имя + фамилия	223
Sehr geehrte Frau + должность / звание + liebe + имя + фамилия	52
Majestät	4
Обращения на иностранном языке	6

Как видно из проведенного анализа, обращение в публичной политической речи обнаруживает специфические черты. Обращения выполняют контактоустанавливающую и апеллятивную функции, а также служат средством для привлечения внимания аудитории. Также следует учитывать роль обращения в построении коммуникативной рамки в публичной речи. Очерчивая границы выступления, обращение задает тон всему последующему развертыванию речи, воспринимаемой и оцениваемой адресатом. Иными словами, обращение определяет коммуникативную, в частности, адресатную заданность.

Как было отмечено ранее, нельзя недооценивать роль обращения в социальной регуляции между коммуникантами, так как общение всегда совершается в том или ином социальном ключе. Публичное выступление подчиняется правилам и нормам речевого этикета, в результате чего в текстах публичных речей представлен целый ряд типичных в ситуации официально-делового общения этикетных знаков – обращений. В них содержится информация о социальных характеристиках и ролях адресата, с которыми говорящий соизмеряет свои социальные показатели. Одной из особенностей использования обращений А. Меркель является то, что следование этикетным

нормам и индивидуальность говорящего тесно переплетаются друг с другом. Так, наиболее частотными обращениями для широкой аудитории являются: *Meine Damen und Herren, liebe Kolleginnen und Kollegen*. Одновременно с этим проявление индивидуальной воли и намерения А. Меркель было отмечено в обращениях к некоторым политикам. Для этого оратор выбирает обращение с выделительным компонентом *lieb* и указанием имени: *Sehr geehrter Herr Ministerpräsident, lieber Alex*, а в некоторых случаях – обращение на родном адресату языке: *Madam Speaker*. Кроме того, канцлер с осторожностью подходит к использованию той или иной формы, обосновывая свой выбор степенью близости. Следовательно, выделенные обращения передают личностное отношение говорящего к адресату и подчеркивают определенную тональность общения.

Вместе с тем очевидна важность характера коммуникативной ситуации в момент произнесения. Ситуативная обусловленность подтверждается выбором обращений *meine verehrten Damen und Herren, liebe Freunde, werte / verehrte / liebe Gäste, liebe Bürgerinnen und liebe Bürger* на торжественных и праздничных мероприятиях. Обращениям свойственно устанавливать и регулировать соответствия в процессе общения.

На основании полученных данных было установлено, что обращение также отражает гендерное распределение участников общения. Показательно, что количество обращений к лицам мужского пола значительно выше, нежели к женскому. Вследствие этого обнаруживаются некоторые формы обращений, маркированных только по одному из родов. Примером тому служат обращения к группе лиц мужского пола, а именно *liebe Kollegen aus dem Kabinett*, именующие представителей мужской части Федерального правительства.

Среди форм обращений к конкретному адресату в текстах публичных речей повсеместно отмечаются парные соответствия для женского и мужского рода: *sehr geehrter Herr + фамилия / должность / звание* и *sehr geehrte Frau + фамилия / должность / звание*; *sehr geehrter Herr + должность / звание + lieber + имя + фамилия* и *sehr geehrte Frau + должность / звание, liebe + имя + фамилия*; *sehr*

geehrter Herr + *должность / звание*, *lieber* + *имя* и *sehr geehrte Frau* + *должность / звание*, *liebe* + *имя*. При этом соотносительная пара мужского рода для *Sehr verehrte Frau* + *должность / звание* не является употребительной в текстах публичных речей.

Что касается выделенной выше проспективной функции вступления, то особого внимания заслуживает мысль, предложенная И.Г. Кошевой [Кошечкина 2011: 238-241]. Исследователь обосновывает идею о том, что устная и письменная речь имеют рамочную структуру. В одном случае начало определяется приветствием, а конец – прощанием, в другом – названием и заключением. Любопытно отметить, что подобная рамочная конструкция отражает движение мысли от начального до заключительного этапа. То же самое можно утверждать в контексте рассуждений о публичной политической речи. Действительно, публичная речь целиком и полностью оформлена в соотношении с адресатом, то есть содержательно текст публичной речи характеризуется единством своей направленности на адресата. Учитывая данное обстоятельство, можно заключить, что обращения выполняют текстообразующую функцию. Свое место обращения находят преимущественно в начале и финале публичной речи, образуя тем самым ярко выраженную рамочную и коммуникативную структуры в текстах публичных речей А. Меркель. Вместе с тем мы находим обращения и в других позициях в тексте. В данном случае обращение служит для привлечения внимания адресата и подчеркивания направленности речи.

3.3. Вступление

Вслед за обращением в публичной речи располагается обязательная часть – вступление, имеющее целью захватить внимание аудитории и расположить ее к себе, воздействовать эмоционально и интеллектуально, а также подготовить к дальнейшему восприятию речи. Наибольшую трудность составляет процесс удержания внимания. В психологии существует следующее определение

внимания: «познавательный (психологический) процесс, обеспечивающий избирательность восприятия, запоминания, сохранения, припоминания, переработки, использования человеком информации, а также процесс, обеспечивающий организованность и целенаправленность самой деятельности человека, его общения с людьми» [Немов 2007: 63]. Известны несколько видов внимания, введенные в научный оборот Н.Ф. Добрыниным: непроизвольное, произвольное и послепроизвольное. Непроизвольное внимание неустойчиво и не регулируется человеком, оно включается и выключается без воли и усилий человека. Произвольное внимание, наоборот, сознательно регулируется человеком. Иногда может так произойти, что произвольное внимание переходит в послепроизвольное, когда человек, уже охваченный чем-то, больше не прикладывает усилий для удержания интереса. Именно данной цели служит вступление [Стернин 2008: 108]. Помимо этого, во вступлении также обосновываются обстоятельства выступления, тема и план. С этой точки зрения, вступление имеет определенное воздействующее влияние на адресата, как бы предваряя и облегчая всю содержательно-концептуальную информацию в ситуации восприятия публичной речи. Поэтому вступление обладает также перспективной направленностью, то есть выполняет перспективную функцию.

В случае с отобранными публичными речами А. Меркель вступление открывается словами благодарности, приветствия или поздравления, которые относятся к зоне этикетных формул. Речевой этикет призывает политика руководствоваться принятыми в официальной обстановке правилами речевого поведения. Выбирая уместные этикетные единицы, политик тем самым демонстрирует вежливое отношение к адресату и сообщает о готовности вступить в контакт.

Как уже отмечалось ранее, публичную речь в политическом дискурсе зачастую отличает стандартизованный и стереотипный характер. В частности, это проявляется на уровне использования этикетных формул. По справедливому замечанию Н.И. Формановской, «в силу тысячекратного повторения в типичных ситуациях речевой этикет воплотился в стереотипах, в устойчивых выражениях,

формулах общения, которые мы не строим заново каждый раз, когда надо их употребить, а используем готовые, отложившиеся в нашем языковом сознании» [Формановская 1989: 48]. Фиксированность нормы и ее соблюдение, однако, не означает отсутствие индивидуальности в речевом акте, потому что всякий раз приветствие или слова благодарности произносятся в конкретной ситуации и конкретному адресату с учетом социальных и коммуникативных ролей. Рассмотрим подробнее специфику употребления этикетных формул.

Слова благодарности, приветствия и поздравления выражаются при помощи глагольных форм и по сути своей являются действием, так как реализуются в системе координат «я-ты-здесь-сейчас». Следуя классификации перформативных глаголов Дж. Серля, мы будем относить глаголы *danken*, *begrüßen*, *gratulieren*, глагольные единицы *sich freuen*, *sich bedanken*, глагольные сочетания типа *Dank sagen* к перформативам, в семантике которых уже заложена идея мотива и намерения говорящего: *Wir sagen Dank für den herzlichen Empfang / Ich möchte mich bei allen, die bei der Vorbereitung mitgemacht haben, und bei allen, die heute dabei sind, ganz herzlich bedanken / zunächst möchte ich beiden Häusern des Parlaments ausdrücklich dafür danken, dass ich heute hier sein darf / ich begrüße Sie alle, die Sie dem Bundesamt für Bevölkerungsschutz und Katastrophenhilfe sowie dem Technischen Hilfswerk alle Ehre machen / lieber Herr Knopp, auch ich möchte Ihnen ganz herzlich gratulieren.*

Во «внутренних» и «внешних» публичных речах этикетные формулы соотносятся с тематической направленностью, видом мероприятий, а также адресантом и ролью адресата в момент выступления. Так, распределение ролей между адресантом и адресатом отражается, например, в использовании лексемы **Gast** «гость»: *Für die Einladung, heute Gast der Feiern des Armistice-Tages zu sein, danke ich Ihnen aus ganzem Herzen / Ich freue mich sehr, heute mit unserer Delegation hier in Halifax zu Gast zu sein und möchte mich ganz herzlich für Ihre Gastfreundschaft bedanken.* Примечательно, что подобные словосочетания «быть гостем» **zu Gast sein** встречаются преимущественно во «внешних» речах и лишь малое количество

представлено во «внутренних». В соответствии с этим очевиден тот факт, что на построение этикетных формул влияют экстралингвистические факторы.

Поскольку в момент произнесения «внешних» публичных речей Ангела Меркель выступает не только от своего имени, но и от имени всей делегации, Федерального правительства и страны, то она обязательно ссылается на это: *Ich möchte mich, auch im Namen unserer ganzen Delegation, ganz herzlich für den freundlichen Empfang bedanken / Ich freue mich, Sie alle hier heute zur Internationalen Afghanistan-Konferenz begrüßen zu dürfen – dies auch im Namen der gesamten Bundesregierung / Lassen Sie mich Ihnen für Ihre freundlichen Worte zur Begrüßung und für Ihre Gastfreundschaft ganz herzlich danken. Diesen Dank sage ich auch im Namen der Delegation, die mich bei meinem Besuch hier in Angola begleitet.*

Довольно часто в группе «внешних» речей отмечается употребление личного местоимения 1 лица множественного числа *wir* вместо *ich*. В этом случае канцлер отождествляет себя с группой людей (делегацией, народом или всей страной). Подобное использование местоимения *wir* позволяет выразить идею единства и совместного действия. Более подробно лексемы, в которых отражается идея целостности, сопричастности и интеграции, будут рассмотрены ниже (см. 4.4.). Приведем примеры: *Wir freuen uns alle gemeinsam auf die besten Turnerinnen und Turner aus Europa. Wir freuen uns, dass sie in Berlin sind, der Hauptstadt der Bundesrepublik Deutschland / Wir sagen Dank für den herzlichen Empfang / Ich darf im Namen unserer ganzen Delegation sagen, dass wir uns sehr freuen, heute hier in Astana in Kasachstan zu Gast zu sein.*

Следует также упомянуть, что в проанализированных речах наравне со словами благодарности во вступлении Ангела Меркель склонна выражать психологическое и эмоциональное отношение к происходящему. На лексическом уровне это проявляется в использовании перформативного глагола *sich freuen*, конструкции *es ist mir eine Freude: es ist mir eine große Freude / Ich freue mich, heute im Museum für Islamische Kunst zu Gast zu sein / Ich freue mich – das sage ich im Namen meiner ganzen Delegation –, dass Sie heute so zahlreich zu diesem Wirtschaftstreffen zwischen der saudischen Wirtschaft und der deutschen Wirtschaft*

gekommen sind / Es ist mir eine Freude, Sie im Bundeskanzleramt zum traditionellen Neujahrsempfang herzlich willkommen zu heißen.

В некоторых случаях употребленная в высказывании форма глагола **möchte** позволяет несколько смягчить высказывание. В этом случае глагол выражает не желание или симпатию, а приравнивается к действию: *Ich möchte mich, auch im Namen unserer ganzen Delegation, ganz herzlich für den freundlichen Empfang bedanken / Ich möchte mich zuerst einmal ganz herzlich dafür bedanken, dass ich heute zum Mittagessen hier bei Ihnen sein und einige Worte an Sie richten kann.*

Для выразительности высказывания используется такой стилистический прием, как анафора. Данный прием может быть проиллюстрирован на примере предложений, имеющих одинаковое начало в виде повторяющейся грамматической основы: *Ich freue mich, dass wir heute, wenn auch nicht ganz in solch geordneter Form wie bei normalen diplomatischen Empfängen, dafür aber ähnlich der Situation, wie sie am 9. November 1989 war, uns hier wieder auf dieser Brücke treffen können. Von hinten ruft gerade jemand: „Wir sind das Volk!“ – Das stimmt. Ich freue mich auch, dass so viele heute hierher gekommen sind.*

Ниже представлены группы слов благодарности, приветствия и поздравлений:

Благодарность:

- *Ich bedanke mich ganz herzlich dafür, dass Sie mich gebeten haben, hier einige Worte an Sie zu richten / ich bin sehr gern hierher gekommen, wobei ja nicht ganz klar ist, wer hier wem dankt. Sie bedanken sich dafür, dass ich hier bin, aber ich bedanke mich erst einmal dafür, dass es Sie gibt und dass Sie viel Gutes tun.*

Приветствие:

- *Auch ich begrüße Sie recht herzlich zum Auftakt des Internationalen Jahres der biologischen Vielfalt hier am passenden Platz und in passender Umgebung, nämlich im Museum für Naturkunde in Berlin. Ich freue mich, dass Sie der Einladung von Bundesumweltminister Norbert Röttgen und mir gefolgt sind / ich begrüße Sie herzlich zum traditionellen Neujahrsempfang hier im Bundeskanzleramt.*

Поздравление:

- *Ich möchte zuerst Ihnen, lieber Herr Hundt, zu Ihrer Wiederwahl gratulieren und von meiner Seite aus eine gute Zusammenarbeit versprechen, wie das in der Vergangenheit der Fall war / Ich bin gerne heute nach Nürnberg gekommen, denn 175 Jahre Eisenbahn in Deutschland, das ist wahrhaftig ein ganz besonderes Jubiläum. Deshalb sage ich erst einmal: Herzlichen Glückwunsch / Es ist mir heute eine ganz besondere Freude, dir, lieber Kurt – persönlich und im Namen der Bundesregierung – nachträglich zum 80. Geburtstag herzlich zu gratulieren.*

Поскольку Ангела Меркель ежегодно посещает определенное количество одних и тех же мероприятий, во вступлении обязательно отмечается преемственность традиции, подчеркивается значимость выступления среди остальных событий: *Ich bin gerne auch in diesem Jahr wieder zu Ihnen gekommen. Es ist ja schon fast eine Tradition, hier zu Gast zu sein / der Empfang für die Mitglieder des Wissenschaftsrats hat hier im Bundeskanzleramt Tradition. Ich darf Sie zum dritten Mal bei uns ganz herzlich begrüßen und ganz herzlich willkommen heißen / Ich möchte noch einmal daran erinnern, dass die Tradition dieser Treffen, wie es eben auch gesagt wurde, schon 25 Jahre zurückreicht.*

В результате анализа этикетных формул в публичных речах можно заключить, что типовые ситуации делового общения диктуют соблюдение этикетных моделей и порождают высокую частотность их употребления. Следовательно, подобная повторяемость обуславливает скорее нейтральный тон изложения, нежели личный и субъективный. Тем не менее, как показывает исследование, иногда в официально-деловой тип речи проникает личный тон, как это было проиллюстрировано в образцах обращений.

Наряду с этикетными формулами во вступлении особую важность приобретают первые фразы – зачины. Следует заметить, что зачин не только активизирует внимания адресата, но и производит так называемый «эффект первых фраз», способствующих закреплению первого впечатления о говорящем [Бороздина 2006: 117]. Поскольку вступление имеет дело с привлечением

внимания аудитории, то представляется логичным выделить и классифицировать соответствующие типы и приемы захвата внимания. В основе анализа лежат предложенные И.А. Стерниным, а также О.А. Баевой классификации, которые, однако, будут дополнены в связи с особенностями рассматриваемого явления в публичной политической речи [Стернин 2008: 109-113; Баева 2001: 134-140].

Обращение к событию, времени, месту:

- *Der Petersberg ist zwar weit weg, aber dafür sind Sie in der Hauptstadt, in Berlin, die sich in Schönheit zeigt, obgleich das Wetter eher für die ländlichen Regionen Deutschlands als für die städtische Region gut ist. Ich wünsche Ihnen, dass Sie heute Nachmittag, am Abend oder vielleicht auch morgen noch ein trockenes Berlin erleben können.*
- *Ich möchte Sie ganz herzlich im Namen der deutschen Präsidentschaft hier im Ozeaneum Stralsund begrüßen. Ich glaube, dies ist ein sehr passender Ort für unser Treffen. Das Museum ist neu. Es ist mit seiner Architektur sehr beeindruckend. Wir werden nachher noch die Möglichkeit haben, uns die riesigen Aquarien anzusehen. Sie erinnern uns an das, was uns alle hier um diesen Tisch herum verbindet, nämlich die Ostsee mit ihrer Schönheit, ihrer Faszination, ihrer Vielfalt und natürlich auch mit dem Auftrag an uns, diese Vielfalt und Schönheit zu schützen und für zukünftige Generationen zu erhalten.*
- *Dass die Provinz Guangdong Station auf meiner diesjährigen China-Reise ist, hat sehr gute Gründe. Denn das Perlflossdelta hat in den vergangenen Jahrzehnten einen unglaublich tiefgreifenden Umbruch erlebt – ich glaube, man darf sagen, einen Umbruch wie kaum eine andere Region der Welt. Dafür gibt es hier viele Beispiele. Eines davon ist Shenzhen: Ende der 70er Jahre lebten dort rund 20.000 Menschen, inzwischen sind es rund 15 Millionen. Die Provinz zählt zu den wichtigsten ökonomischen Zentren Chinas.*

Ссылка на предшествующее событие:

- *Ich habe bereits den Landrat aus Nordvorpommern und den Oberbürgermeister aus Stralsund hier gesehen. Sie haben ja, nachdem sie „ihre“ Bauabschnitte des*

Autobahn- bzw. Rügenzubringers fertiggestellt haben, sicherlich Freude, wieder einmal etwas entstehen zu sehen.

Рассказ, основанный на личном опыте:

- *Meine Reise und die Reise der ganzen Delegation nach Afrika in Kenia zu beginnen, ist uns eine große Freude. Ich persönlich war schon als Umweltministerin in Kenia. Ich weiß natürlich, dass sich in diesem Land seit meinen Besuchen in den 90er Jahren vieles verändert hat – es regiert eine große Koalition, es gibt eine neue Verfassung.*
- *Mein erster Besuch an der Chinesischen Akademie für Sozialwissenschaften ist mir noch in sehr guter Erinnerung. Schon damals, im Jahr 2007, haben mich das vielfältige Themenspektrum und die außerordentlich tiefgründige Arbeit der Akademie sehr beeindruckt. Deshalb ist es mir auch eine große Freude, heute wieder bei Ihnen zu sein. Ich bin natürlich nicht allein hierhergekommen. In unserer Delegation sind Abgeordnete des Deutschen Bundestages aus allen Fraktionen, wir haben eine große Wirtschaftsdelegation und natürlich auch Journalisten, die mit uns nach China gereist sind.*
- *Ich erinnere mich an meine Aufenthalte hier als Physikerin und freue mich, dass mein Lehrer von damals, Rudolf Zahradník, mit seiner Ehefrau hier heute unter uns ist. Ich kann vielleicht etwas aus unserer Konversation erzählen. Damals bin ich immer mit dem Zug, den es heute auch noch gibt – das ist der Vindobona –, von Berlin nach Prag gefahren. Oft hatte er Verspätung. Einmal hatte er viele Stunden Verspätung. Ich habe zu Rudolf Zahradník gesagt, dass das alles ganz schrecklich und schlimm sei. Dann hat er gesagt: Regen Sie sich bitte nicht auf. Wir beide sind doch die Einzigen, die wissen, dass wir an einem Experiment teilnehmen, das nicht funktionieren kann, nämlich dem Sozialismus. Aber es wissen leider noch nicht alle. Deshalb müssen wir noch eine Weile mit den Unzulänglichkeiten leben.*

Цитирование известной личности:

- *Mit einem Zitat möchte ich beginnen: „Das schönste Glück des denkenden Menschen ist, das Erforschliche erforscht zu haben und das Unerforschliche zu*

verehren.“ Dieser Einschätzung Goethes zufolge kann sich die Deutsche Forschungsgemeinschaft wirklich glücklich schätzen.

- Papst Benedikt XVI. widmete sich in seiner Rede letzte Woche im Deutschen Bundestag keiner geringeren Frage als jener, was denn die Grundlage eines Rechtsstaats ausmache. Er unterstrich, dass politischer Erfolg – ich zitiere – „dem Maßstab der Gerechtigkeit, dem Willen zum Recht und dem Verstehen für das Recht untergeordnet sei.“ – Ende des Zitats.
- Von dem Arzt und Theologen Albert Schweitzer stammt der Satz – ich zitiere: „Keine Zukunft vermag gut zu machen, was du in der Gegenwart versäumst.“ Ich glaube, das ist etwas, das es auf den Punkt bringt.

Цитата из источника:

- „Der Weltfriede kann auf die Dauer nur auf sozialer Gerechtigkeit aufgebaut werden.“ – Das ist der erste Satz in der Verfassung der Internationalen Arbeitsorganisation. Ihn möchte ich auch an den Anfang meiner Rede stellen.

Девизы и слоганы:

- „Fünf Jahre Bürokratieabbau – der Weg nach vorn“ lautet das Motto Ihrer heutigen Veranstaltung. Fünf Jahre Nationaler Normenkontrollrat – oder kurz: NKR – sind eine gute Gelegenheit, Bilanz zu ziehen.
- Ja zum Alter – so lautet Ihr Motto auf dem Seniorentag. Aber das Motto lautet ja nicht nur hier in Hamburg so, sondern auch zu Hause im alltäglichen Leben. Wer diesen Satz einer solch eindrucksvollen Konferenz voranstellt, einem Seniorentag, der zeigt damit auch, dass er selbstbewusst zu den eigenen Lebensjahren steht.

В процессе политической коммуникации чрезвычайно важен такой элемент как эмпатия – «способность к постижению эмоционального состояния другого человека в форме сопереживания» [Бороздина 2006: 13]. Часто проявление эмпатии Ангелой Меркель к собеседнику выражается **ссылкой на эмоциональное состояние:**

- Ich möchte zunächst mein Mitgefühl für diejenigen unter Ihnen ausdrücken, die derzeit unter den Folgen einer sehr schweren Dürre leiden. Das ist eine

Herausforderung für Ihr gesamtes Land. Sie erfordert Solidarität in der ganzen Republik Moldau, aber auch darüber hinaus. Ich hoffe und wünsche, dass Sie über diese schwierige Situation neben all den anderen Schwierigkeiten bald hinwegkommen können.

Прямое обращение к теме выступления:

- *Zeitungen informieren, sie ordnen Nachrichten ein, sie fördern Meinungsbildung und damit auch Teilhabe am gesellschaftlichen Leben – genau darauf kommt es in einem funktionierenden Staatswesen ganz wesentlich an. Zeitungen sind Kulturgüter. Sie stiften Identität. Das trifft auch ganz besonders auf Lokalzeitungen zu. Sie verbinden globales Zeitgeschehen mit dem konkreten Lebensumfeld der Leserinnen und Leser. Eine freie, unabhängige und meinungsstarke Presse verdient deshalb jede Unterstützung. Und das zeige ich auch durch meine Anwesenheit. Ich bin gern hierhergekommen.*
- *Der Handel – ein kurzes Wort für eine lange Geschichte. Denn seit Menschengedenken verbindet der Handel Völker, Nationen und Kontinente. Es gibt vielleicht gar keinen Wirtschaftsbereich, der eine größere Bedeutung für das Zusammenleben der Menschen hat als der Handel. Gesellschaften ohne Handel sind praktisch nicht denkbar – das gilt für die Vergangenheit, das gilt auch heute.*
- *Das Thema Ihrer Veranstaltung – und das 20 Jahre nach dem Treffen in Rio – ist: „Towards Low-Carbon Prosperity“. Leider ist das Thema immer noch aktuell. Man kann sogar sagen: Es ist aktueller denn je. Alles, was mit Ressourcenverbrauch und Klimawandel zusammenhängt, was die Lösung dieser Probleme anbelangt, hat sich in den letzten 20 Jahren schon etwas bewegt. Aber die Bewegung ist zu langsam, wenn man das mit den Veränderungen vergleicht, denen wir begegnen. Die globalen CO₂-Emissionen sind wieder gestiegen. Deshalb müssen wir immer wieder dafür werben, dass wir das Ziel, den Temperaturanstieg auf zwei Grad zu begrenzen, nicht aus den Augen verlieren.*

Постановка вопроса с целью возбуждения интереса к выступлению:

- *Zunächst möchte ich Ihnen ein gesundes und uns allen ein erfolgreiches neues Jahr wünschen. Am Beginn eines neuen Jahres fragt man sich immer: Was wird es bringen, was wird sich verändern, worauf müssen wir uns vorbereiten?*

Из приведенных вариантов приемов захвата внимания очевидно, что они относятся к косвенным зачинам вступлений публичных речей. Вместе с тем было установлено, что в некоторых случаях опускаются поздравительные и благодарственные слова, а также приемы захвата внимания. Так, правительственные заявления как отдельный жанр (Regierungserklärung) имеют особое назначение. С такого рода речами федеральный канцлер, являясь одновременно представителем страны, правящей коалиции и всей партии, выступает в парламенте или на международных саммитах, освещая и высказывая свою точку зрения по актуальным внутри- и внешнеполитическим вопросам и проблемам, заранее известным аудитории. Анализ правительственных заявлений позволяет сказать, что цель и назначение данного вида речи накладывают отпечаток на ее построение, стилевые характеристики и тональность. При создании подобных речей политику не требуется прибегать к особым средствам привлечения внимания во вступлении, он сразу переходит к теме выступления. В отличие от косвенного зачина данный вид зачина называется прямым.

Итак, на основании проанализированного материала можно прийти к выводу, что Ангела Меркель имеет ярко выраженную тенденцию к использованию различных приемов захвата внимания аудитории, которые оказываются эффективными в рамках публичного выступления. Есть определенные основания утверждать, что вступления в обеих группах публичных речей соответствуют практическим и теоретическим требованиям разработки вступлений, выдвинутым специалистами: логическая последовательность, умеренная эмоциональность, краткость и соразмерность с остальными частями публичной речи. Для достижения прагматической цели данные характеристики вступления особенно актуальны с точки зрения восприятия публичной речи на слух и ее осмысления, поскольку «в любом общении важно, во-первых, чтобы внимание слушающего было привлечено к говорящему и к тому, что он говорит, а

во-вторых, чтобы внимание это было постоянным, не рассеивалось. Только в этом случае можно повысить эффективность общения» [Бороздина 2006: 33].

Помимо этого, Ангела Меркель демонстрирует уровень владения речевым этикетом, адаптируя свое коммуникативное поведение в условиях конкретной коммуникативной ситуации. Уместное для каждой конкретной ситуации использование речевых формул и приемов захвата внимания в соответствии с индивидуальными характеристиками адресата позволяет политику установить личностный контакт и положительную тональность с аудиторией, а также психологически и эмоционально расположить к себе слушателя. Иными словами, Ангела Меркель руководствуется правилами коммуникативной этики.

3.4. Основная часть публичной политической речи

В основной части композиции излагается генеральный замысел речи, который говорящий собирается донести до аудитории. Цель данной композиционной части заключается в том, чтобы убедить адресата в истинности излагаемой точки зрения, повлиять соответствующим образом на его представления и мировоззрение, а также подвести к определенным выводам. Именно в основной части публичной речи большое значение приобретает способ изложения. Публичная речь по своему содержанию отличается неоднородностью ввиду того, что мышление человека благодаря смысловым комплексам устанавливает различные связи между объектами действительности, событиями, различными формами общественной практики, что выражается в таких характерных монологическому высказыванию функционально-смысловых типах речи, как повествование, рассуждение и описание [Культура русской речи 2008: 114]. Динамическое развертывание мысли приводит к контаминации всех смысловых типов речи, а их смена свидетельствует, с одной стороны, о стремлении автора оказать воздействие на адресата и выполнить конкретную коммуникативную задачу, а с другой – сделать свою речь наиболее доступной для

восприятия. В зависимости от вида публичной речи сочетание функционально-речевых типов различается. Так, например, в публичной академической речи доминирующим функциональным типом выступает рассуждение, поскольку познавательная природа научной мысли базируется на логической доказательности изложения, которая осуществляется посредством суждений и умозаключений. Между тем публичная речь Ангелы Меркель рассматривается как вид политического дискурса, обладающего чертами убеждающей и в меньшей степени информирующей речи, которой в разном соотношении присущи все три функционально-речевых типа.

Так, повествование представляет наиболее динамичный функционально-речевой тип, благодаря которому в ткани изложения воссоздаются разворачивающиеся во времени события. Например, такой тип изложения используется Анжелой Меркель в публичных речах с целью изображения последовательного фактуального и событийного ряда:

- *Am 9. November 1918 endete das Deutsche Kaiserreich mit der Verkündung der Abdankung von Kaiser Wilhelm II. zum Ende von vier fürchterlichen Kriegsjahren. Fünf Jahre später, am 9. November 1923, wollte Adolf Hitler mit seinem Marsch auf die Münchner Feldherrnhalle die junge Weimarer Demokratie stürzen. Weitere 15 Jahre später, am 9. November 1938, zündeten Angehörige von SA und SS Synagogen an. Sie plünderten Geschäfte jüdischer Eigentümer, zerstörten die Wohnungen jüdischer Mitbürger, misshandelten ihre Bewohner, verhafteten und töteten nicht wenige von ihnen. Das war der Auftakt zum millionenfachen Mord, zum Zivilisationsbruch der Shoah. Der 9. November wurde ein Tag der Scham und der Schande. Wie sollte aus diesem Datum jemals der Tag des Glücks und der Freude werden können, wie wir ihn 61 Jahre später, am 9. November 1989, erleben durften? Deshalb empfinde ich heute, am 25. Jahrestag des Falls der Berliner Mauer, nicht nur Freude, sondern vor allem auch die Verantwortung, die uns die deutsche Geschichte insgesamt aufgegeben hat.*

- *Ida Siekmann ist das erste bekannte Todesopfer der Berliner Mauer. Sie wohnte an der Bernauer Straße Nr. 48. Hier verlief die Grenze genau vor den Hauseingängen. Während mit dem Mauerbau am 13. August 1961 in den Hinterhöfen neue Durchgänge zum Ostteil der Stadt entstanden, wurden die Türen und Fenster gen Westen zugemauert. Stockwerk für Stockwerk wurde dicht gemacht. Am 21. August 1961 war auch Ida Siekmanns Wohnhaus an der Reihe. Einen Tag später sprang sie aus dem dritten Stock ihres Hauses, um zu fliehen. Sie verletzte sich schwer und verstarb noch auf dem Weg ins nahegelegene Krankenhaus.*

В данных примерах динамизм речи передается посредством использования претериальных форм глаголов, обстоятельств места и времени, однородных членов. События упорядочены и относятся к определенному временному отрезку. Отсутствие союзов создает перечислительную связь между предложениями.

За редким исключением в публичных речах можно встретить описание, сущность которого сводится к изображению признаков предмета или явления, обозначению их состояния. Выступающий прибегает к описанию в том случае, когда ему необходимо дать характеристику предмета или сообщить более подробную информацию аудитории. Сказанное можно проиллюстрировать следующими примерами:

- *Beim Deutschen Filmpreis vor wenigen Wochen wurde ein Werk ausgezeichnet, bei dem in einer Szene ein alter Mann erzählt, wie er als kleiner Junge 1938 die Pogromnacht erlebte. Er hatte damals nur Augen für die vielen Glasscherben auf der Straße. Er sorgte sich darum, am nächsten Tag nicht Fahrrad fahren zu können. Die misshandelten Menschen, die Zerstörung ihres Eigentums hingegen ließen ihn unberührt. Dieser Filmausschnitt untermalt eines sehr deutlich: Antisemitismus beginnt schon mit Gleichgültigkeit. Er mag vordergründig auf Einzelne zielen, am Ende aber trifft er uns alle. Er ist ein Angriff auf die gesamte Gesellschaft. Denn die Gesellschaft verliert ihre Menschlichkeit. Der Kampf gegen Antisemitismus ist daher vorrangige Pflicht eines demokratisch-freiheitlichen Staates. Er muss sich seine Grundlagen bewahren.*

В приведенном фрагменте описание сцены из фильма служит в качестве иллюстрации для подтверждения тезиса о том, что вопросы антисемитизма начинаются с малого, но касаются в итоге нас всех, что антисемитизм зарождается с безразличия. Очевидно, что для публичных речей политика не характерно развернутое описание событий и объектов.

Наиболее широкое распространение среди вышеперечисленных смысловых типов речи получило рассуждение. Это объясняется потребностью политика аргументировать выдвигаемую точку зрения и обеспечивать наибольшую убедительность высказывания. Кроме того, соответствующая языковая структура проистекает из задач публичного выступления и из функциональной природы самого политического дискурса. Именно рассуждение связано с логической и аналитической стороной речи, поскольку в нем на уровне суждений раскрываются внутренние признаки конкретных предметов, выстраиваются логические связи между явлениями, возникают причинно-следственные отношения. Рассуждение представляет ряд суждений, которые следуют друг за другом и могут быть логически выводимы [Брандес 2004: 90]. Следует также отметить, что рассуждение – это вид коммуникации, предполагающий адресата, поэтому коммуникативная направленность рассуждения состоит в диалогичности, обуславливающей наличие широкого спектра средств диалогизации в тексте (обращения, средства упорядочения изложения и организации его частей, риторические вопросы, выражения оценки того или иного события или факта, поиск ответного сопереживания, афоризмы, пословицы, поговорки, образные средства, побудительные конструкции, вводные конструкции, формы прямого и непрямого императива и др.). В текстах публичных речей Ангелы Меркель встречаются следующие примеры рассуждения:

- *Am Freitag – Sie hatten an diesem Tag die Helfer in das Stadion in Paris eingeladen – hat eine Welle terroristischer Gewalt Paris, Europa und die ganze freiheitsliebende Welt erschüttert. Man kann es nicht anders sagen und muss deutlich machen: Diese feigen Anschläge zielen auf unser aller freies Leben. Darauf können wir nur eine Antwort der Entschlossenheit geben. Deshalb*

unterstützt Deutschland Frankreich dabei, die Hintergründe aufzuklären und gegen Terroristen und Drahtzieher vorzugehen. Darüber hinaus geht es darum, auf vielfältige Art und Weise Zeichen dafür zu setzen, dass Freiheit jedem Terror trotzt.

- *Nach der Krise bzw. im Ausgang aus der internationalen Finanz- und Wirtschaftskrise liegt jetzt natürlich die Frage auf der Hand: Wie geht es mit diesem Wirtschaftszweig in Deutschland weiter? Ich glaube, dass viele von Ihnen, die in der maritimen Wirtschaft tätig sind, in diesen zwei Krisenjahren erhebliche Sorgen und Ängste hatten, und zwar nicht nur, was die Finanzierung anbelangt, sondern auch, weil Sie, wie ich glaube, in dieser Branche hautnah spüren, dass die Karten auf der Welt in einer solchen Krise noch einmal neu gemischt werden. Der Wettbewerbsdruck steigt; und die Frage „Wo findet Deutschland seinen Platz im globalen Wettbewerb?“ stellt sich noch schärfer, als sie sich vor Beginn dieser Krise gestellt hat.*

Как видно из примеров, последовательное движение мысли развивается от предложения к предложению и обуславливает причинно-следственную связь между ними на синтаксическом уровне. Во многом данная логическая оформленность и цельность мысли выражается в специфической структуре при помощи союзов, способствующих спаянности предложений, наречий в связующей функции, местоименных наречий, вводных слов. Показательны также обороты связи: *Ich kann viele Beispiele nennen, zum Schluss möchte ich sagen; lassen Sie mich noch mal betonen* и др. С точки зрения восприятия и эффективности общения рассуждение играет существенную роль: оно позволяет вызвать ответную реакцию со стороны слушающего и активизировать его внимание, вовлечь в процесс. Отсюда и объем, который занимает рассуждение в речи говорящего, прикладывающего коммуникативные усилия для передачи содержательно-концептуальной информации.

Очевидно, что превалирование или контаминация функционально-речевых типов публичной речи связано не только с адресатом, но и со сферой общения и общественной практикой. В каждой из сфер проявляется определенная форма

общественного сознания, которая детерминирует задачи и речевую специфику в данной области. На речевую организацию и языковые средства накладывает отпечаток также коммуникативная ситуация и коммуникативная цель, индивидуальная воля автора, стремящегося максимально доступно выразить содержание и быть понятым.

Поскольку логическую основу аргументации составляет рассуждение, то отличительной чертой основной части является именно аргументативная структура, которая позволяет говорить о публичной речи как о речи убеждающего толка. Действительно, публичная речь как образец влиятельной общественно-политической практики призвана убедить слушателя в правильности позиции говорящего, заставить присоединиться к мнению говорящего, а также повлиять на мировоззрение аудитории [Чудинов 2009: 29]. Однако недостаточно просто убедить аудиторию, необходимо также мобилизовать ее к определенным действиям. Говоря о задаче политика вообще, А.Г. Алтунян утверждает, что излагаемая политиком точка зрения должна быть настолько понятна, актуальна и тождественна аудитории, чтобы последняя приняла предложенное за собственное, чтобы мнение адресанта стало мнением адресата [Алтунян 2006: 17]. Для этих целей политик осуществляет аргументативную деятельность, раскрывая убеждающий потенциал речи и обосновывая точку зрения. Следовательно, под аргументацией следует понимать такой вид интеллектуально-речевой деятельности, который состоит в построении текста, ориентированного конкретному лицу или группе лиц таким образом, чтобы воздействовать на конкретного человека или людей и стимулировать к совершению действий [Алексеев 1991: 15-16]. Именно поэтому значительное место в ситуации воздействия на интеллектуальную и эмоциональную составляющую отводится аргументации. Как уже было сказано выше, публичная политическая речь – это убеждающая речь, поэтому в ней, вне сомнения, представлен широкий спектр аргументов. Аргументами могут выступать различные примеры, факты, утверждения, законы, цитаты, статистические данные и другое.

В такого рода деятельности следует выделять базовые элементы: субъект аргументации, политика, и объект аргументации, аудиторию, ее взгляды и поведение. Что касается целеустановки, то ошибочно полагать, что целью политика обязательно является доказательство истинности выдвигаемого положения или формирование устойчивых взглядов. Целью аргументации также может быть совершение определенного поступка в конкретной ситуации или воздержание от действия [там же: 30-32]. В рамках данного исследования эффективность аргументации связана с предложенным А.П. Алексеевым термином «принятие». Его суть заключается в принятии адресатом аргументируемого утверждения как наиболее целесообразного и вероятного, что влечет за собой совершение какого-либо действия. В этом случае «принятие» также охватывает всевозможные типы отношений между политиком и аудиторией, включая убеждение. Аргументацию можно тогда считать успешной, если аргументируемое положение принято, и безуспешной, если аргументация оказывается неубедительной для реципиента.

В контексте данной работы аргументация будет трактоваться в рамках традиционной риторической направленности, то есть убеждение представляет риторическую форму воздействия, направленную как на сознание, так и на чувства [Анисимова 2002: 68].

При построении аргументации важен учет различных характеристик адресата. Действительно, знание о взглядах, убеждениях и модели мира адресата, а также их релевантность по отношению к данному адресату в конкретной ситуации во многом определяет эффективность аргументации. Данный факт неизбежно связан с тем, что аргументация всегда обращена к адресату и включена в диалог в том смысле, в каком его понимает М.М. Бахтин. Кроме того, аргументация является социальной деятельностью, поскольку направлена на человека. Политик, создавая и произнося свою речь, делает это для того, чтобы заинтересовать, убедить или побудить аудитории к чему-либо. Однако аргументация, обращенная к конкретной аудитории, не означает ее успешность для другой аудитории.

Реализация аргументации как вербального вида деятельности заставляет обратить внимание на еще один аспект. Логичность публичной речи тесным образом связана с последовательным движением мысли по спирали, что выражается в планомерной и сложной организации структуры публичной речи на высшем текстовом уровне. Аргументация как вербальная деятельность эксплицируется через логическую структуру текста, в которой центральное место занимают тезис, аргументы и выводы. Таким образом, аргументативный тип речи является принципиально важным в сфере политики, поскольку он обеспечивает убеждающий потенциал публичной политической речи.

Чтобы наглядно продемонстрировать вышеизложенное, следует обратиться к аргументативному построению политических выступлений. Формат настоящего исследования не позволяет произвести полный анализ аргументативного построения, однако необходимо указать на его специфику на материале публичной речи Ангелы Меркель «Rede der Kanzlerin zum Auftakt des Internationalen Jahres der Biodiversität 2010» от 11.01.2010:

1. Тезис: *Wir wissen heute immer noch relativ wenig über komplexe Ökosysteme und das Zusammenspiel der Arten. Wir wissen wenig darüber, wie Arten auf bestimmte, sich verändernde Situationen reagieren, so zum Beispiel mit Blick auf den Klimawandel. Wir können nicht genau absehen, was es für das Gesamtsystem bedeutet, wenn Arten für immer verschwinden.*
2. Первый аргумент: *So haben das Anpflanzen und der Schutz von fast 12.000 Hektar Mangroven-Wäldern in Küstenregionen in Vietnam gut eine Million US-Dollar gekostet. Aber damit wurden zum Beispiel Kosten für Küstenschutzmaßnahmen in Höhe von über sieben Millionen US-Dollar eingespart. Das ist ein klassisches Beispiel dafür, wie wir durch eine gut gestaltete natürliche Umwelt auch sparen können. Es ist auch zu berücksichtigen, dass Mangroven die Kinderstube für viele Fischarten und damit die Grundlage für eine küstennahe Fischerei bilden. Das heißt also, es ist eine klassische Gewinnsituation, wenn man hier etwas tut.*

3. *Второй аргумент: Wahrscheinlich kennt hier nicht jeder den australischen Magenbrüterfrosch. Ich habe auch erst im Zusammenhang mit der heutigen Veranstaltung von ihm gehört – leider zu spät. Der Name sagt schon, dass der Magenbrüterfrosch seinen Nachwuchs im Magen ausbrütet. Die Kaulquappen sondern im Magen der Mutter ein Sekret ab, das die Zersetzung durch Magensäuren und Enzyme verhindert. Die Forscher waren sehr zuversichtlich, dass sie daraus für die Medizin ein sehr gutes Medikament gegen Magengeschwüre entwickeln könnten. Die ersten Untersuchungen waren viel versprechend. Aber: Die Studien konnten nicht zu Ende geführt werden, weil die beiden einzigen Magenbrüterarten vorher ausstarben. Das zeigt, wie wir uns selbst Möglichkeiten berauben, wenn wir auf bestimmte natürliche Ressourcen nicht mehr zurückgreifen können.*
4. *Третий аргумент: Von Norbert Röttgen sind schon die Verluste durch die Zerstörung der Korallenriffe erwähnt worden. Bei gleichbleibendem CO₂-Ausstoß werden die Riffe wahrscheinlich innerhalb der nächsten Jahrzehnte ihre gesamte Funktionsfähigkeit verlieren – mit schlimmen Folgen für den Küstenschutz und die Fischzucht. Eine halbe Milliarde Menschen verlöre mit den Riffen ihre bisherige Existenzgrundlage unwiederbringlich.*
5. *Первый вывод: Wir müssen in den Schutz und die Erhaltung von Ökosystemen finanziell investieren, weil es Investitionen sind, die sich bezahlt machen. Die Dinge hängen unglaublich eng zusammen. Ohne eine faire und gerechte Nutzungspolitik, ohne Armutsbekämpfung, ohne Klimaschutz und ohne Erhalt der Artenvielfalt werden wir in der Welt auf eine sehr, sehr schwierige Entwicklung zusteuern.*
6. *Второй вывод: Der Schutz von Lebensräumen und Arten ist immer auch ein Teil von Entwicklungspolitik. Denn rund 80 Prozent des weltweiten Vorkommens der genetischen und biologischen Ressourcen finden sich in den so genannten Entwicklungsländern. Auch das müssen wir sehen. Der Artenreichtum ist dort sehr, sehr groß.*

В приведенном тексте публичного выступления речь идет об актуальном на сегодняшний день вопросе, а именно о поддержании биологического разнообразия во всем мире и в Германии в частности. Так, по словам Ангелы Меркель, исчезновение многих видов непосредственно влияет на качество человеческой жизни, поскольку «все мы зависим от экосистемы». В связи с этим политик постулирует в своем тезисе, что «мы по-прежнему относительно мало знаем о сложных экосистемах и о взаимодействии видов». Затем для доказательства своего тезиса Ангела Меркель прибегает к использованию следующего рода аргументов. Приводимый выступающим первый аргумент апеллирует к конкретному опыту США, которым удалось потратить 1 миллион долларов на высадку и охрану мангровых лесов, сэкономив при этом 7 миллионов долларов на охрану прибрежных зон во Вьетнаме. С помощью примера и иллюстрации конкретизируется положение выдвигаемого тезиса, что в результате позволяет аудитории самостоятельно сделать выводы об эффективности такого метода. Второй аргумент уже обращен непосредственно к опыту политика, благодаря чему высказывание воспринимается сквозь личностную призму говорящего. Акцентирование на собственном опыте вызывает доверие со стороны аудитории и повышает убедительность речи. Помимо этого, аргумент выстроен на контрасте, который вызывает противоположные ощущения и усиливает психологическое воздействие на слушателей. Речь идет о вымершем виде австралийских лягушек, о которых федеральный канцлер услышала впервые на мероприятии, но «к сожалению, слишком поздно». Выделяемый земноводными секрет мог использоваться в медицинских целях, однако земноводные вымерли, поэтому, заключает политик, «мы сами лишаем себя возможности, когда мы больше не можем использовать определенные природные ресурсы». Что касается третьего аргумента, то здесь Ангела Меркель продолжает демонстрировать свою компетентность по затронутой проблеме и подкрепляет свой тезис словами признанного авторитета – Норберта Реттгена, министра по охране окружающей среды, охране природы и ядерной безопасности (2009-2012 гг.) Совершенно очевидно, что приведенные выше аргументы обладают наиболее убедительной

силой и наглядностью, укрепляют доверие, поскольку связаны с близкой аудитории профессиональной деятельностью, а именно охраной окружающей среды и охраной природы, и соответствуют ситуации общения. Убедительность выводов также возрастает за счет стилистического приема повтора. В результате подобная техника аргументации повышает эффективность взаимодействия с аудиторией.

Призыв к действиям, а также воздействие на взгляды и поведение людей предполагают выбор средств, апеллирующих не только к эмоционально-чувственному состоянию аудитории, но и к разуму. В ходе исследования были выявлены и проанализированы наиболее распространенные виды аргументов, которые использует Ангела Меркель для доказательства своих тезисов:

1. **Примеры и иллюстрации:** *Meine Damen und Herren, das Saarland ist ein gutes Beispiel dafür, wie sehr sich Anstrengungen lohnen können. Zwar fand das Land nach der Eingliederung in die Bundesrepublik rasch seinen Platz, aber ihm standen wirtschaftlich harte Zeiten bevor. Der Niedergang der Kohle- und Stahlindustrie führte zu hoher Arbeitslosigkeit. Ein umfassender und langjähriger Strukturwandel war nötig. Aber die Saarländer haben es geschafft. Ihr Bundesland präsentiert sich heute modern und leistungsstark. Ich weiß, dass sich die Saarländer ihrer Heimat tief verbunden fühlen. Und ich ergänze: Sie können zu Recht stolz auf Ihr Bundesland sein.*

Приведение примеров или иллюстраций в пользу выдвигаемого положения делают последнее наиболее веским и убедительным. Примеры зачастую используются для последующего обобщения.

2. **Статистические данные:** *Deutsche Unternehmen haben 500 Milliarden Euro in der EU investiert und beschäftigen dort mehr als 2,7 Millionen Arbeitnehmerinnen und Arbeitnehmer. Damit leisten wir einen wichtigen Beitrag zur Stärkung der Wettbewerbsfähigkeit Europas, auch auf den Weltmärkten. Darauf können wir zu Recht stolz sein.*

Подобный аргумент получает наибольшее распространение в публичной политической речи, и это не случайно, поскольку политик часто оперирует статическими данными из социальной, политической и экономической сфер. Использование количественных данных позволяет сделать речь более доходчивой, конкретной и иллюстративной.

3. Аргумент к авторитету:

а) **к политическому деятелю:** *Wir müssen das schaffen, weil wir wissen – ich zitiere: „Ein unvollendetes Bauwerk kann dem Zahn der Zeit nicht standhalten. Es muss fertiggestellt werden; sonst zerfällt es.“ So hat es der frühere belgische Ministerpräsident und Karlspreisträger Leo Tindemans 1975 formuliert. Dieser Satz ist aktueller denn je.*

Аргумент к политическому авторитету предстает актуальным и убедительным в политической сфере. Нередко можно обнаружить отношение и оценку политика применительно к самому высказыванию, как, например, в приведенном выше фрагменте.

Примечательно, что в публичных выступлениях Ангелы Меркель Конрад Аденауэр упоминается 70 раз, а его слова цитируются 6 раз. Отсюда можно предположить, что он выступает в качестве значимой политической фигуры в дискурсе Ангелы Меркель. Конрад Аденауэр является основателем Христианского демократического союза (CDU) и первым федеральным канцлером ФРГ (1949-1963 гг.). В одной из речей перед Конгрессом США в 2009 году Ангела Меркель указывает на преемственность:

- *Ich bin der zweite deutsche Kanzler, dem diese Ehre zuteil wird. Konrad Adenauer war der erste, als er im Jahre 1957 nacheinander vor beiden Häusern des Kongresses gesprochen hat.*

б) **к известной личности:** *Der Philosoph Karl Jaspers hat gesagt: „Das Schicksal einer Gesellschaft wird dadurch bestimmt, wie sie ihre Lehrer achtet.“*

4. Ссылки на авторитетные источники:

а) на Библию: *Mein Ausgangspunkt ist dabei das christliche Menschenbild. Der Mensch ist – so steht es in der Bibel – von Gott als sein Ebenbild erschaffen und zur Freiheit berufen.*

б) на законы: *Sie, meine Damen und Herren, nehmen ernst, was uns das Grundgesetz aufträgt: „Eigentum verpflichtet. Sein Gebrauch soll zugleich dem Wohle der Allgemeinheit dienen.“*

в) на официальные документы: *Ein Satz aus der Charta hat mich besonders berührt: „Heimatlose sind Fremdlinge auf dieser Erde.“ Dieser Satz in der Charta, finde ich, weckt heute noch einmal die Emotionen, die damals so ausgedrückt wurden / Der Maastricht-Vertrag war ein wichtiger Meilenstein in der Geschichte der Europäischen Union, aber natürlich längst noch nicht das Ende des europäischen Einigungsprozesses.*

5. **Ссылки на исторические факты:** *Im Juni 1989 mussten wir erleben, wie sich das Politbüro der SED ausdrücklich mit dem brutalen Vorgehen der chinesischen Führung solidarisierte, als die Proteste auf dem Platz des Himmlischen Friedens blutig niedergeschlagen wurden.*

6. **Ссылки на экспертов:** *Eine Expertengruppe hat dieses Jahr eine sogenannte Roadmap zum aktuellen Stand und zur weiteren Entwicklung von verschiedenen Bioraffinerie-Konzepten vorgestellt.*

Согласно И.А. Стернину, в большинстве случаев данные виды аргументов относятся к наиболее сильным с точки зрения их убедительности [Стернин 2008: 152].

3.5. Заключение

Особенности публичной речи проявляются и в построении заключения, которое формирует завершающую стадию публичного выступления. До этого момента ни с логико-смысловой, ни с содержательной точки зрения публичная

речь не имеет единого оформления. Как правило, в данном композиционном сегменте подводится итог сказанному, повторяются основные тезисы, возрастает эмоциональная составляющая. Со времен античной риторики данная часть выполняет две основные задачи. Первая заключается в обобщении и повторении главной идеи всей речи, что в античности называлось рекапитуляцией (от лат. *recapitulatio* – повторение). По этой причине в заключении функционирует такая текстовая категория, как ретроспекция, в то время как во вступлении – проспекция. Обе категории регулируют логико-композиционную взаимосвязь. Вторая задача заключения состоит в воззвании и побуждении адресата к определенным действиям.

Особую значимость в контексте изучения финальной части публичной речи приобретает так называемый закон или эффект края, речь о котором идет во многих современных риториках (И.А. Стернин, Л.А Введенская, И.А. Лешутина). Впервые он был разработан немецким психологом Г. Эббингаузом в XIX веке в рамках исследования человеческой памяти. Суть данного закона состоит в том, что в ситуации восприятия и запоминания текста человеку свойственно лучше запоминать информацию, данную в начале и в конце, чем в середине. Психологическая основа разработанного закона была переосмыслена и перенесена в область риторики. Так, согласно утвердившемуся риторическому постулату, вступление и заключение должны иметь одинаковую коммуникативную значимость [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2011: 190]. Как уже было упомянуто выше, вступление имеет особую прагматическую значимость, поскольку выполняет, прежде всего, контактоустанавливающую и проспективную функции. Помимо названных функций, цель политика во вступлении – мотивировать и удержать внимание аудитории. Для ее достижения политик прибегает к разного рода приемам захвата внимания и другим языковым средствам. То же самое можно утверждать и по отношению к заключению, где целесообразны приемы и средства, характерные для вступлений. С этой точки зрения следует признать, что вступление и заключение, имеющие одинаковую коммуникативную значимость,

взаимообусловлены и образуют прагматическую рамку. С ее помощью значительно облегчается восприятие информации слушателем, который в ситуации непосредственного контакта с политиком не в состоянии обзреть всю последовательность изложения. По этой причине выступающий обращается к когезийным средствам обеспечения интеграции. Следовательно, в заключении обобщается и конкретизируется вся содержательно-концептуальная информация публичной речи, образуя логическое единство со вступлением. В связи с этим считается уместным, чтобы первые фразы вступления соотносились с концовкой.

При анализе заключений публичной речи необходимо помнить, что данный сегмент, как и вступление, носит сугубо ритуальный характер [Блох, Фрейдина 2011: 131]. Помимо этого, ритуальный характер распространяется также на необходимость произнесения политиком этикетных формул. Не существует установленной схемы или модели построения завершения. В соответствии с жанром публичного выступления и под воздействием конкретных факторов (темы, замысла автора, адресата, основного замысла речи) финальная часть выступления оформляется по-разному. В каждом отдельно взятом случае движение мысли оратора и ее словесное оформление индивидуально. Тем не менее, анализируемый материал позволяет говорить о некоей общей тенденции построения финального фрагмента в публичной политической речи.

С точки зрения композиционных элементов публичной речи, заключение обычно состоит либо из непосредственно заключения, либо концовки, либо из их комбинации. В публичных выступлениях Ангела Меркель придерживается следующей схемы. В условиях непосредственного общения звучащая речь предстает как неделимое изложение, развивающееся линейно во времени. По мере развертывания высказывания говорящему необходимо очерчивать границы одной композиционной части от другой, а также создавать их взаимосвязанность, тем самым адаптируя форму подачи материала к восприятию. Так, заключительный параграф публичной речи маркируется при помощи формул обращений. Среди них распространены обращения к группе лиц, задействованных в одной профессиональной сфере и не только: *meine Damen und*

Herren; liebe Kollegen und Kolleginnen; sehr geehrte Damen und Herren. Наряду с формами обращений к группе лиц типичны обращения к определенному адресату: *Herr Präsident; lieber Donald Tusk; lieber Herr Müntefering.*

Как уже отмечалось ранее, вступление и заключение располагают практически одинаковым набором языковых средств. К последним, в частности, относятся обращения, которые представляют собой элементы композиции публичной речи и участвуют в создании ее рамочной структуры.

В отдельных случаях сигналами, инициирующими завершение публичной речи, служат когезийные средства и конструкции: **abschließend, zum Schluss, Rede schließen.** Не вызывает сомнения, что данные лексические и синтаксические средства выражают подчеркнутую логичность и последовательность изложения: *Meine Damen und Herren, lassen Sie mich zum Schluss allen Mitarbeiterinnen und Mitarbeitern der Weltgesundheitsorganisation danken, genauso wie den Vertretern der anderen UN-Organisationen, den Vertretern der Nichtregierungsorganisationen und den Vertretern der Stiftungen / Lassen Sie mich zum Schluss noch zwei Dinge sagen / Was ich abschließend noch hervorheben will: Ich habe es sehr geschätzt, dass China sich während der Eurokrise als verlässlicher Partner herausgestellt hat / Abschließend herzlichen Dank dafür, dass Sie alle heute hier zusammengekommen sind / So möchte ich meine Rede hier mit dem Wunsch schließen.*

Вслед за средствами, сигнализирующими окончание речи, размещается концовка. При анализе публичных речей были выявлены различные варианты концовок, которые по большей части употребляются без последующего заключения. Традиционный вариант концовки оформляется в виде этикетных формул благодарности, имеющих сугубо ритуальный характер рассматриваемой части. Примечательно, что публичное выступление начинается и заканчивается этикетными формулами, участвующими в создании рамочной структуры: *Nochmals herzlichen Dank für die Einladung / Herzlichen Dank dafür, dass ich heute hier dabei sein konnte / Herzlichen Dank für Ihre Aufmerksamkeit.*

Наиболее значительной силой выразительности обладает вид концовок, сформулированных в виде вопроса. Риторический вопрос, будучи риторической

фигурой, содержит в себе имплицитное утверждение или отрицание. Данный прием акцентирует внимание на определенных смыслах и центральных идеях выступления, формирует эмоциональное отношение аудитории к предмету речи. В подобных случаях в текст публичной речи вводится вопрос, характерный для диалогической речи. Однако постановка вопроса является элементом имитации и импровизации диалога между политиком и слушателем и, следовательно, не предполагает ответа. На этом основании вопрос в монологической публичной речи можно рассматривать в качестве диалогизирующего средства, которое, по мнению А.К. Михальской, является фигурой «с мощной диалогизирующей потенцией» [Михальская 1996: 241-242]. Использование риторического вопроса мотивировано коммуникативной направленностью всей публичной речи, органичным свойством которой является диалогичность. В сложной и многоаспектной ситуации восприятия речи вопросы пробуждают внимание аудитории и создают эффект активного взаимодействия, ощущение вовлеченности участников коммуникации: *Wir müssen die Fragen beantworten: Wovon wollen wir morgen leben? Wie wollen wir morgen zusammenleben? / Deshalb wird für mich die Diskussion jetzt auch interessant sein: Wie sehen Sie die Zukunft Europas? Was sind Ihre Sorgen? Was sind Ihre Erwartungen? Was sind Ihre Visionen? Wie wollen Sie sich einbringen? Oder erwarten Sie, dass einfach alles funktioniert? Wie wollen Sie Sorgen ausräumen? / Schlagen wir den richtigen Weg ein? Gewinnen wird das Vertrauen der internationalen Investoren wieder?*

Задача, которую преследует Ангела Меркель в публичной речи, может быть различной. В одних случаях концовка ограничивается лишь словами благодарности, в других – политик стремится определенным образом убедить своего адресата и призвать к действию. В большинстве случаев такой призыв выражается эксплицитно в виде одной-двух фраз:

- *Deshalb werden wir auch in Zukunft in einem sehr engen Gespräch miteinander bleiben;*
- *Ich möchte allen, die Handel treiben, allen in den Handelsunternehmen ein ganz herzliches Dankeschön sagen. Vielen Millionen Menschen wird es gerade in der*

kommenden Adventszeit wieder eine besondere Freude sein, bei Ihnen einzukaufen. Dementsprechend wünsche ich Ihnen noch ein gutes Geschäftsjahr. Lassen Sie uns in Kontakt bleiben. Vielen Dank.

Иллюстративный материал отчетливо демонстрирует основную установку современного политического дискурса, направленную на достижение и установление сотрудничества. В этом плане необходимо указать на неотъемлемую характеристику заключительной части выступления, а именно на используемую политиком тактику единения и сплочения. Ее осуществление происходит за счет специфических единиц, как-то: инклюзивных местоимений 1 лица множественного числа, притяжательных местоимений, непрямого императива, лексем со значением единства. Так, широкое использование форм непрямого императива позволяет объединить позицию политика и аудитории и выразить призыв. При этом в концовке Ангела Меркель часто акцентирует внимание на ходе развития отношений и совместных действиях в будущем:

- *Und lassen Sie uns nach vorne schauen;*
- *Lassen Sie uns gemeinsam daran arbeiten;*
- *Milliarden Menschen setzen ihre Hoffnung auf die nächsten Tage in Paris. Lassen Sie uns alles tun, damit wir sie nicht enttäuschen.*

Среди лексем со значением единства наиболее распространены следующие: **gemeinsam, zusammen, Zusammenarbeit**. Тот факт, что Ангела Меркель прибегает к тактике единения, не случаен, поскольку ее выбор обосновывается не только основной установкой современного политического дискурса, но и функциональной природой политической коммуникации. По справедливому замечанию Е.И. Шейгал, в политическом дискурсе, наряду с функциями борьбы за власть и разъяснением позиции политика, существует также функция гармонизации и интеграции [Шейгал 2000: 151-152]. На этом основании представляется логичным, что подобная функция на вербальном уровне маркируется и в текстах публичных выступлений федерального канцлера Германии, а именно при помощи тактики единения и ее языковой реализации соответственно. Кроме того, выбранная тактика позволяет политику апеллировать

к эмоциональному и психологическому состоянию аудитории, усиливая убедительность высказывания. Данная мысль подтверждается следующим иллюстративным материалом: *Wir können, wenn jeder seinen Beitrag leistet, in Zusammenarbeit die Probleme bewältigen. – Ich bin davon überzeugt, oder andersherum: Wir schaffen das.*

Примечательно в этой связи, что особый коммуникативный ход тактики единения проявляется в обращении на родном адресату языке. Ярким примером тому служит «внешняя» публичная речь Ангелы Меркель от 3 ноября 2009 года перед конгрессом США в Вашингтоне. В данном выступлении федеральный канцлер выстраивает всю речь на немецком языке и лишь заключительную часть произносит на английском. В этот момент на перцептивном уровне происходит смена иностранного языка на родной адресату английский. С одной стороны, данный коммуникативный ход усиливает идею единения, когда адресант идентифицирует себя с адресатом, тем самым как бы преодолевая психологический барьер. С другой, – повышается уровень эмоциональности речи, когда эмоциональное состояние адресата подвергается изменению. Действительно, будучи сложной и многомерной структурой психического процесса, восприятие звучащей речи, по справедливому замечанию Н.Н. Кохтева, напрямую связано с эмоциональным аспектом и ответной эмоциональной реакцией [Кохтев 2012: 327]. Прагматическая значимость смены языкового регистра состоит в том, что Ангела Меркель, модифицируя финальный сегмент, увеличивает воздействие публичной речи на адресата и, как следствие, способствует ее эффективности и наилучшему пониманию при слуховом восприятии. Кроме того, понимание родной речи на психическом уровне происходит гораздо быстрее, что также является наиболее подходящей формой эмоционального воздействия. Сказанное можно проиллюстрировать следующими примерами: *The Freedom Bell in Berlin is, like the Liberty Bell in Philadelphia, a symbol which reminds us that freedom does not come about by itself. It must be struggled for and then defended a new every day of our lives. In this endeavour, Germany and Europe will also in future remain strong and dependable partners for*

America. That I promise you. Thank you very much / Finally I would like to thank David Cameron for our partnership, for our cooperation and also for our friendly relationship. I wish all of you a happy new year. Thank you

Вместе с интенсификацией эмоционального и психологического аспекта в заключительной части выступления особую важность приобретает цитирование авторитетов, которое отражает ценностные предпочтения автора к высказыванию. Известно, что ценностный аспект образует основу такой лингвистической категории, как оценка, непосредственно соотнесенной с предметом речи, адресатом и действительностью. В языке удельный вес оценочных единиц разного уровня велик. В зависимости от специфики сферы общения они имеют разную тенденцию употребления. Очевидно, что цитирование и ссылка на авторитеты является одним из способов выражения оценки в публичной речи. Поскольку коммуникация в политическом ключе не может быть нейтральной, то информация, транслируемая аудитории в публичном выступлении, тем или иным способом подвергается оценке. Ценностная ориентация в публичной речи тесно связана с воздействием на адресата. Используя языковые ресурсы, субъект речи словно направляет адресата в нужное ему русло и формирует его отношение к высказыванию. Последнее предполагает, что именно в заключительной части усиливается переплетение эмоционального и психологического воздействия, благодаря чему достигается намеченный эффект речи. С прагматической точки зрения использование цитирования как оценочного средства обусловлено тем, что политик побуждает слушателя к активному размышлению и участию. Нижеследующий пример взят из публичного выступления А. Меркель перед Европейским парламентом 7 октября 2015 года:

- *Lassen und daran arbeiten. Und zwar so, wie es Helmut Kohl 1989 hier im Europäischen Parlament mit Blick auf die Umbrüche in Mittel- und Osteuropa vorgeschlagen hat – ich zitiere ihn –: „Mit Klugheit und mit Augenmaß, mit Einfallsreichtum und Flexibilität“. Herzlichen Dank.*
- *Schon der deutsche Gelehrte Johann Gottfried von Herder wusste – ich zitiere: „Wer nicht läuft, gelangt nie ans Ziel.“*

Из первого примера понятно, что позиция А. Меркель довольно отчетлива: желание совместного сотрудничества во благо Европы. С этой целью политик прибегает сначала к использованию формы непрямого императива, а затем приводит цитату.

Цитата как один из возможных вариантов концовок также позволяет суммировать, выразить наиболее ярко всю содержательно-концептуальную информацию в наиболее сжатой форме. Такого рода изречения принадлежат области экспрессивного синтаксиса. С помощью цитаты политик делает свою речь убедительнее, не требуя доказательств. Кроме того, по справедливому замечанию И.А. Стернина, удачно подобранная цитата способна закрепиться в памяти у аудитории [Стернин 2008: 144]. Так, в публичной речи, посвященной запуску новых участков железной дороги между Галле, Лейпцигом и Эрфуртом, в качестве концовки канцлер приводит цитату известного немецкого писателя, поэта и мыслителя И.В. фон Гете:

- *Es gibt in der Geschichte immer wieder sehr weitsichtige Menschen. Als hätte Johann Wolfgang von Goethe schon gewusst, was wir zu schaffen imstande sind, hat er seine Zuversicht einst in folgende Worte gekleidet: „Mir ist nicht bange, dass Deutschland nicht eins werde; unsere guten Chausseen und künftige Eisenbahnen werden schon das Übrige tun“. – Es ist wahr geworden, was sich Goethe erträumt hat. Meine Damen und Herren, dem ist eigentlich nichts mehr hinzuzufügen – mit Ausnahme des Danks, den ich an alle richte, die dafür gesorgt haben, dass wir diese Bahnstrecke zwischen Halle / Leipzig und Erfurt nun in Betrieb nehmen können und dass, soweit ich das sehe, auch dieser Start gut geklappt hat. Nicht zuletzt wünsche ich allen Bahngästen, die auf dieser Strecke unterwegs sein werden, eine ebenso angenehme wie zügige und sichere Fahrt. Herzlichen Dank dafür, dass ich heute hier dabei sein konnte.*

«У меня нет опасения, что Германия не объединится, – говорит он (Гете) Эккерману, – наши шоссе и будущие железные дороги уж сделают свое дело» [Эккерман 1986: 26]. Транспонированное в совершенно иной контекст высказывание поэта и мыслителя актуализирует у аудитории ассоциативные

связи и общий культурный фон. Эмоциональное воздействие достигается за счет его соответствия интересам и индивидуальным особенностям аудитории. В то же время приведение цитаты создает базис для оценочных суждений, которые зависят от личного мнения говорящего. Политик подчеркивает, что начало запуска строительства удалось, и сбылось то, о чем мечтал немецкий поэт. Таким образом, приведение цитаты как оценочной единицы обусловлено такими факторами, как адресат и адресант, тема выступления и цель, ситуация, в которой цитата и ее семантические компоненты приобретают новое значение. По мнению М.М. Бахтина, «эмоция, оценка, экспрессия чужды слову языка и рождаются только в процессе его живого употребления» [Бахтин 1979б: 266]. Наряду с М.М. Бахтиным Н.Д. Арутюнова постулирует прагматический подход и таким же образом относит оценку к области прагматических категорий, которые приобретают свое значение в ситуации речи [Арутюнова 1988: 5]. Существенной, на наш взгляд, является мысль о том, что в оценку входит фактор адресата и коммуникативная цель, которую преследует говорящий.

Не менее выразительным вариантом концовок, примыкающим по своей функциональности и значению к цитатам, являются пословицы и поговорки: *Das kommt, so sagt man in Deutschland, in den besten Familien vor / In Deutschland wie auch in Großbritannien gibt es das Sprichwort: „Aller guten Dinge sind drei“ / Danke dafür, dass Sie alle hierhergekommen sind. Ich entschuldige mich dafür, dass ein Teil mit dem Sprichwort „Ein schöner Rücken kann auch entzücken“ leben muss.* Такого рода изречения позволяют емко и лаконично выразить оценку и эмоцию.

Известны и другие случаи употребления кратких речевых форм, например, слоганов и девизов: *„Die Welt war noch nie so unfertig“ – ein Motto, das von mir als Bundeskanzlerin sofort übernommen werden könnte, aber ich will ja keinen Plagiatsverdacht erzeugen / Deshalb kann ich nur sagen: Das diesjährige Motto „Arbeiten und Leben im digitalen Wandel – gemeinsam. innovativ. selbstbestimmt“ trifft die Aufgabe perfekt.*

Особо следует выделить вид концовок, приуроченных к праздничным мероприятиям. В этих случаях говорящий завершает выступление пожеланиями,

адресованными аудитории: *Liebe Teilnehmerinnen und Teilnehmer, ich wünsche Ihnen spannende Stunden, gute Diskussionen und alles Gute. Danke für Ihren Berlinbesuch. Frau Bschorr, der Weltkongress soll ein Erfolg werden – ich drücke Ihnen die Daumen. Frau Gucci, unterstützen Sie uns auch in unserer Arbeit in Deutschland. Herzlichen Dank / Ich wünsche allen, die hier ausstellen, interessante Tage / Ich wünsche Ihnen erfolgreiche Tage, erfolgreiche Diskussionen.*

Как было указано выше, заключение может состоять из выводов, концовки, или из комбинации того и другого. Их наличие зависит от индивидуальной воли автора, а также вида публичной речи (например, судебная речь требует обязательных выводов). В результате анализа публичных речей Ангелы Меркель была выявлена интересная особенность в построении заключительной части выступления, которая состоит в том, что резюмирование главной мысли как один из желательных методов составления заключения часто отсутствует. В данном случае политик не пересказывает тезисно основное содержание речи и не повторяет кратко весь материал. На первый взгляд, это может привести к неэффективности и неубедительности выступления. Тем временем А.А. Волков считает, что политическая ораторика нуждается в кратком завершении без рекапитуляций [Волков 2003: 253]. Соглашаясь с А.А. Волковым, необходимо добавить, что такого рода завершения, скорее, детерминированы спецификой современной публичной политической речи, цель которой – установление гармонизирующего общения, в частности гармонизирующего диалога. Именно финальные сегменты выступления показывают, что политик акцентирует внимание на совместном решении задач, на кооперации, на принципе билатеральных отношений как между странами и главами других государств, то есть «внешним» адресатом, так и между самим канцлером и «внутренним» адресатом. Отсюда имеются основания полагать, что подобная особенность является частичным проявлением общей тенденции политического дискурса.

В то же время подведение итогов в финальной части выступления характерно в так называемых правительственных заявлениях федерального канцлера (Regierungserklärung) – особом виде публичных выступлений. Их

композиция существенно отличается от «внешних» и «внутренних» публичных речей, поскольку они преследует совершенно иную цель.

В результате проведенного исследования можно выделить функции заключения в публичной политической речи. Вместе со вступлением заключение образует коммуникативную рамку, которая обеспечивает последовательность изложения и взаимосвязь всех компонентов на текстовом уровне в ситуации восприятия устной речи. Организующим началом рассмотренной части выступают оценочный, экспрессивный и психологический аспекты. Чрезвычайно показательное сочетание эмоционального и психологического потенциала финального сегмента, проявляющегося в виде специфических средств. К видам концовок, реализуемым в публичной речи, относятся: риторические вопросы, цитаты, пословицы и поговорки, девизы и слоганы, концовки на родном адресату языке. Не лишена заключительная часть и готовых этикетных формул, например, прощания, благодарности, формул пожеланий. В известной степени благодаря им достигается основной замысел заключения. Заключение имеет прагматическую направленность, поскольку политик стимулирует аудиторию к последующему выполнению действий. Названные характеристики заключения мотивированы желанием политика присоединить аудиторию к своему мнению.

Выводы по Главе 3

В настоящей главе проведен комплексный анализ композиционного построения публичных речей Ангелы Меркель:

1. Публичная речь создается в соответствии с риторической традицией и жанровой принадлежностью и предполагает трехчастную композицию, состоящую из введения, основной части и заключения. Анализ языкового материала позволил сделать вывод о том, что в каждой из трех частей могут иметь место следующие элементы: во вступлении – зачин, в основной части – аргументация, в заключении – собственно заключение и концовка.

Федеральный канцлер волен выбирать построение отдельных композиционных элементов и способ распределения информации в них.

2. В настоящей главе были классифицированы и подробно описаны иницирующие начало публичного выступления виды обращений к группе лиц и к конкретному лицу. Характерной особенностью использования обращений А. Меркель является то, что следование этикетным нормам и проявление индивидуального начала тесно переплетаются друг с другом. Особое отношение говорящего было отмечено в выборе обращений с атрибутом *lieb* перед именем адресата (*sehr geehrter Herr Präsident, lieber Barack*). В отдельных случаях встречаются обращения на родном адресату языке (*Madam Speaker*). Такого рода обращения, используемые федеральным канцлером, могут выражать подчеркнуто личное и дружеское отношение к адресату.
3. Вступление публичных речей может содержать этикетные формулы (слова приветствия, благодарности и поздравления) и зачин. На основании анализа эмпирического материала были выделены группы зачинов: обращение к событию, времени, месту; ссылка на предшествующее событие; рассказ, основанный на личном опыте; цитирование известной личности; цитата из источника; девизы и слоганы; ссылка на эмоциональное состояние; прямое обращение к теме выступления; постановка вопроса в целях возбуждения интереса к выступлению.
4. Доминирующим функционально-речевым типом основной части является рассуждение. Базирующаяся на рассуждении аргументативная структура позволяет повысить убеждающий потенциал публичной речи. Кроме того, были выявлены и проанализированы наиболее распространенные виды аргументов, которые использует Ангела Меркель для доказательства своих тезисов: примеры и иллюстрации, статистические данные, аргумент к авторитету, ссылки на авторитетные источники, ссылки на исторические факты, ссылки на экспертов.

5. Анализ показал, что в заключительной части публичных выступлений А. Меркель отсутствуют выводы и резюмирование главной мысли. Прагматическая эффективность финального сегмента достигается при помощи различных видов концовок.

Глава 4. Языковая специфика публичных выступлений А. Меркель

4.1. Приемы диалогизации

Анализ языковых особенностей политических выступлений представляется целесообразным начать с рассмотрения такого признака публичной речи, как диалогичность, который проявляется как на смысловом уровне, так и на уровне языка и композиции.

В лингвистической литературе диалогизация рассматривается как «намеренное наделение монологической речи чертами диалога, экспликация речевого взаимодействия коммуникантов во время монологического речевого общения» [Матвеева 2010: 89-90]. Адресат признается в качестве равноправного участника, что напрямую связано с эффективностью речи и достижением коммуникативных целей оратора. По справедливому суждению отечественного психолингвиста А.А. Леонтьева, одной из тенденций повышения эффективности речи является диалогизация речевого общения [Леонтьев 2008: 37]. Действительно, публичное выступление политика всегда ориентировано на определенного адресата с учетом его индивидуальных характеристик. Поэтому в расчете на достижение эффективности речи значительные коммуникативные усилия говорящего должны быть направлены на соответствующий вербальный отбор [Культура русской речи и эффективность общения: 376]. Будучи отличительной чертой политического текста, высокая степень диалогизации, по мнению Н.Б. Руженцевой, способствует вовлечению слушающего в процесс общения, установлению доверительной связи и сокращению дистанции между коммуникантами [Руженцева 2004: 46].

Как отмечалось ранее, актуальность изучения диалогизации, в частности категории диалога, обусловлена сдвигами, произошедшими в области гуманитарного знания в XX веке. Принятие антропоцентрической парадигмы привело к тому, что ядро научных исследований составили следующие понятия: «общение», «сотрудничество», «диалог», «взаимопонимание», «другой» [Блох,

Фрейдина 2011: 15]. Об этом свидетельствуют труды таких философов, как Н.А. Бердяев, В.С. Библер, А.А. Брудный, М. Бубер, Ф. Розенцвейг, Ю. Хабермас, М. Хайдеггер, а также психологов – Г.М. Кучинский, А.А. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и др. В этой связи необходимо отметить существенное влияние, которое оказала концепция диалога российского теоретика М.М. Бахтина на развитие наук о языке и философии.

Диалогизация монологической речи с давних пор является объектом филологического исследования в теоретических работах В.В. Виноградова, Л.Р. Дускаевой, М.Н. Кожинной, Л.В. Щербы, Л.П. Якубинского. Кроме того, рассматриваемый феномен был изучен в научной и академической речи, в художественных произведениях, а также в религиозном и публицистическом дискурсе. Однако, как показывает обзор, анализ приемов диалогизации еще не получил должного освещения на материале немецкой публичной речи в политическом дискурсе.

Весь спектр различных приемов диалогизации можно распределить по группам в соответствии с функциями, которые они выполняют в публичной политической речи: 1) репрезентация плана речи «третьих» лиц; 2) указание на характер взаимодействия смысловых позиций; 3) экспликация автодиалогичности; 4) побуждение [Стилистический энциклопедический словарь русского языка: 131]. Специфика материала настоящего исследования также предполагает выделение пятой функции – когезийной. Она позволяет упорядочить содержательно-концептуальную информацию и, следовательно, облегчить ее восприятие адресатом. Ниже будет рассмотрена каждая из функций.

Экспликация чужих смысловых позиций может быть вербализована при помощи: а) цитации: *Der Schriftsteller Carl Zuckmayer prägte die Bezeichnung vom Rhein als – ich zitiere ihn – „der großen Völkermühle“ und „Kelter Europas“ / Der ehemalige Generalsekretär der Vereinten Nationen Kofi Annan hat gefordert, wir müssten – ich zitiere – „die Mär von der Wahl zwischen Wohlstand und Nachhaltigkeit entlarven.“* б) косвенной речи: *Mir wurde gesagt, mit Kultusministern habe sich ein Bundeskanzler noch nie unterhalten / Dann hat mir der Herr Bundeskanzler gesagt, es*

sei doch wohl nicht mein Ernst, dass ich jetzt auf dem Parteitag nicht zum Quorum reden wollte; в) придаточных предложений со ссылкой на чужое мнение: *Aber es gibt in Nuancen auch Unterschiede, wie Sie ja in der heutigen Morgenrunde schon erahnen konnten / Wenn wir uns die Globalisierung vor Augen halten, kann ich nur das unterstreichen, was Herr Prof. Keitel gesagt hat.* Анализ материала исследования показывает, что политические речи Ангелы Меркель насыщены множеством цитат, аллюзий, ссылок, иными словами, прецедентных феноменов, активизирующих фоновые знания, коды и ассоциации культурного фонда адресата. Согласно Ю.Н. Караулову, прецедентный феномен, во-первых, значим для того или иного представителя общества как в познавательном, так и в эмоциональном плане, во-вторых, он хорошо известен широкому окружению личности. Помимо этого, представители данной лингвокультурной общности неоднократно обращаются к прецедентному феномену в своем дискурсе [Караулов 1987: 216]. Восприятие подобных выражений с «приращением» смысла всегда «однозначно и предопределено национально-культурными традициями аудитории» [Культура русской речи и эффективность общения: 109]. Все это в совокупности играет большую роль в оказании сильного воздействующего эффекта на адресата с точки зрения интеллектуально-эмоционального плана.

Выражению диалогичности в текстовой ткани публичных выступлений способствуют языковые маркеры, указывающие на взаимодействие смысловых позиций. Так, отношения противопоставления эксплицируются при помощи различного рода противительных союзов и отрицательно-оценочных наречий, которые помогают оформить ход размышления политика: *Die Durchführung der Asylverfahren wird aber auch in Zukunft eine Kernaufgabe des Bundesamts sein. Doch damit ist das Tätigkeitsfeld noch längst nicht beschrieben / Dennoch werden wir versuchen, etwas zu verabreden, das unsere gute Beschäftigungssituation nicht zerstört, sondern weitere Fortschritte ermöglicht / Dieser Abschied ist ganz sicherlich auch schmerzlich. Zugleich ist jedoch viel Neues entstanden / Wir gehen davon aus, dass Europa im Augenblick keine umfassenden Vertragsänderungen oder Kompetenzverschiebungen braucht, sondern dass die Menschen in Europa zwei Dinge*

vermissen / Sie werden in Deutschland nicht nur von den Unternehmen, sondern auch von den Bürgerinnen und Bürgern als eine große Herausforderung wahrgenommen.

Отношения согласия реализуются при помощи наречий, предлогов, частиц указанной семантики: *Insoweit haben wir wirklich noch Arbeit zu leisten / Der Bürgerkrieg in Syrien hat laut UNHCR 4,8 Millionen Menschen zu Flüchtlingen gemacht / Insofern ist sicherlich eine Stärke dieses Standorts hier, dass die Bereitschaft da ist, sich auf diese Arbeit einzustellen / Sportliche Großereignisse erfordern zweifellos einen sehr hohen Aufwand / Das war nicht immer populär – jedenfalls in meiner Partei; bei der SPD war das bestimmt ganz anders.*

Наряду с вышеназванными приемами диалогизации, полнота степени диалогичности также достигается за счет употребления вопросно-ответного комплекса, который представляет собой структурно-семантическую целостность и состоит из двух предложений. Вопросно-ответный комплекс выполняет функцию автодиалогичности: говорящий, имитируя диалог, задает вопрос и отвечает на него. Весьма эффективно данный комплекс концентрирует внимание адресата на насущных политических проблемах, подлежащих обсуждению. Вместе с тем подобное языковое средство дает возможность аудитории следить за движением авторской мысли, а также придает динамизм речи. По справедливому замечанию А.П. Сковородникова, вопросно-ответный комплекс активизирует внимание адресата и в то же время создает непринужденный и разговорный тон речи [Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник: 112]. Сказанное можно проиллюстрировать следующими примерами: *Was heißt das für uns? Das heißt für uns, noch einmal zu schauen: In welchem Umfeld findet diese Diskussion statt? Da hat sich etwas verändert. Neben der fortschreitenden Globalisierung findet diese Diskussion auch in einem völlig anderen medialen Umfeld statt / Warum halte ich E-Government für so wichtig? Ich halte es deshalb für wichtig, weil Digitalisierung in der Beziehung zwischen dem Bürger und seinem Staat selbstverständlich wird.*

Помимо вопросно-ответных комплексов, особый интерес представляет употребление еще одного приема диалогизации – риторического вопроса, не

предполагающего ответа, в отличие от рассмотренных выше примеров: *Was bedeutet Digitalisierung für die Arbeitsverhältnisse? Wo brauchen wir Flexibilität? Wie viel müssen wir dabei der betrieblichen Entscheidungsebene überlassen? Wie viel an gemeinsamen Rahmenregelungen brauchen wir?* Известно, что в форме риторического вопроса облечено положительное или отрицательное суждение, что в результате приводит к экспрессивности речи. По справедливому замечанию Л.Р. Дускаевой, данный стилистический прием усиливает диалогический тонус высказывания, инициируя эмоциональное воздействие. В результате эмоционально окрашенное высказывание интимизирует общение, вовлекая адресата в совместное размышление [Стилистический энциклопедический словарь русского языка: 644]. Другой исследователь, специалист в области риторики А.К. Михальская, выделяет следующие функции риторического вопроса: 1) эмоциональное выделение смысловых центров выступления; 2) формирование эмоционально-оценочного отношения адресата к предмету речи; 3) представление адресату особенно важных в смысловом отношении этапов рассуждения (доказательства) [Михальская 1996: 240-241].

Как уже отмечалось выше, в публичных выступлениях федеральный канцлер стремится побудить адресата к выполнению определенных действий. Для этого на морфологическом уровне часто используются неопределенно-личные модальные конструкции с инфинитивом. Примером тому могут служить следующие фрагменты: *Das heißt also, man muss etwas aufnehmen, man muss etwas wahrnehmen / Man sollte vielleicht die Arbeitsgesetzgebung schon einmal in diese Richtung weiterentwickeln / Man kann nicht mehr von Kinderschuhen sprechen; private Rundfunk- und Telemedienanbieter sind ihnen längst entwachsen / Aber man darf dabei die Chancen wirklich nicht außer Betracht lassen.*

Наряду с вышеперечисленными языковыми маркерами, функция побуждения реализуется посредством форм непрямого (при помощи глагола *lassen*) и прямого императива, а также лексем с компонентами совместности: **gemeinsam, Zusammenarbeit, Partner, Kontakt, Dialog** и др. При этом побуждение, исходящее от Ангелы Меркель, направлено именно на совместное

сотрудничество. Данную мысль можно подтвердить следующими примерами: *Seien Sie gewiss: Deutschland wird Sie auf dem schwierigen und steinigen Weg hin zu einer Zwei-Staaten-Lösung als ehrlicher und verlässlicher Partner begleiten / Bleiben Sie so, wie Sie sind, und seien Sie weiter innovativ / Lassen Sie uns gemeinsam für eine Weltwirtschaftsordnung eintreten, die im Interesse Europas und Amerikas ist / Lassen Sie uns in Kontakt bleiben / Lassen Sie uns in einem intensiven Dialog bleiben / In diesem Sinne freue ich mich auf eine gute, weitere Zusammenarbeit und danke Ihnen noch einmal für Ihren Beitrag, den Sie für unser Land leisten.*

Наконец, связность текста выступления обеспечивается когезийными средствами, использование которых во многом обусловлено спецификой порождения и восприятия публичной речи. В группу подобных языковых маркеров входят вводные слова, местоименные наречия, обстоятельства, конструкции, организующие логику изложения и поэтапное развертывание мысли оратора, обеспечивая целостность и интегративность построения, что облегчает восприятие устной речи аудиторией. Приведем примеры таких средств: *Deshalb komme ich noch einmal auf das Thema des Anteils von Frauen in leitenden Funktionen zu sprechen / Also heißt die Schlussfolgerung: Europa muss sich um weltweite Lösungen bemühen / Drittens: die Agrarpolitik soll Landwirte dabei unterstützen, sich erfolgreich auf den Märkten zu behaupten / Das Zweite ist: Uns hat immer wieder das Prinzip geprägt, dass die kleinen Einheiten von allergrößter Bedeutung sind / Das ist, wie ich abschließend nochmals betonen möchte, unerlässlich für die Demokratie / Ich werde später noch einmal darauf zu sprechen kommen / Ich werde nachher noch einmal kurz auf das, was ich verstanden habe, zurückkommen / Ich möchte noch auf einen anderen Aspekt des Ausweichens zu sprechen kommen / Ich möchte in diesem Zusammenhang noch kurz etwas zum Thema „Stuttgart 21“ sagen / Darüber reden wir zurzeit in Bezug auf den Bund-Länder-Finanzausgleich / Ich möchte gleich zu Beginn meiner Rede um Verständnis dafür bitten, dass ich nicht den gesamten Festakt über hier verweilen kann.* Наличие широкого спектра когезийных средств объясняется тем, что устная речь, в отличие от письменной, необозрима взглядом. Поэтому

когезийная функция приемов диалогизации позволяет адресату яснее представить взаимосвязь элементов речи.

Необходимо отметить, что не все средства диалогизации с одинаковой частотностью используются в публичной речи. Наиболее употребительными в порядке убывания являются: предложения с семантикой согласия и отрицания, цитация, когезийные средства, косвенная речь, вопросно-ответные комплексы, риторические вопросы.

Таким образом, приемы диалогизации в публичных выступлениях Ангелы Меркель характеризуются системой разноуровневых языковых средств – лексических, морфологических, синтаксических, а также текстовых. Среди них на основании предпринятого анализа практического материала были выделены наиболее частотные: цитация, косвенная речь, придаточные предложения с ссылкой на чужое мнение, вопросно-ответные комплексы, риторические вопросы, формы непрямого и прямого императива, неопределенно-личные конструкции с модальным глаголом, средства выражения смысловых позиций, когезийные средства. Данный набор языковых средств, используемых Ангелой Меркель в публичных выступлениях, служит не только для привлечения внимания, но и для достижения большего контакта и активного взаимодействия с адресатом. Приемы диалогизации обеспечивают непосредственное участие адресата в процессе речи и сомышления, выражают побуждение к действию. Кроме того, с помощью проанализированных приемов усиливается воздействие интеллектуально-эмоционального характера, что является необходимым условием для успешного общения и оптимизации двусторонних отношений.

4.2 Лексические особенности публичной политической речи

4.2.1. Термины

Политическая коммуникация является сферой профессионального общения. Для адекватной передачи специальной информации между специалистами и достижения взаимопонимания необходим отбор языковых ресурсов, обладающих определенной спецификой. К таким ресурсам прежде всего относится лексико-семантический уровень языка, а именно термины, являющиеся носителями специальной информации.

В результате освоения человеком действительности в лексической системе национального языка появляются новые термины, под которыми понимаются такие слова и словосочетания, которые служат для точного выражения тех или иных специальных понятий, характерных для области знаний в науке, технике, экономике, медицине, культуре, социально-политической жизни и др. [Володина 1993: 15].

Содержание публичной политической речи обладает отличительной чертой: наряду с общеупотребительной лексикой в нем присутствуют единицы терминологического аппарата разных областей познания. Их высокая продуктивность представляется не случайной, поскольку политический дискурс чутко реагирует на происходящие изменения действительности, в частности на потребности международных отношений. В соответствии с той или иной отраслью нижеуказанные термины были выделены на том основании, что они чаще всего употребляются в текстах публичных речей:

- 1) **Общественно-политическая сфера:** *der Protektionismus, der Sozialismus, der Extremismus, der Föderalismus, die Demokratie, die Legislaturperiode, die Bundesregierung, das Kabinett, der Präsident, der Abgeordnete, die Tagung, der Bundestag, der Bundesrat, die Landtagswahl, die Landtagsfraktion, die DDR-Bürger, die Ost-CDU, die Resolution, der Einigungsvertrag, die Annexion, die D-Mark, das Votum, der Wahlkreis, der Europäische Rat;*

- 2) **Экономика:** *die Bilanz, das Konsortium, die Subvention, das Bruttoinlandsprodukt, die Abfallwirtschaft, die Derivate, die Finanztransaktionssteuer, die Neuverschuldung, die Börse, das Drei-Prozent-Ziel, die Korruption, der Binnenmarkt, die Abschottung, die Kaufkraft, die Arbeitskraft, das Unternehmen, die Mikrokredite, die Konkurrenz, der Preis, die Waren, der Verbraucher, die Investition, der Export, die Güter, die Produzenten, der Konsum, die Inflation, der Betrag, der Haushalt, die Sparkasse;*
- 3) **Наука:** *das System, das Model, die Struktur, der Prozess, das Element, die Phase, die Konfiguration, die Ebene, das Niveau, der Motor, das Gremium, die Komponente, die Divergenz, das Konzept, das Potenzial;*
- 4) **Философия:** *die Idee, der Idealismus, die Dialektik, die Logik, die Existenz, das Objekt;*
- 5) **Медицина:** *der Diabetes, die Erkrankung, die Demenz, die Infektion, die Herz-Kreislauf-Erkrankung, die Krebs- und Lungenerkrankung, der Krebs, die Diagnose, die Therapie;*
- 6) **География и экология:** *das Zwei-Grad-Ziel, das Klima, die Erwärmung, das Ökosystem, die Biodiversität, die CO₂-Emissionen, die Windenergie;*
- 7) **Спорт:** *die Runde, der Kampf, der Wettbewerb;*
- 8) **Химия:** *die Enzyme, die Substanz, die Ammoniaksynthese, Kohlendioxid, das Molekül, das Atom;*
- 9) **Военная тематика:** *der Einsatz, die Strategie;*
- 10) **Горное дело и металлургия:** *die Kohlgrube, der Hochofen, der Stollen;*
- 11) **Навигация:** *der Kurs, der Kurswechsel.*

Среди указанных тематических групп очевидно преобладание общественно-политической лексики, отсылающей к государственным и историческим реалиям ФРГ и ГДР. По справедливому замечанию М.Н. Володиной, возникновение и функционирование такого рода терминов несут «языковой отпечаток» ментальной картины, существующей в сознании людей, относящихся к одному сообществу» [Володина 1997: 63].

Установлено, что частотность терминов зависит от типа адресата, тематики речи и коммуникативно-ситуационных условий. В случае, когда адресат и адресант являются профессионалами, реализуя модель «специалист-специалист», количество терминов в тексте публичной речи возрастает. Гораздо меньшее количество терминов приходится на те случаи, когда адресант является профессионалом, а адресат непрофессионалом, то есть общение происходит по модели «специалист – неспециалист». В рамках первой модели количество терминов соответствующей тематики колеблется в процентном соотношении от 0,16% до 0,21 %, в то время как в рамках второй – от 0,04% до 0,08 %.

На основании проведенного анализа терминологических единиц можно сделать вывод, что Ангела Меркель действительно компетентна в вопросах, касающихся различных отраслей человеческой деятельности. Примечательно, что нередко профессиональная идентичность личности Ангелы Меркель как физика влияет на отбор того или иного термина. Так, например, на одной из конференций в федеральном министерстве финансов Германии, рассуждая о хедж-фондах, канцлер употребляет физический термин «градиент»: *Als Physikerin sage ich: Der Finanzmarktakteur liebt Gradienten* / «Как физик я скажу: игрок финансового рынка любит градиенты».

Говоря о специфике терминопотребления, нельзя не коснуться функций, которые термины способны выполнять в публичной политической речи. Опираясь на классификацию функций, выделенную В.М. Лейчиком, следует назвать доминирующие функции. Доказано, что термин вместе с другими лексическими единицами выполняют номинативную функцию, которая заключается в «фиксации специального знания» [Лейчик 2007: 63-72]. Как видно из вышеприведенных примеров, термины конденсируют и репрезентируют особую информацию о соответствующих реалиях и понятиях в различных областях человеческого знания.

С передачей информации особого типа связана коммуникативная функция. Так, термины участвуют во взаимном обмене информацией как между канцлером и политическими деятелями, так и между канцлером и специалистами других

областей. В этой связи роль терминов в процессе интеграции участников крайне велика, поскольку является необходимым условием успешной коммуникации. Действительно, как отмечает М.Н. Володина, в настоящее время наблюдается всевозрастающая коммуникативная роль терминов. Не подлежит сомнению, что современный человек, находясь в непрерывном потоке поступающей информации, не мыслит свое существование вне терминологических систем, среди которых наиболее актуальной является терминологическая система в общественно-политической сфере [Володина 2000: 56].

Вместе с тем, как показал анализ фактического материала, употребляемые А. Меркель термины не представляют собой закрытую систему, доступную для понимания лишь специалистами. Наоборот, признак доступности публичной речи проявляется, в том числе и на уровне терминов, понятных всем членам языкового сообщества. В этом отношении канцлер не нарушает принципы коммуникативной целесообразности, ведь он ориентируется на массового адресата.

Значима и прагматическая функция термина в публичной политической речи, которая реализуется с установкой на определенного адресата. С одной стороны, использование подобных единиц демонстрирует компетентность и интеллектуальное превосходство канцлера, поскольку владение специальной терминологией является показателем высокого уровня профессиональных качеств политика, с другой стороны, – служит для оказания эффективного воздействия на адресата.

Помимо вышеперечисленных функций, следует выделить текстообразующую функцию, которая способствует развертыванию информации и распределению смысловой нагрузки на протяжении всего отрезка речи. Терминологические элементы выступают в роли своеобразных маркеров, акцентирующих тематическую направленность и смысловое ядро речи, что облегчает ориентацию адресата в процессе восприятия речи на слух. Поэтому рассматриваемые единицы в известной мере определяют композиционную структуру публичной речи и логико-понятийную основу всего текста.

Таким образом, функциональная составляющая термина заключается в том, что он является посредником в политической коммуникации. Термины в публичной политической речи выполняют целый ряд функций. Как показал анализ, степень употребления терминов в публичной политической речи во многом зависит от определенного адресата. Преобладающее количество терминов обнаруживается в том случае, когда А. Меркель обращается к политическим представителям или лицам, объединенным одной профессиональной деятельностью.

4.2.2. Заимствования

Интересным представляется взглянуть на функционирование в публичной речи иностранных слов, маркирующих речевой портрет Ангелы Меркель.

Заимствования являются неотъемлемой частью обогащения словарного состава любого языка, в том числе немецкого. Проникновение заимствований в национальный язык обусловлено, с одной стороны, преобразованиями и тенденциями внеязыкового характера в различных областях человеческой деятельности, как-то: история, культура, спорт, политика, медицина, искусство, экономика, наука и др. С другой стороны, появление заимствований объясняется внутриязыковыми процессами, например, когда в языке-реципиенте отсутствует лексическая единица для выражения понятия или необходимо разграничить смысловые нюансы понятий, а кроме этого, выразить дополнительные оттенки значений. Также это может быть связано с потребностью в узкоспециальных терминах [Крысин 2004: 30]. Вышеперечисленные процессы повсеместно привносят новые элементы в художественную литературу, обиходно-бытовой и молодежный язык, в язык СМИ и рекламы, в профессиональную коммуникацию. Политика в этом смысле не является исключением, поскольку активно реагирует на динамику событий действительности и требует оптимизации общения.

Особое место в словарном составе публичных речей занимают лексические единицы, заимствованные из английского языка. Их присутствие в политическом языке определяется, во-первых, языковой глобализацией английского языка, проникающего в национальные языки и занимающего нишу языков международного общения и сотрудничества между странами; во-вторых, – следствием совокупности процессов в условиях стремительного развития информационных и компьютерных технологий, экономики, менеджмента, бизнеса [Глобалистика: энциклопедия 2003: 1304]. А.П. Чудинов указывает, что «в современной политической речи продолжается процесс заимствования иноязычных слов, что диктуется как потребностями общества, так и политической ситуацией» [Чудинов 2009: 81].

Основной путь проникновения заимствованной лексики лежит через общественно-политическую сферу. В политике как нельзя точно обнаруживаются современные языковые тенденции, поскольку она взаимодействует со всеми сферами жизни, а «лексика – та область языка, которая наиболее подвержена всякого рода внешним влияниям» [Культура русской речи и эффективность общения: 385].

Политическая коммуникация – это особая сфера коммуникации, в которой речевой акт говорящего всегда нацелен на конкретный результат. Для достижения результативности речи политик должен с особым вниманием подходить к отбору языковых единиц. К подобным лексическим единицам, способным оказывать воздействие, относится иноязычная лексика. Своеобразие речевого поведения заключается в умении использовать лексические единицы с целью воздействия на слушателя. Следовательно, определяющей экстралингвистической категорией в данном случае является адресат – тот, кому адресована публичная речь. К не менее важной экстралингвистической категории принадлежит также тема выступления. Именно поэтому при анализе публичных речей были отобраны речи разной тематической направленности: экономика и финансы, техника, спорт, промышленность, интернет-технологии, наука и т.д.

В ходе исследования все единицы фактического материала были распределены по следующим тематическим группам, каждая из которых номинирует ту или иную область специальных сфер коммуникации:

1. **Компьютеризация и интернет-технологии:** *das E-Government, Home Appliance, die Software, das Cloud Computing, Clouds, Cyber-Defence, Cyber Attacks, die Apps, die Bloggers, Digital Natives, Digital Migrants, das App-Store, die IT-Lounge, das IT-Cluster, Green IT, das E-Bike, der Router, Chips, das 5G-Netz, das Megabit, Smart School, der Live-Stream, die Hardware, die Plattform, E-Justice, der E-Commerce, das E-Banking (das Electronic Banking), das Hardwareprodukt, E-Health, embedded systems, Big-Data, das Data-Mining, Geoblocking, die Smart Services, smart grids, Open-Data, die Fake-Seiten, Bots, Trollen, das iPad;*
2. **Экономика, финансы и торговля:** *der Hedgefond, die Win-win-Situation, die Win-win-Optionen, Global Player, die Fast- und Start-Finanzierung, Start-ups, Financial Stability Board, No-Bail-Out-Klausel, Equal Pay, Lender of Last Resort, Lohndumping, Private Equity, shareconomy, Super Credits, Fair-Play-Preis, Venture Capital, Hidden Champions, middle income countries, Least Developed Countries, Exit-Strategien, „Too big to fail“;*
3. **Техника:** *das Know-How, Organic Light Emittent Diodes, der Plug-in-Hybrid, das Smartphone;*
4. **Промышленность:** *die Nord-Stream-Pipeline, die Onshore-Energie;*
5. **Спорт:** *das Team, der Start, der Frontrunner, Level Playing Field;*
6. **Бизнес:** *One in - One out, Public Private Partnership;*
7. **Законодательство:** *die Blue Card, die Blue-Card-Richtlinie.*

Как видно из примеров, большую часть единиц составляет терминологические заимствования из разных сфер профессиональной деятельности, поскольку «заимствование становится основным способом формирования отраслевых терминосистем или основным источником их пополнения» [Михайленко 1998: 16]. Что касается частей речи, то в исследованном корпусе ведущую позицию занимают существительные, что

объясняется их обращенностью к предметному миру и широким диапазоном номинативных функций [Уфимцева 2016: 154-164]. Наибольшее количество единиц входят в терминологический аппарат экономической, финансовой, торговой сферы, а также сферы компьютерных технологий. Именно поэтому соответствующий терминологический пласт на немецком языке, как было рассмотрено в предыдущей главе, отсутствует. На основании преобладающей лексики можно судить о закономерных тенденциях, о новейших достижениях и об уровне разработок в данных отраслях.

Распределение отобранных лексических единиц с учетом фактора адресата можно представить в виде следующей таблицы (Таблица 3):

Таблица 3. Распределение заимствований во «внутренних» и «внешних» речах

	«Внутренние» публичные речи	«Внешние» публичные речи
Количество речей, в которых представлены заимствования	78	14

Согласно полученным данным, распределение терминологических заимствований в обеих группах публичных речей неодинаково. При подсчете лексических единиц было обнаружено, что заимствованная лексика чаще используется во «внутренних» речах. Вероятно, это связано с тем, что «внутренний» адресат хорошо знаком политику, поэтому для максимального убеждения и привлечения внимания приходится прибегать к поиску соответствующих вербальных средств. Либо можно предположить, что иноязычные слова способны оказать гораздо большее воздействие на аудиторию в силу того, что не являются общеупотребительными в повседневной речи носителей (неспециалистов). В то же время на «внешнего» адресата иноязычные слова оказывают меньшее воздействие, поскольку те принадлежат словарному фонду его родного языка [Езан 2004: 79].

С позиций культуры речи и коммуникативной целесообразности введение терминологических единиц является своеобразным ключом к взаимопониманию участников, объединенных одной профессиональной деятельностью [Головин 1988]. Надо признать, что знание и оперирование определенными терминами в политической сфере значительно упрощает коммуникацию, так как термины характеризуются точностью, емкостью и сжатостью выражения. Поэтому уместность заимствований в речи помогает достичь максимальной эффективности.

Считается, что широкое распространение заимствований из разных тематических групп свидетельствует о высоком уровне грамотности и компетентности, что, безусловно, является одним из главных качеств оратора, стремящегося повысить убедительность речи [Стернин 2012: 168].

Особого внимания заслуживают вкрапления отдельных слов, словосочетаний, целых фраз, которые относятся не к терминологической системе английского языка, а к общеупотребительной лексике. Это можно продемонстрировать следующими примерами:

- *Diversity, fair, Fairness, okay, Happy End, gekillt, der Deal, Congratulations, happy, der Trend, der Run, die Roadmap, der Boom, learning by doing, American Dream, no leadership without risk, live, last but not least, state of the art, in time, im Disaster, das Nightmare-Erlebnis, best practice, under the umbrella, sustainability, dignity of difference, top down, bottom up, rush hour, cosy, breakthroughs, geschockt.*

В приведенных примерах четко прослеживается ориентация говорящего на разговорно-обиходную речь. Использование подобных англицизмов в тексте публичных выступлений может быть обусловлено несколькими причинами: желанием придать «своеобразие и нестандартность» высказыванию, создать эффект непосредственной непринужденности общения, привлечь внимание, благодаря чему сокращается дистанция между адресантом и адресатом [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2011: 673].

Говоря о мотивированном словесном составе высказывания, следует отметить, что в публичных речах госпожа Меркель крайне внимательна к тем языковым средствам, которые она использует. Так, канцлер ФРГ неоднократно рассуждает о значении того или иного слова, объясняет контекст употребления, а также выражает свое отношение. В частности, это касается вопроса об англицизмах: *Meine Damen und Herren, das Leitthema hier heißt „greentelligence“.* – *Wir müssen aufpassen, dass die deutschen Erfindungen auch noch im deutschen Wortschatz auftauchen, sonst können wir bald jede neue Erfindung nur noch auf Englisch beschreiben. Das ist nicht schlecht, aber ich finde auch, so schlecht ist unsere Sprache eigentlich nicht. Unsere Vorgänger haben es auch geschafft, alles noch mit einem deutschen Namen zu belegen.* В приведенном примере политик выражает опасения по поводу того, что «скоро каждое новое изобретение придется описывать только на английском». В другом случае – канцлер подчеркивает преимущество английского обозначения: *Das, was man auf Englisch so schön „Corporate Social Responsibility“ – oder kurz: CSR – nennt, ist etwas, wozu sich immer mehr Unternehmen bekennen / Wenn wir uns aber verweigern, Big Data Mining, wie das so schön auf Englisch heißt, also die Verarbeitung großer Datenmengen, in mutiger Art und Weise voranzutreiben, dann werden wir auch in der gesamten Automobilindustrie ein großes Problem haben / Wie Sie wissen, befinden wir uns nun auf der Zielgeraden zur Umsetzung des europäischen Regelwerks unter den Stichworten „Solvabilität II“ oder „Solvency II“ – ich muss sagen, der englische Begriff kommt einem besser über die Lippen.* Помимо этого, Ангела Меркель нередко акцентирует внимание на отсутствии некоторых терминов в немецком языке и сожалеет об этом: *„Precision Farming“ ist ein Schlagwort – das wollen wir allerdings dann auch auf Deutsch haben, denn bei Bier und 500 Jahren Reinheitsgebot verbieten sich Anglizismen eigentlich; also Präzisionslandwirtschaft / Es gibt mittlerweile in 55 deutschen Städten „Europe direct“- Informationszentren. Auf Deutsch scheint man so etwas nicht mehr richtig sagen zu können / Es gibt die sogenannte rush hour des Lebens; auf Deutsch fällt einem dazu nichts mehr ein.*

Сказанное выше в некоторой степени проливает свет на целесообразность и значимость введения иностранных слов в канву выступления.

Таким образом, проведенный частотный анализ подтверждает релевантность ведущей роли адресата в активном использовании иноязычной лексики, степень употребления которой варьируется в зависимости от типа адресата. Немецкий политический язык постоянно расширяет свой лексический состав за счет заимствований из английского языка, несущих на себе определенный отпечаток происходящих в действительности процессов.

4.2.3. Аббревиатуры

К особому слою лексики, употребляемой в публичной политической речи, относятся аббревиатуры. Как терминологические единицы, аббревиатуры являются функционально полноценными носителями специальной информации. Выступая вторичными знаками термилируемого понятия, аббревиатуры «содержат то же количество и качество информации, что и соответствующие развернутые термины» [Володина 1993: 29]. На данный момент аббревиация является одним из продуктивных и перспективных способов термино- и словообразования в немецком языке. Появление сложносокращенных слов и аббревиатур в сфере политики не в последнюю очередь связано с развитием международных отношений, с возникновением международных организаций, а также современными процессами развития мира в условиях глобализации.

Высокая продуктивность аббревиатур объясняется их неоспоримым преимуществом: емкая структура аббревиатур позволяет быстрее донести большой объем информации в сжатом виде и облегчить коммуникацию между специалистами. Хотя публичная политическая речь рассчитана на массового адресата, сознательное употребление аббревиатур делает их понятными лишь ограниченному кругу лиц и затрудняет их понимание неспециалистами. Поэтому

аббревиатуры обладают некоторой долей эзотеричности, что соответствует общему признаку публичной политической речи.

Помимо экономии языковых средств, аббревиатуры выполняют текстообразующую функцию, устанавливая связь и распределяя информацию во всем тексте. В политических речах А. Меркель можно обнаружить следующие аббревиатуры:

- *Die EU, die CDU, die CSU, die FPD, die DDR, die NATO, die KPdSU, die UNO, die AG, der IWF, die ILO, die OECD, die UN-Umweltorganisation, die WTO, die KfW, die BASF, das UNEP, das ABS, der IPCC, die MINT-Fächer, die CeBIT, der IT-Gipfel, die IKB, die HRE, der DIHK, die ILA, die UNEO, der VN-Generalsekretär, die IFA, die GTZ, die G7, die G20, CETA, das TTIP.*

Если обратиться к структуре аббревиатур, то большую часть единиц составляют инициальные сокращения, в частности, буквенные, когда аббревиатура складывается из первых букв терминологического словосочетания (например, *das UNEP, die FPD* и др.). Наименьшую группу составляют гибридные словесно-буквенные композиты, в которых сокращается первый компонент: *der IT-Gipfel, der VN-Generalsekretär, die UN-Umweltorganisation*. Практически нераспространенным типом структуры среди аббревиатур являются слоговые сокращения (*die CeBIT*), инициальные звуковые (*die MINT-Fächer*) и числовые (*die G7*).

Примечателен тот факт, что весь репертуар аббревиатур обладает нейтральностью и лишен экспрессивно-оценочной коннотации.

Лингвистический анализ показал, что в терминологической структуре публичных речей наблюдается устойчивая тенденция к активному употреблению аббревиатур, обеспечивающих языковую компрессию в процессе коммуникации.

В заключение следует отметить, что в лексическом составе публичных политических речей отсутствует бранная, жаргонная, разговорная и диалектная лексика. Последнее особенно актуально в силу многообразия диалектов немецкого языка на территории Германии. Стилистический облик публичной политической речи А. Меркель выражается в стремлении политика к

использованию нейтральных и книжных элементов. Сказанное соответствует точности, логичности и аргументированности изложения.

4.3. Синтактико-стилистические особенности

Синтаксическая структура публичных выступлений А. Меркель имеет ряд особенностей.

Анализ материала показал, что основу текста публичной политической речи А. Меркель составляют повествовательные предложения, отличающиеся усложненным синтаксисом и полнофрмленностью предикативных единиц. Так, в плане построения предложений федеральный канцлер отдает предпочтение сложным предложениям с подчинительной связью. Именно в них достигает своего максимума влияние письменной основы заранее подготовленного текста. Например, в исследованном материале встречаются разнообразные типы придаточных предложений. В текстах публичных выступлений можно обнаружить:

- придаточные подлежащные: *Wer geglaubt hatte, dass es schnelle und einfache Lösungen für diese Krise gebe, sah sich getäuscht / Es ist gut, dass am Mittwoch auch ein NATO-Russland-Rat stattfinden wird.*
- придаточные дополнительные: *Wir wissen, dass die entwickelten Industrieländer allein den Klimawandel nicht mehr aufhalten können / Ich werde nochmals mit dem Bundesinnenminister darüber sprechen, ob wir insbesondere im Bereich der Wirtschaftskontakte etwas unternehmen können.*
- придаточные определительные: *Das Zusammenwachsen unseres Kontinents ist ein Prozess, der weit gediehen ist und der historisch sicherlich einzigartig ist.*
- придаточные предложения места: *Es gibt Beispiele im skandinavischen Bereich, wo die Situation besser ist.*

- придаточные предложения времени: *100 Jahre ist es her, als in Berlin die erste Vorgängerorganisation des BGA, der Zentralverband des Deutschen Großhandels, gegründet wurde.*
- придаточные предложения образа действия: *Fast 70 Jahre nach Beendigung des Zweiten Weltkriegs werden Grenzen in Europa verändert, indem sich das Recht eines Stärkeren gegen die Stärke des Rechts durchzusetzen scheint.*
- придаточные предложения сравнения: *Da wird so getan, als ob die Vereinigten Staaten von Amerika ein Land seien, von dem man das Allerschwerste befürchten müsse / Die wirtschaftliche Lage ist also besser, als wir erwartet hatten.*
- придаточные предложения цели: *Wir brauchen eine breite Palette von Kommunikationsformen, damit niemand ausgeschlossen wird.*
- придаточные предложения причины: *Diese prozentualen Anteile sind in den letzten Jahren zurückgegangen, weil unser Handel mit außereuropäischen Volkswirtschaften wie China viel stärker zugenommen hat.*
- придаточные предложения условия: *Wir Menschen brauchen Veränderung, wenn wir nicht stehenbleiben, sondern uns weiterentwickeln wollen / Ich glaube, wenn Deutschland allein gewesen wäre, dann hätten wir diesen Schritt europaweit vielleicht nicht gebraucht.*
- придаточные предложения уступки: *Obwohl Japan eine hoch entwickelte Industrienation ist, konnte es die nukleare Bedrohung in Folge einer Naturkatastrophe nicht verhindern* и другие.

В публичной политической речи часто встречаются сложные предложения, характеризующиеся сочетанием нескольких предложений и придаточных, при этом одно придаточное может включать другое. В немецкой германистике такое явление получило название «Schachtelsatz»: Ср.: *Wir fragen danach, **damit** wir dann die Mittel, **die** wir im Mehrjährigen Finanzrahmen der EU für die Bekämpfung der Jugendarbeitslosigkeit zur Verfügung haben werden, **so** einsetzen können, **dass** daraus auch wirklich langfristig Arbeitsplätze entstehen und damit nicht nur ein Strohfeder entfacht wird / Es gibt den sehr bemerkenswerten Vorschlag des Präsidenten der*

Weltbank, dass wir Vorsorge gegen solche Infektionskrankheiten treffen müssen, weil sie Ausmaße annehmen können, von denen wir alle betroffen sein werden / Die vielen Diskussionen, die wir in diesem Zusammenhang zu führen hatten, ob man zum Beispiel nun wirklich die Abschlüsse von Steuerberatern anerkennen sollte, obwohl man doch genügend viele habe, waren schon ganz interessant / Deshalb bin ich sehr froh, dass wir letztes Jahr in Dresden auf dem Bildungsgipfel vereinbart haben, dass die Zahl der Schulabbrecher halbiert wird, dass es Berufsberatung in jeder Schule geben kann, zu der die Bundesagentur für Arbeit Zugang hat, dass man überall Sprachkurse macht, wenn die Kinder in die Schule kommen, damit auch sichergestellt ist, dass sie den Lehrer überhaupt verstehen, und dass wir die frühkindliche Betreuung auch mit erheblicher Unterstützung des Bundes vorantreiben und darauf achten müssen, dass genügend Erzieherinnen und Erzieher zur Verfügung stehen und es nicht dazu kommt, dass wir zwar Plätze haben, aber leider vergessen wurde, hinreichend auszubilden.

Широкое использование Ангелой Меркель подобных синтаксических структур тесно связано с коммуникативно-прагматической установкой на адресата: оратор стремится представить актуальное положение дел во всех логических аспектах. Более того, организация сложных предложений с подчинительной связью способствует усилению воздействующего потенциала публичной речи, который раскрывается в таких ее чертах, как аргументированность, последовательность и выраженная логичность как на синтаксическом, так и на текстовом уровне. Анализ материала показывает, что количественный показатель данного типа предложений велик. В среднем на текст публичного выступления приходится до 60-70 % сложноподчиненных предложений (союзных и бессоюзных), в то время как сложносочиненные составляют 10-20 %, остальное – простые предложения. Следовательно, вышеперечисленные черты публичной политической речи выражаются в превалировании форм гипотаксиса над паратаксисом.

Влияние книжно-письменной речи отражается в использовании однородных перечислений, подчеркивающих логическую сторону высказывания и способствующих детализации и уточнению информации: *Der Fall der Berliner Mauer, die technologische Revolution bei Information und Kommunikation, der*

Aufstieg Chinas, Indiens und anderer Länder zu dynamischen Volkswirtschaften – all das hat die Welt im 21. Jahrhundert zu einer anderen gemacht, als sie es im 20. Jahrhundert war / Der Gedanke, wir könnten hier wirklich eine strukturelle Veränderung erreichen, mehr Menschen wieder in Arbeit bringen, Familien damit aus der Transferabhängigkeit herausbringen, ist natürlich sehr faszinierend, weil wir damit am einfachsten Spielraum gewinnen für Zukunftsinvestitionen, für Infrastrukturinvestitionen, für Investitionen in Bildung und Forschung / Das heißt, es sind gleichermaßen innen- und außenpolitische Maßnahmen, sicherheits- und entwicklungspolitische Initiativen, nationales, europäisches – daran mangelt es noch ein bisschen – und globales Engagement notwendig.

Убеждающая и воздействующая ориентация речи, связанная с желанием склонить адресата на свою сторону и побудить к действию, не в последнюю очередь реализуется при помощи повторов, которыми насыщены тексты публичных выступлений. Наиболее типичными среди них являются лексические повторы и синтаксический параллелизм. Так, усилительно-убедительную функцию в текстовом полотне публичных речей выполняют лексические повторы с оценочным компонентом: *Da habe ich wieder eine Bitte: Wir sind in vielen Bereichen sehr, sehr gut / Deshalb ist und bleibt die Frage der Beschäftigung – natürlich auch für Sie in der Branche des Einzelhandels – ganz, ganz wichtig / Drei Millionen Arbeitslose im Durchschnitt sind aber nach meiner Meinung immer noch viel zu viel.*

Фигуры, основанные на синтаксическом параллелизме, представляют собой достаточно распространенное явление в политической речи, функция которого сводится к эмоционально-логическому выделению. Характерным примером тому служит синтаксическая анафора в следующем высказывании: *Auf der einen Seite geht es um Menschen mit Behinderungen. Diese Gruppe hat es schwer in unserer Gesellschaft. Wir wollen natürlich verbesserte Leistungen anbieten. Auf der anderen Seite geht es um Kostenbelastungen.*

Значительная доля высказываний Ангелой Меркель строится на приеме лексико-синтаксической анафоры, выполняющей экспрессивную функцию: ***Es hat***

*funktioniert, weil die Unternehmen an ihre Zukunft geglaubt haben. Es hat funktioniert, weil der Staat bereit war, viel Steuergeld einzusetzen, um diese Kurzarbeit zu finanzieren, was Teil unseres Konjunkturprogramms gewesen ist. Es hat funktioniert, weil die Arbeitnehmerinnen und Arbeitnehmer bereit waren, Lohneinbußen hinzunehmen, von ihren Arbeitszeitkonten etwas abzubauen oder negative Stunden anzusammeln, um sie später mit Überstunden auszugleichen. Das heißt, es hat nur funktioniert, weil alle drei Partner, die in der ILO eine große Rolle spielen, bereit waren, Verantwortung zu übernehmen / **Dazu gehört** natürlich der Kampf gegen Armut, Hunger und Diskriminierung von Frauen. **Dazu gehört** Bildung für alle. **Dazu gehören** der Schutz des Klimas und der Biodiversität sowie mehr Engagement für Frieden und Rechtsstaatlichkeit, um nur einige Beispiele zu nennen / **Es muss Schluss sein** mit dem Einsatz geächteter Kampfmittel wie Fassbomben. **Es muss Schluss sein** mit gezielten Angriffen auf Krankenhäuser und humanitäres Personal. **Es muss Schluss sein** mit der Politik des Aushungerns / **Es geht** um strukturelle Reformen, **es geht** um ein kohärentes Wirtschaftswachstum weltweit. **Das alles** gibt es. **Das alles** nimmt zu.*

В вышеприведенных примерах основанная на принципе синтаксического параллелизма лексико-синтаксическая анафора оформляется как на уровне микроконтекста (в виде словосочетаний), так и на уровне макроконтекста – предикативными частями в составе простого и сложного предложения.

На приеме синтаксического параллелизма строится также синтаксическая эпифора, реализующая функцию общей экспрессивизации в выступлении политика: *Die Transparenz soll größer werden, die Informationsübermittlung soll besser werden. Es muss auf jeden Fall eine Rückkehr zur Politik der ständigen Markteingriffe vermieden werden. Es müssen viele bürokratische Dinge vermieden werden.*

На основании вышеприведенных примеров можно констатировать, что аргументация и рассуждение, будучи основными формами изложения в публичной речи, репрезентируются при помощи рассмотренных синтаксических параллельных конструкций, которые придают весомость и убедительность

высказыванию. Благодаря своему синтаксическому оформлению, аргументы, построенные на параллелизме, обеспечивают целостность смысловых блоков, упорядоченность и ясность высказывания. В результате подобными синтактико-стилистическими средствами достигается легкость восприятия и запоминания речевого потока, а также его адекватная интерпретация.

Таким образом, следует подчеркнуть, что использование повторов интенсифицирует выразительность и экспрессивность политической речи, делает ее динамичнее. Языковые актуализаторы приема повтора способствуют логической организации устного дискурса, облегчая его запоминание адресатом. В силу того, что устная публичная речь недискретна и необозрима, политик вынужден повторять некоторые тезисы выступления с целью привлечения внимания аудитории.

Еще одним важным средством, позволяющим разнообразить синтаксический рисунок и стилистически обогатить текст, является парентеза, к которой Ангела Меркель часто прибегает для акцентирования определенных звеньев в коммуникативной цепи. Парентезы представляют собой грамматически независимые от главного предложения, но связанные с ним по смыслу, вставные конструкции. Они не являются тем же самым, что и вводные слова или вводные предложения, поскольку не отличаются синсемантией и одноплановостью значений. В тексте публичной политической речи рассматриваемые конструкции оформляются при помощи графических средств – запятой, тире, точкой с запятой. По большей части парентезы располагаются в середине предложения и реже в конце. Обратимся к примерам: 1) *Aber ich merke es an mir – **vielleicht sind Sie alle viel gebildeter als ich** –: Man muss sich durchaus in diese neue Welt einarbeiten und versuchen, darin alles zu verstehen / Der Gedanke der Verhältnismäßigkeit und Subsidiarität – **dieser ist ja auch Ihnen so wichtig** – muss gewahrt bleiben* 2) *Wer bei uns einen Aufenthaltsstatus bekommt – **wir sehen ja, wie viele Menschen darunter sind, die vor Krieg oder Terror geflohen sind** –, dem werden wir auch helfen, sich zu integrieren und eine neue oder ein Stück neue Heimat zu gewinnen* 3) *Meine Damen und Herren, wichtige Fortschritte konnten wir – **Herr Cordes hat das auch erwähnt** –*

*zuletzt auch bei der Sicherung unserer Rohstoffversorgung erzielen / Ich möchte an dieser Stelle – **wir haben das dieses Jahr auch beim G8-Treffen thematisiert** – drei Zahlen nennen: Im Augenblick leben in der Europäischen Union weniger als acht Prozent der Einwohner der Welt 4) Allerdings muss der Staat aufpassen – **das sage ich ausdrücklich** –, dass er nicht überreguliert, sondern dass er ein Stück weit darauf setzt, dass Unternehmen und Beschäftigte selbst oft die besten Lösungen füreinander finden / Wir haben im steuerlichen Bereich – **darauf will ich noch hinweisen** – zu Beginn der Legislaturperiode erhebliche Anstrengungen unternommen 5) Das mag angesichts der vielen manchmal nicht einfach sein, aber jeder Mensch muss würdig behandelt werden, egal – **damit bin ich bei meinem zweiten Punkt** – ob er eine Bleibeperspektive hat oder nicht.*

Как видно из примеров, парентеза может представлять собой как простое, так и сложное предложение. В публичной речи вставные конструкции выполняют несколько функций, среди которых наиболее значимыми являются: оценочная функция (прим. 1), функция уточнения информации (прим. 2), функция отсылки к событию или высказыванию (прим. 3), выделительная функция (прим. 4), когезийная функция (прим. 5). С точки зрения восприятия вставные конструкции, «разрушая» синтаксическую связь, позволяют активизировать внимание аудитории и облегчить понимание длинного фрагмента речи, расчлняя его на отдельные смысловые отрезки и делая более доходчивым. Примечателен и тот факт, что вставные конструкции увеличивают смысловую нагрузку речи и объем транслируемой содержательно-концептуальной информации, поскольку в подобного рода грамматически изолированные вступления включаются не только дополнительные сведения, но и проникает субъективная модальность выступающего. По этой причине повествование приобретает двухуровневую и двуплановую речевую структуру, или, согласно М.М. Бахтину, образует двуголосие [Бахтин 1979]. Данное положение служит подтверждением тому, что в публичной политической речи находит выражение личностное начало, которое зачастую связано с эмоциями и оценками федерального канцлера. Все это позволяет относить парентезы к экспрессивным средствам синтаксиса.

В среднем на один текст публичной речи приходится до 20 вставных уточняющих конструкций, что свидетельствует о справедливости замечания М.П. Брандес о том, что парентетические вставки являются продуктивным средством в современной немецкой общественной речи [Брандес 1983: 319]. Действительно, в публичной политической речи парентетические вставки повышают воздействующий потенциал.

Вместе с парентетическими вставками к группе выразительных приемов экспрессивного синтаксиса следует также отнести инверсию. Политической речи А. Меркель присущ преимущественно прямой порядок слов, но и здесь иногда возможны инверсии. Данный прием напрямую связан с актуальным членением предложения и заключается в нарушении стилистически нейтрального порядка слов путем перестановки членов предложения. В этом случае изменяется тема-рематическая организация, когда в препозиции находится уже не тема, как при прямом порядке слов, а рема. В результате перестановки темы и ремы повышается эмоционально-оценочный компонент речи. В исследованном фактическом материале можно обнаружить следующие примеры с инверсией: *Mit unserer Hightech-Strategie, die jetzt zu einer ressortübergreifenden Innovationsstrategie ausgearbeitet und weiterentwickelt werden soll, haben wir den richtigen Akzent gesetzt / Positiv ist, dass wir beim Freihandelsabkommen mit Kanada jetzt auch bezüglich der Schiedsgerichtsverfahren einen großen Schritt gemacht haben / Mit zahlreichen Finanzausagen und Initiativen sind die Industriestaaten bereits auf einem guten Weg.*

Основная функция инверсированного порядка слов в рассматриваемом жанре – эмфатическая. Она служит раскрытию коммуникативно-прагматической интенции говорящего. Выделение того или иного члена предложения позволяет сосредоточить внимание адресата на отношении адресанта к содержанию речи и на важнейших смыслах.

В исследуемом материале также отмечается фигура антитезы, которая предполагает столкновение противоположных идей. Антитеза служит не только выразительности речи, но и является «действенным способом создания идей,

соответствующих природе человеческого мышления» [Михальская 1996: 228-229]. В качестве иллюстрации антитезы можно привести следующие примеры: *Auch komplizierteste Sachverhalte lassen sich in einfache Sprache fassen / Denn jeder von uns hat Stärken, jeder von uns hat Schwächen.*

В результате анализа политической речи было установлено, что в текстах публичных выступлений отсутствуют стилистические синтаксические явления следующего порядка: нарушение рамочной конструкции, парцелляция, неполные и эллиптические предложения, апозиопезис (усечение), анадиплозис (стык), градация.

Сделанные наблюдения свидетельствуют о том, что, во-первых, в синтаксическом аспекте публичная речь А. Меркель характеризуется относительной усложненностью и определенным набором стилистических средств. Все используемые политиком средства носят интеллектуально-логический характер и подчинены структурированному, последовательному, развернутому изложению сообщения. Во-вторых, следует отметить, что представленные синтаксические конструкции способствуют экспрессивности, динамичности и коммуникативной эффективности речи, усиливая воздействие на адресата. Наконец, специфика синтаксического плана содержания объясняется двойственной природой публичной речи, детерминированной как ее устной реализацией, так и письменной основой.

4.4. Конструирование имиджа политика при помощи лингвистических ресурсов. Коммуникативные стратегии и тактики

В основе современного подхода к языку лежит мысль о том, что всякий речевой акт предполагает цель, регулирующую деятельность коммуникантов. Речевое общение – это процесс планирования, базисом для которого являются языковые механизмы [Иссерс 2003: 10]. Данные представления о

целенаправленности высказываний обуславливают выбор коммуникативных стратегий и тактик, которые являются формами воздействия на собеседника. Именно от них во многом зависит достижение коммуникативной цели и эффективности общения.

На сегодняшний день речевое воздействие изучается на стыке лингвистики, логики, философии, политологии, психологии и когнитивных наук. Подобный междисциплинарный характер способствует обогащению знаний о речевом поведении и его регуляции. Обзор лингвистической литературы показал, что существуют различные подходы к изучению речевого воздействия: когнитивный, дискурсивный, психолингвистический, коммуникативный, семиотический и др. Так, в русле изучения речевого воздействия в работах Т.А. ван Дейка, О.С. Иссерс, О.Л. Михалевой, О.Н. Паршиной, А.В. Голоднова представлены различные виды коммуникативных стратегий и тактик. Наряду с отсутствием в лингвистической литературе общепринятой дефиниции понятия «стратегия», отсутствует также единая типология рассматриваемого явления. Этот факт объясняется неограниченным количеством реальных коммуникативных ситуаций и целей, которые порождают множество различных стратегий и тактик соответственно. Разнообразие концепций и подходов свидетельствует о том, что речевое воздействие является сложным и разнородным феноменом, требующим дальнейшего изучения.

Коммуникативная стратегия как аспект речевого воздействия играет ключевую роль в публичной политической речи, ведь от степени искусного владения вербальными средствами воздействия на слушателя зависит положение государственного деятеля в общественно-политической сфере.

В настоящей работе принимается мнение, согласно которому, речевая стратегия – совокупность речевых действий, ориентированных на достижение коммуникативной цели в зависимости от конкретных условий и характеристик личности [там же: 54]. Речевая тактика в свою очередь определяется одним или несколькими речевыми действиями, способствующими осуществлению этой стратегии. Поскольку рассматриваемый феномен реализуется с установкой на

определенного собеседника, то этот фактор необходимо принять во внимание. Действительно, использование той или иной стратегии и тактики в определенной коммуникативной ситуации конкретной сферы общественной деятельности человека во многом зависит от адресности политической речи [Чудинов 2009: 58-62].

Как было сказано выше, специфика политического дискурса напрямую связана с его интенциональной базой, предполагающей борьбу за власть на основе коммуникативной деятельности. Так, в процессе борьбы за власть в качестве одной из центральных стратегий актуализируется стратегия самопрезентации, при помощи которой достигаются такие цели политика, как завоевать авторитет, укрепить свою позицию, сформировать положительный образ. Формирование имиджа представляется главной проблемой профессиональной деятельности политика. Свидетельством тому могут послужить разработанные пособия по созданию имиджа, в основе которого лежат не только поведение, манеры, внешность, жесты, но и речь. Поэтому особое внимание при конструировании имиджа необходимо уделять целесообразному использованию лингвистических ресурсов [Паршина 2005: 66].

Проведенный анализ эмпирического материала позволяет предположить, что набор тактик стратегии самопрезентации во «внутренних» публичных речах может отличаться от набора тактик во «внешних».

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что стратегия самопрезентации осуществляется посредством контактоустанавливающей тактики. В рассматриваемом материале к ней относятся, в частности, средства установления и поддержания контакта, которые были рассмотрены выше (см. раздел 3.3.).

В ситуации речевого воздействия для политика чрезвычайно важен механизм самоподачи, а именно форма речевого поведения, нацеленная на моделирование качеств и создание положительного образа. Так, например, А. Меркель акцентирует внимание на своей профессиональной компетенции в роли политика:

- *Deshalb werden wir alles daransetzen müssen – das sage ich auch als Politikerin –, diese Prozesse gesellschaftlich zu begleiten.*
- *Ich bin aber auch Politikerin genug, um zu wissen, dass die Bevölkerung natürlich auch ihre Fragen stellt.*
- *Um es nun als Politikerin zu sagen: Ja, wir werden die Erfolgsgeschichte der Europäischen Union fortschreiben. Deutschland wird seinen Beitrag dazu leisten.*

В рамках данной тактики федеральный канцлер также указывает на достижение проводимой политики при помощи использования лексем **gelingen, sichern, stabilisieren, Stabilität**, которые положительно оцениваются и воспринимаются аудиторией:

- *Mit den Hilfen für Griechenland und dem Beschluss zur Errichtung eines Euro-Rettungsschirms ist es uns gelungen, die Stabilität der Eurozone kurz- und mittelfristig zu sichern – auch im Interesse der wirtschaftlichen Stabilität in ganz Europa.*
- *Es ist uns gelungen, die Finanzmärkte einigermaßen zu stabilisieren.*

Прогнозирование будущих событий и общий политический настрой отражается также в характерном использовании модальных глаголов **müssen, können**:

- *Das bedeutet, wir müssen die Treibhausgasemissionen bis zum Jahr 2050 halbieren, bezogen auf das Niveau von 1990.*
- *Wir wollen gute Partner sein. Wir können Indien manche unserer Erfahrungen und Entwicklungen zur Verfügung stellen.*

В публичных речах Ангелы Меркель наиболее предпочтительной является тактика отождествления. Она объединяет в себе отправителя и адресата (коллективный отправитель) и выражается преимущественно в использовании морфологических средств – инклюзивного местоимения **wir** и коррелирующего с ним притяжательного **unser**. Важно отметить, что в текстах публичных речей прослеживается характерное преобладание местоимения **wir** над **ich** (29216 и 13012 употреблений). Как правило, политик отождествляет себя не только со страной, государством, народом, но и европейским сообществом. Кроме того,

федеральный канцлер апеллирует к социальной, статусной или национальной принадлежности с целью привлечь собеседника на свою сторону. Именно идентифицирование единой позиции с адресатом служит средством создания положительного имиджа. По мнению исследователей, данная тактика является актуальной для политического дискурса, поскольку ее отличает легкость и простота в плане манипуляции сознанием собеседника [Иссерс 2003: 45-46].

Проиллюстрируем сказанное примерами из публичных речей А. Меркель: *Wir sind ein Land, eine Gesellschaft / Wir Europäer werden zeigen: Unser freies Leben ist stärker als jeder Terror / Wir brauchen genauso die aufstrebenden Wirtschaftsländer wie China, Indien, Brasilien, Südafrika und müssen mit ihnen gemeinsam unsere Zukunft gestalten / Wir Deutschen werden nie vergessen, dass wir die glückliche Entwicklung unseres Landes der Bereitschaft zu Vergebung und Versöhnung unserer europäischen Partner verdanken / Meine Damen und Herren, wir Deutschen schätzen die traditionell freundschaftlichen und vertrauensvollen Beziehungen mit Ihrem Land.*

Выражение своей идентичности также обнаруживается на синтаксическом уровне в использовании конструкции «*ich als...*», при помощи которой Ангела Меркель причисляет себя к той или иной социальной группе: *Das könnte ich als Naturwissenschaftlerin unterschreiben; und es sollte auch permanent Einzug in das politische Handeln finden – aber aller bitte / Ich weiß nicht, ob ich als ehemalige DDR-Bürgerin die Kraft, die Weitsicht und auch die Zuneigung gehabt hätte, diesen Prozess voranzutreiben / Es freut mich, dass ich als deutsche Bundeskanzlerin diese Auszeichnung in einem solch denkwürdigen und symbolträchtigen Jahr, wie es das Jahr 2014 ist, erfahren darf / Das weiß ich auch aus meiner Zeit als Frauen- und Jugendministerin Anfang der 90er Jahre.*

Вместе с тактикой отождествления в стратегию самопрезентации включается также тактика единения. Особенно продуктивно она реализуется за счет компонента **zusammen-** и лексем **einig, Einheit, Einigung, vereint, gemeinsam, alle**: *Ich persönlich glaube, dass ein solches bilaterales Verhältnis seine Ursache auch darin findet, dass wir in einer gemeinsamen Europäischen Union vereint sind / Für mich war es heute in unseren Gesprächen eine sehr wichtige Erfahrung, dass*

wir uns über unsere gemeinsamen Wertvorstellungen völlig einig sind / Wir sind zu unserem Glück vereint / Die Deutsche Einheit und die europäische Einigung – das eine ist ohne das andere nicht denkbar / Eine solche Herausforderung wie die Bewältigung der Flüchtlingskrise kann ein Land allein nicht schaffen, sondern das können wir nur gemeinsam schaffen / Meine Damen und Herren, wir wissen auch um Gefährdungen. Auch hierbei müssen wir eng zusammenarbeiten / Das, was Europäer und Amerikaner zusammenführt und zusammenhält, ist die gemeinsame Wertebasis.

Было установлено, что по отношению к иностранному адресату политик отдает предпочтение словам **Freunde, Freundschaft, Partner, Partnerschaft, Nachbarn**, имеющим коннотацию сопричастности: *Meine Damen und Herren, lassen Sie es mich in einem Satz sagen: Wir sollten das Wort im Gespräch mit unseren amerikanischen Freunden ergreifen, mit dem amerikanischen Präsidenten und der amerikanischen Außenministerin, genauso wie innerhalb der Europäischen Union / Für uns Deutsche erwächst die transatlantische Partnerschaft neben der europäischen Einigung aus einem gemeinsamen Wertefundament / Denn viele Mitgliedstaaten der Europäischen Union, viele unserer Nachbarn haben solche steuerlichen Forschungsförderungen / Wir werden unseren Freunden in Israel genauso wie unseren Partnern in Palästina unsere Meinung sagen / Die Niederlande und Deutschland stehen sich näher denn je. Wir sind nicht einfach Nachbarn, sondern enge Freunde im Herzen Europas / Ob in Wirtschaft, Wissenschaft oder Politik – vielfältige Kontakte beleben unsere Partnerschaft zwischen Indien und Deutschland.*

По мнению Е.И. Шейгал, все вышеперечисленные языковые средства относятся к «маркерам интеграции» и составляют психологическую основу манипулятивного использования, тем самым обеспечивая контактную фазу общения [Шейгал 2000: 163]. Кроме того, именно они способны внедрять в сознание аудитории положительный образ оратора [Михалева 2009: 143-144].

С тактикой единения тесно связана эмоционально настраивающая тактика, в частности, похвала, которая позволяет вызвать благосклонность и симпатию адресата по отношению к адресанту. Например, выделение положительных качеств бывшего президента США Барака Обамы эксплицируется следующим

образом: *Viele Menschen in Deutschland blicken mit großer Bewunderung auf Sie, weil Sie persönlich das Bild Amerikas bekräftigen – das Bild Amerikas als Land der unbegrenzten Möglichkeiten / Lieber Herr Präsident, lieber Barack Obama, die Freundschaft, der Beistand und die Treue der Vereinigten Staaten von Amerika zu Deutschland – sie sind einzigartig, sie sind tief in unseren Herzen verankert / Du gibst ein starkes Zeichen der Verbundenheit unserer beiden Länder und ihrer Menschen. Ich danke Dir auch ganz persönlich dafür.*

В вышеприведенных примерах наглядно демонстрируется оценка достижений американского политика за счет использования лексем с положительной коннотацией. Как показал анализ, данная тактика наиболее продуктивна в текстах с «внешним» адресатом.

«Стремление создать впечатление общности взглядов, интересов, устремлений, ощущение «психологического созвучия» говорящего и аудитории» позволяет тактика солидаризации с адресатом [Паршина 2005: 77]. Очень часто данная тактика может быть идентифицирована по такому языковому маркеру, как перформативный глагол **wissen**: *Ich weiß, dass diese Bedrohung bei Ihnen noch sehr viel stärker empfunden wird*. В нижеследующих примерах А. Меркель выражает согласие с мнением адресата, употребляя при этом выражения **sich mit jemandem einig wissen, mit jemandem in etwas einig sein, einer Meinung sein**: *Ich weiß mich dabei auch mit meinem Partner, dem Premierminister Wen Jiabao, sehr einig / Wir sind uns einig, dass wir eine Stabilitätsunion schaffen wollen / Deutschland und Indien sind sich einig in dem Ziel, die Erderwärmung auf zwei Grad zu begrenzen / Einig sind wir uns darin, dass wir kein Nuklearprogramm des Iran wollen / Aber unter dem Strich – ich habe heute mit dem tschechischen Ministerpräsidenten darüber gesprochen – sind wir einer Meinung: Nur ein offenes Europa wird uns Wohlstand sichern und in der Welt überzeugend bleiben / Wir sind alle einer Meinung, dass eine Finanztransaktionsteuer ein richtiges Zeichen wäre, um zu zeigen: Wir haben verstanden, dass die Finanzmärkte ihren Teil zur Gesundung der Volkswirtschaften beitragen müssen.*

Иногда в рамках стратегии самопрезентации принадлежность и присоединение к адресату выражается при помощи тактики оппозиционирования, в основе которой лежит ведущая для политического дискурса оппозиция «свой-чужой» [там же: 79]. Сущность данной тактики проявляется в отграничении и дистанцировании себя от адресата и объекта высказывания. Употребление данной тактики не характерно для рассматриваемого материала. По всей вероятности, это объясняется тем, что данные публичные речи характеризуются меньшей степенью агональности (сопоставительности) и полемичности в отличие, например, от жанра предвыборной кампании или дебатов в парламенте, где подобные черты являются естественным проявлением. Тем не менее, в тексте публичных выступлений можно обнаружить некоторые языковые маркеры тактики оппозиционирования. Так, например, очерчивание круга «свои» от границ круга «чужие» репрезентируется при помощи противопоставления лексем **wir** и **andere**: *Deshalb wünschen wir uns, dass andere Länder, mit denen wir im Wettbewerb stehen, ähnliche Wege gehen / Viele Menschen in anderen Regionen der Welt schauen auf uns Europäer, denn die Vision eines friedlichen Zusammenlebens, die Vision der Bewahrung der Menschenrechte ist bei uns Wirklichkeit.*

Компонент дистанцированности также содержится в дейктических языковых знаках, таких как **jene, dort, das Ausland**: *Ich sage allen Migrantinnen und Migranten: Wir wollen auch all jenen eine gute Heimat bieten, die von woanders her gekommen sind und jetzt in Deutschland ihren Lebensmittelpunkt gefunden haben / Nicht überall verlief der Wandel so positiv wie in unserem Land. Dass wir das friedlich und in Übereinstimmung mit unseren Nachbarn hinbekommen haben, ist ein großer historischer Schatz. Denken wir nur an die Umbrüche auf dem Balkan und die Welle der Gewalt. Die Menschen dort mussten unglaubliche Gräueltaten ertragen.*

В заключение необходимо отметить, что речевые тактики стратегии самопрезентации вербализуются по-разному. Языковые ресурсы стратегии самопрезентации в публичной речи подчинены целенаправленному коммуникативному замыслу говорящего и единой коммуникативной ситуации. В

этом отношении можно утверждать, что рассматриваемое явление проявляется не только в рамках отдельного высказывания, но и на текстовом уровне, участвуя в развертывании текстового целого. На это, в частности, указывает О.Л. Михалева, подчеркивая, что интенциональная база стратегий обуславливает как внешнюю, так и внутреннюю структуру текста [Михалева 2009: 45].

Таким образом, проведенный анализ позволил выявить наиболее типичные коммуникативные тактики, входящие в область общей стратегии самопрезентации в публичных речах Ангелы Меркель. Из вышесказанного также можно сделать вывод, что выделенные тактики являются наиболее характерными для политика, а также позволяют определить речевую специфику и имидж А. Меркель, при этом их список далеко не исчерпан. Полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего сравнительного анализа речевых стратегий и тактик в публичных речах А. Меркель. Несомненным для политического лидера является тот факт, что какая-либо из стратегий может выступать в качестве ведущей, однако лишь грамотное оптимальное использование всего комплекса стратегий и тактик ведет к достижению генерального замысла и, следовательно, повышает эффективность речевого воздействия на аудиторию.

Выводы по Главе 4

1. Публичные речи Ангелы Меркель обладают ярко выраженными чертами диалогизации, которая проявляется на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.
2. В результате проведенного анализа были выделены наиболее распространенные приемы диалогизации: цитация, косвенная речь, ссылки на чужое мнение, вопросно-ответные конструкции, риторические вопросы, неопределенно-личные конструкции, средства выражения смысловых позиций, когезийные средства. В тексте публичных выступлений приемы диалогизации выполняют когезийную функцию,

функцию репрезентации плана «третьих» лиц, функцию указания на характер взаимодействия смысловых позиций, функцию экспликации автодиалогичности и функцию побуждения.

3. Особое место в лексическом составе публичных речей занимают терминологические заимствования из английского языка. Значительная доля данных языковых единиц номинирует сферу компьютерных технологий, а также сферу экономики, торговли и финансов.
4. На основании лексического анализа установлено, что, если адресат и адресант реализуют модель «специалист-специалист», то количество терминов в тексте публичной речи возрастает.
5. Отдельную группу заимствований составляют слова и словосочетания, относящиеся к общеупотребительной лексике английского языка. Их использование связано со стремлением говорящего привлечь внимание адресата, а также придать своему высказыванию нестандартный характер.
6. Среди используемых Ангелой Меркель терминологических единиц также отмечается значительное количество аббревиатур, употребление которых делает их понятными лишь ограниченному кругу лиц, что свидетельствует об эзотеричности публичной политической речи.
7. Специфика синтаксического плана содержания объясняется двойственной природой публичной речи, детерминированной как ее устной реализацией, так и письменной основой.
8. В публичной речи А. Меркель отмечается высокий процент сложноподчиненных предложений.
9. Анализ материала показал, что в отношении синтаксических средств публичная речь А. Меркель характеризуется относительной усложненностью и определенным набором стилистических средств (анафора, лексический повтор, синтаксический параллелизм, однородные перечисления, инверсия, парентеза), которые подчинены

структурированному, последовательному и развернутому изложению сообщения.

10. Вместе с тем значимыми оказываются такие синтаксические средства, как парентеза, инверсия, антитеза, которые способствуют экспрессивности, динамичности и коммуникативной эффективности речи, усиливая воздействие на адресата.
11. На основании анализа была выделена преобладающая среди остальных стратегия самопрезентации, которая осуществляется в рамках следующих тактик: контактоустанавливающая тактика, тактика создания положительного образа, тактика отождествления, тактика единения, тактики похвалы, тактика солидаризации, тактика оппозиционирования. Каждая из перечисленных тактик имеет присущий ей репертуар языковых средств. Установлено, что в зависимости от адресата контактоустанавливающая тактика и тактика похвалы имеют разную представленность во «внешних» и «внутренних» публичных речах.

Заключение

Публичная политическая речь является перспективной и динамически развивающейся областью исследования человеческой коммуникации. Интерес к данному сложному феномену не в последнюю очередь объясняется потребностью в оптимизации международного общения и поиском эффективных средств речевого воздействия, ориентированных на завоевание и удержание власти в политике. В настоящем исследовании была предпринята попытка описать политический дискурс с точки зрения культуры речи, определить условия успешности этого дискурса. Политический дискурс многообразен по своей сути, поэтому в работе были рассмотрены лишь немногие явления, связанные преимущественно с субъектом речи.

На основании проведенного комплексного анализа немецкой публичной политической речи на композиционном, лексическом, синтаксическом и стилистическом уровне представляется возможным сделать следующими выводы.

Политический дискурс несет на себе отпечаток национальной культуры и национально-специфических элементов. Адекватное понимание современной немецкой политической речи невозможно без осмысления лежащих в ее основе дискурсов периода национал-социализма, дискурсов ФРГ и ГДР, а также периода «поворота» и объединения Германии. Современный немецкий политический дискурс является их логическим и естественным продолжением. Публичная речь любого немецкого политика, включая ныне действующего федерального канцлера, насыщена отсылками к предыдущим периодам в истории Германии. Как лидер значительного европейского государства, Ангела Меркель играет заметную роль на мировой политической арене, поэтому изучение публичных выступлений позволяет получить представление не только о национальных, но и общих тенденциях в политической сфере.

Рассмотрение публичной политической речи как особого вида коммуникации невозможно без определения ее жанровой составляющей. В настоящей работе политический дискурс охарактеризован при помощи набора

присущих ему признаков. Публичные речи А. Меркель относятся к институциональному дискурсу, где общение протекает по моделям «институт-институт» и «институт-общество», образованным в соответствии со статусно-ролевыми характеристиками участников. К конститутивным признакам публичной политической речи относятся: устность-письменность, монологичность-диалогичность, адресность, стандартность-индивидуальность, авторство, доступность-эзотеричность. Совокупность разнонаправленных признаков позволила наиболее точно определить специфику публичной политической речи.

Одной из категориальных характеристик публичной речи является ее адресная направленность. Адресат признается равноправным и активным участником процесса коммуникации, его влияние напрямую отражается на механизмах создания и восприятия речи, а также на отборе языковых средств. В настоящей работе было установлено, что языковая специфика публичной политической речи обусловлена типом адресата и рядом коммуникативных тактик.

В плане воздействия на адресата большую роль играет композиционная структура политической речи, которая может сочетать в себе как стандартные элементы, так и индивидуальные элементы, отражающие особенности речи оратора, что наглядно проявляется во вступлении (например, в употреблении обращений). Основная часть речи политика, где доминирующим функционально-смысловым типом является рассуждение, подкрепленное аргументативной структурой, отличается последовательностью, аргументированностью, обоснованностью изложения. Стремление четко и связно формулировать мысли также проявляется на текстовом уровне в виде когезийных средств и на синтаксическом уровне при помощи развернутых сложноподчиненных предложений, способствующих подчеркнутому выражению логических связей.

Эффективность речевого воздействия канцлера на адресата во многом зависит не только от уровня культуры речи, риторической грамотности, но и

строгости профессионализма. Анализ лексического состава речей Ангелы Меркель показал, что последнее проявляется, в частности, во владении канцлером понятийным аппаратом различных областей знания – общественно-политической, экономической, технической, общенаучной сфер и др. Публичные выступления федерального канцлера Германии Ангелы Меркель характеризуются высоким процентом употребления терминов и аббревиатур. За редким исключением в публичных речах политика можно наблюдать отдельные вкрапления из английского языка, которые носят разговорный характер и позволяют разнообразить высказывание.

Наличие в текстах публичных выступлений А. Меркель характерных лексических и синтаксических особенностей не только обуславливает стилистический облик проанализированного жанра, но и формирует речевой портрет политика. Лингвистический анализ подтвердил наблюдения специалистов, что публичным речам канцлера не свойственен широкий репертуар экспрессивных средств. Тем не менее, как показало комплексное исследование публичных выступлений государственного деятеля, выразительный характер политическим речам в данном случае придают пословицы, поговорки, девизы, цитаты, риторические вопросы, а также некоторые другие стилистические ресурсы синтаксиса, такие как повтор, параллелизм, парентеза, инверсия. Перечисленные речевые формы, часто встречающиеся в публичных выступлениях Ангелы Меркель, во многом характеризуют индивидуальные особенности использования языка.

Изучение прагмалингвистического потенциала публичных политических речей дает возможность выявить преобладающую среди остальных стратегий коммуникативную стратегию самопрезентации, реализующуюся при помощи контактоустанавливающей тактики, тактики отождествления, тактики единения, тактики солидаризации, тактики похвалы, тактики оппозиционирования. Исследование данных тактик позволяет выделить их реализацию на разных языковых уровнях. При сопоставлении «внешних» и «внутренних» речей обнаруживается неодинаковая представленность в них тактики похвалы и

контактоустанавливающей тактики, поскольку наблюдается зависимость их употребления от определенного адресата.

Очевидно, что многогранность и сложность рассматриваемого феномена требует постоянного и глубокого анализа его специфики. В связи с этим представляется целесообразным выделить некоторые возможные перспективы для дальнейших научных изысканий в области немецкой политической речи:

Первая перспектива – это сравнительный подход, предполагающий сравнительное изучение различных жанров публичного политического дискурса и сопоставительное исследование жанра публичной политической речи на материале публичных выступлений нескольких политических деятелей разных исторических эпох.

Вторая перспектива заключается в необходимости классификации и вербализации коммуникативных стратегий и тактик, реализуемых в публичной политической речи с учетом разной адресной направленности.

Список литературы

1. Алексеев А. П. Аргументация. Познание. Общение / А.П. Алексеев. – М.: Изд-во Московского университета, 1991. – 150 с.
2. Алтунян А. Г. Анализ политических текстов: учебное пособие / А.Г. Алтунян. – М.: Университетская книга; Логос, 2006. – 384 с.
3. Анисимова Т. В. Современная деловая риторика. Учебное пособие / Т.В. Анисимова, Е.Г. Гимпельсон. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2002. – 432 с.
4. Артёмова Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Артемова Евгения Александровна. – Волгоград, 2002. – 175 с.
5. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 342 с.
6. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 136–137.
7. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – М.: Наука, 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356–367.
8. Баева О. А. Ораторское искусство и деловое общение. 2-е изд., исправл. / О.А. Баева. – М.: Новое знание, 2001. – 328 с.
9. Базылев В. Н. Политический дискурс в России / В.Н. Базылев. // Политическая лингвистика. – 2005. – №15. – С. 5–32.
10. Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дис. ... док. филол. наук: 10.02.01; 10.02.19 / А.Н. Баранов. – М., 1990. – 48 с.
11. Баранов А. Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом / А.Н. Баранов // Человек. – 1997. – № 6. – С. 108–118.
12. Баранов А. Н. Языковые игры времен перестройки (Феномен

- политического лозунга) / А.Н. Баранов // Русистика. – 1993. – № 2. – С. 64–72.
13. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации / А.Н. Баранов, Е.Г. Казакевич. – М.: Знание, 1991. – 64 с.
14. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин. Собр. соч. – М.: Русские словари, 1996. – Т.5: Работы 1940-1960 гг. – С.159–206.
15. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М.: Советская Россия, 1979. – 320 с.
16. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост.: С.Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
17. Безменова Н. А. Очерки по теории и истории риторики / Н.А. Безменова. – М.: Наука, 1991. – 216 с.
18. Бисималиева М. К. О понятиях "текст" и "дискурс" / М.К. Бисималиева // Филологические науки. – 1999. – Вып. 2. – С. 78–85.
19. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти / Р.М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия / Сост. В.М. Сергеев, П.Б. Паршин. – М.: Прогресс, 1987. – С. 88–120.
20. Блох М. Я., Фрейдина Е. Л. Публичная речь и ее просодический строй: Монография / М. Я. Блох, Е. Л. Фрейдина. – М.: Прометей, 2011. – 236 с.
21. Богданов В. В. Текст и текстовое общение / В.В. Богданов. – СПб.: РИО СПбГУ, 1993. – 68 с.
22. Бороздина Г. В. Психология делового общения / Г.В. Бороздина. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 224 с.
23. Брандес М. П. Стилистика немецкого языка: для институтов и факультетов иностранных языков. Учебник / М.П. Брандес. – М.: Высшая школа, 1983. – 270 с.
24. Брандес М. П. Стилистика текста / М.П. Брандес. – М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. – 416 с.

25. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика: учебное пособие / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 352 с.
26. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Лингвистическая постсоветология / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2008. – Вып. 25. – С. 10–19.
27. Бучнева Н. Л. Когнитивно-информационный и лингвопрагматический аспекты метафоризации терминов в современной немецкой прессе. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Наталья Леонидовна Бучнева. – М., 2004. – 139 с.
28. Введенская Л. А., Павлова Л. Г. Культура и искусство речи / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова. – Изд.,12-е, стер. – Ростов н/ Д.: Феникс, 2012. – 538 с.
29. Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе / М.С. Вершинин. – СПб.: Издательство Михайлова В.А., 2001. – 253 с.
30. Виноградов С. И. Слово в парламентской речи и культура общения / С.И. Виноградов // Русская речь. – 1993. – № 2 – 4. – С. 36–41.
31. Виноградов В. В. О языке художественной прозы: Избранные труды / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
32. Винокур Г. О. О революционной фразеологии (Один из вопросов языковой политики) / Г.О. Винокур // "ЛЕФ". – 1923. – №2. – С. 104–118.
33. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур. – М.: Наука, 1993. – 172 с.
34. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
35. Вознесенская Ю. В. Речевые стратегии конфликта в немецкой политической коммуникации: на материале парламентских дебатов в Бундестаге: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Вознесенская Юлия Владимировна. – СПб., 2010. – 185 с.

36. Волков А. А. Основы риторики: учебное пособие для вузов / А.А. Волков. – М.: Академический Проект, 2003. – 304 с.
37. Володина М. Н. Когнитивно-информационная природа термина: на материале терминологии средств массовой информации / М. Н. Володина. – М.: МГУ, 2000. – 128 с.
38. Володина М. Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации / М.Н. Володина. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 112 с.
39. Володина М. Н. Роль общественно-политической терминологии в концептуализации мира / М.Н. Володина // Современная политическая лингвистика. Материалы международной научной конференции. – Екатеринбург: Урал, гос. пед. ун-т, 2003. – С. 34–36.
40. Володина М. Н. Теория терминологической номинации / М.Н. Володина. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 180 с.
41. Воронова Н. С. Политическая метафора в немецком и русском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Воронова Наталья Сергеевна. – М., 2003. – 181 с.
42. Выготский Л. С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
43. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
44. Гендерный состав Федерального правительства ФРГ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://interactive.zeit.de/bundeskabinett/#/merkel-iii/0> (дата обращения: 25.01. 2017)
45. Глобалистика: энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков; Центр научных и прикладных программ «Диалог». – М.: Радуга, 2003. – С. 1304.
46. Головин Б. Н. Основы культуры речи. 2-е изд., испр. / Б. Н. Головин. – М.: Высшая школа, 1988. – 320 с.
47. Гольдин В. Е. Обращение: Теоретические проблемы / В.Е. Гольдин. – М.: Либроком, 2009. – 136 с.

48. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2001. – 304 с.
49. Грачев М. Н. К вопросу об определении понятий «политическая коммуникация» и «политическая информация» / М.Н. Грачев // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2003. – №4. – С. 34–42.
50. Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития: Монография / М.Н. Грачев. – М.: Прометей, 2004. – 328 с.
51. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. / Сост. В.В. Петрова; вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
52. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии [Электронный ресурс] / В. З. Демьянков // Когнитивные аспекты лексикографии. – Режим доступа: http://www.infolex.ru/PolDis.html#_edn3 (дата обращения: 27.10. 2016)
53. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова быденного языка [Текст] / В.З. Демьянков // Язык. Личность. Текст: Сб. статей к 70-летию Т.М. Николаевой / Отв. ред. В.Н. Топоров. – М.: Языки славянских культур, 2005. – С. 34–55.
54. Дзюба Е. В., Чудинов А. П. Актуальные направления отечественной политической коммуникации (по материалам журнала «Политическая лингвистика» за 2006–2016 гг.). Политическая лингвистика: Проблематика, методология, аспекты исследования и перспективны развития научного направления: материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26-30.09.2016) / гл. ред. А. П. Чудинов; ФГБОУ ВО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2016. – С.77–83.
55. Езан И. Е. Оценка в публичной речи (на материале выступлений современных немецких политиков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Езан Ирина Евгеньевна. – СПб., 2004. – 211 с.

56. Желтухина М. Р. Реализация комического в жанре политического интервью / М.Р. Желтухина // Языковая личность: жанровая речевая деятельность. Тезисы докладов научной конференции. Волгоград, 6–8 октября. – Волгоград: Перемена, 1998. – С. 37–39.
57. Зарецкая Е. Н. Риторика. Теория и практика речевой коммуникации / Е.Н. Зарецкая. – М.: Дело, 2002. – 480 с.
58. Земская Е. А., Ширяев Е. Н. Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная? / Е.А. Земская, Е.Н. Ширяев // ВЯ. – М., 1980. – Вып. № 2. – С. 58–70.
59. Зимняя И. А. Смысловое восприятие речевого сообщения как сложная перцептивно-мыслительно-мнемическая деятельность // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / Отв. ред. Т.М. Дридзе, А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1976. – С. 5–33.
60. Ивин А. А. Теория аргументации / А.А. Ивин. – М.: Высшая школа, 2007. – 320 с.
61. Иншаков О. В. Homo institutus – Человек институциональный / О.В. Иншаков. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. – 854 с.
62. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 284 с.
63. Иссерс О. С. Речевое воздействие: Учебное пособие / О.С. Иссерс. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 224 с.
64. Карасик В. И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 5-20.
65. Карасик В. И. Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М.: Ин-т языкознания РАН; ВГПУ, 1992. – 330 с.
66. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
67. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

68. Карпенко Е. И. Лингвокультурологические аспекты немецких зооморфных метафор: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Карпенко Елена Игоревна. – М., 2006. – 213 с.
69. Карпухина Е. А. Специфика политического дискурса [Электронный ресурс] / Е.А. Карпухина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 4. – С. 91–93. – Режим доступа: <http://www.gramota.net/materials/2/2011/4/23.html> (дата обращения: 04.05.2018)
70. Карякин А. В. Стратегемно-тактические способы реализации речевой агрессии в политическом дискурсе: на материале немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Карякин Александр Вячеславович. – Волгоград, 2010. – 163 с.
71. Катаева С. Г. Немецкий политический язык: основные направления и тенденции развития: на материале политической лексики: дис. ... док. филол. наук: 10.02.04 / Катаева Сталиса Гавриловна. – М., 2009. – 404 с.
72. Керимов Р. Д. Артефактная концептуальная метафора в немецком политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Керимов Руслан Джаванширович. – Кемерово, 2005. – 186 с.
73. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... док. филол. наук в форме науч. доклада: 10.02.19 / Андрей Александрович Кибрик. – М., 2003. – 90 с.
74. Кибрик А. А., Паршин П. Б. Дискурс [Электронный ресурс] // Энциклопедия «Кругосвет». – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html (дата обращения: 10.10.2016).
75. Кибрик А. А., Плунгян В. А. Функционализм и дискурсивно-ориентированные исследования / А.А. Кибрик, В.А. Плунгян // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – С. 307–322.

76. Киянова К. А. Приемы диалогизации политической публичной речи (на материале публичных выступлений А. Меркель) / К.А. Киянова // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – № 3. – С. 235–239.
77. Киянова К. А. Реализация стратегии самопрезентации в публичной речи (на материале выступлений А. Меркель) / К.А. Киянова // Мир науки, культуры и образования. – 2017. – Т.67. – №6. – С. 501–504.
78. Киянова К. А. Роль зачинов в композиции публичной политической речи (на материале публичных выступлений А. Меркель) / К.А. Киянова // Филологические науки: вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. – 2018. – № 10 (88), Ч.1. – С. 115–119.
79. Киянова К. А. Формы обращений и их особенности в публичной речи (на материале выступлений А. Меркель) / К.А. Киянова // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – Т.3. – №1. – С. 209–213.
80. Клемперер В. ЛТГ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. Пер. с нем. А.Б. Григорьева. – М.: Прогресс-Традиция, 1998. – 384 с.
81. Кожина М. Н. Стилистика русского языка: учебник / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. 4-е изд., стереотип. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.
82. Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи / М.Н. Кожина // Русский язык за рубежом. – 1981. – №6. – С. 77–83.
83. Колтунова М. В. Язык и деловое общение: Нормы. Риторика. Этикет: учебное пособие для вузов / М. В. Колтунова. – М.: Экономическая литература, 2002. – 288 с.
84. Комарова З. И. Лингвополитология как частная парадигма современной лингвистики: методологический аспект / З.И. Комарова // Политическая лингвистика. – 2012. – №4 (42). – С. 23–33.
85. Комисарова Т. С. Механизмы речевого воздействия и их реализация в политическом дискурсе: на материале речей Г. Шредера: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Комисарова Таисия Сергеевна. – Орёл, 2008. – 250

- с.
86. Комиссарова Т. С. «Новогоднее обращение» как жанр политического дискурса: сравнительный анализ новогодних обращений В.В. Путина и Г. Шредера / Т.С. Комиссарова // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А.Г. Пастухов. – Орел: Орлов. гос. ин-т искусств и культуры, 2005. – Вып. 2. – С. 143–150.
87. Корпус текстов периода объединения Германии [Электронный ресурс] // Wendekorpus – Режим доступа: <http://www1.ids-mannheim.de/kl/projekte/korpora/archiv/wk.html> (дата обращения: 10.12. 2016)
88. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе: некоторые особенности языка современной газетной публицистики / В.Г. Костомаров. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 265 с.
89. Кохтев Н. Н. Ораторская речь: стиль и композиция / Н.Н. Кохтев. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 174 с.
90. Кохтев Н.Н. Основы ораторской речи / Н.Н. Кохтев – М.: Флинта: Наука, 2012. – 328 с.
91. Кошечая И. Г. Стилистика современного английского языка / И.Г. Кошечая. – М.: Издательский центр «Академия», 2011. – 352 с.
92. Кошечая И. Г. Textoобразующие структуры языка и речи. Для лингвистов и психолингвистов / И.Г. Кошечая. – М.: УРСС, 2012. – 184 с.
93. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. Курс лекций / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
94. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и лингвистике / Л. П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
95. Крючкова Т. Б., Нарумов Б. П. Зарубежная социолингвистика. Германия, Испания / Т.Б. Крючкова, Б.П. Нарумов. – М.: Наука, 1991. – 157 с.
96. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Е.С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров.

- Серия "Теория и история языкознания". – М.: РАН, ИНИОН, 2000. – С. 5–13.
97. Кубрякова Е. С. Язык и знание / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
98. Кубрякова Е. С., Александрова О. В. Виды пространства, текста и дискурса / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Категоризация мира: пространство и время: материалы науч. конф. – М.: Диалог: МГУ, 1997. – С. 19–20.
99. Культура русской речи: учебник / под. ред Л.К. Граудиной, Е.Н. Ширяева. – М.: Норма, 2008. – 560 с.
100. Культура русской речи и эффективность общения / под ред. Л.К. Граудиной, Е.Н. Ширяева. – М.: Наука, 1996. – 441 с.
101. Купина Н. А. Агитационный дискурс: в поисках жанра влияния / Н.А. Купина // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000. – С. 216–233.
102. Лаптева О. А. Устная публичная речь / О.А. Лаптева // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2–е изд., доп. – М.: Большая рос. энцикл., 2002. – С. 540–541.
103. Лаптева О. А. Современная русская публичная речь в свете теории стиля / О.А. Лаптева // ВЯ. – М., 1978. – Вып. 1. – С.18–38.
104. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В.М. Лейчик. – М.: ЛКИ, 2007. – 256 с.
105. Леонтьев А. А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2008. – 272 с.
106. Лешутина И. А. Риторика. Искусство публичного выступления / И.А. Лешутина. – М.: Претекст, 2008. – 302 с.
107. Литвинова Т. И. Спортивная и игровая метафора в немецком политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Литвинова Татьяна Ивановна. – Воронеж, 2008. – 203 с.

108. Литовченко М. А. Прагматические особенности вербальной атаки в политическом дискурсе (на материале немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Литовченко Мария Алексеевна. – Тамбов, 2003. – 193 с.
109. Львов М. Р. Риторика. Культура речи / М.Р. Львов. – М.: Академия, 2004. – 272 с.
110. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 276 с.
111. Маслова В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? / В.А. Маслова // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2008. – Вып.1 (24). – С. 43–48.
112. Матвеева Т. В. Диалогизация / Т.В Матвеева // Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов н / Д.: Феникс, 2010. – С. 89–90.
113. Михайленко Т. Д. Взаимодействие языков в сфере специальной коммуникации / Т. Д. Михайленко // Терминоведение. –1998. – Вып. 1– 3. – С. 13–18.
114. Михалева О. Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия / О.Л. Михалева. – М.: Либроком, 2009. – 252 с.
115. Михальская А. К. Основы риторики / А. К. Михальская. – М.: Просвещение, 1996. – 416 с.
116. Милевская Т. В. Дискурс и текст: проблема дефиниции [Электронный ресурс] / Т.В. Милевская // Режим доступа: <http://teneta.rinet.ru/rus/me/milevskat-discourseandtextdfn.htm> (дата обращения: 03.01. 2016).
117. Моисеева З. И. Концепты "Solidarität" и "Wohlstand" и вариативность их фреймовой структуры в немецком политическом дискурсе: на примере текстов речей и интервью канцлеров Германии Г. Коля, Г. Шредера, А. Меркель: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Моисеева Зоя Игоревна. – Н. Новгород, 2007. – 220 с.
118. Нехорошева А. М. Концептуализация своего и чужого в немецком политическом дискурсе: на материале выступлений Ангелы Меркель: дис.

- ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Нехорошева Алеся Михайловна. – Тамбов, 2012. – 172 с.
119. Нехорошева А. М. Концептуализация своего и чужого в немецком политическом дискурсе: на материале выступлений Ангелы Меркель: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Нехорошева Алеся Михайловна. – Тамбов, 2012. – 25 с.
120. Одинцов В. В. Структура публичной речи / В. В. Одинцов. – М.: Знание, 1976. – 80 с.
121. Орлова Е. Л. Метафорические образы России, Америки и Германии в политическом дискурсе немецких СМИ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Орлова Елена Леонидовна. – Иркутск, 2012. – 190 с.
122. Остин Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22–130.
123. Паршин П. Б. Об оппозиции системоцентричности и антропоцентричности применительно к политической лингвистике [Электронный ресурс] / П.Б. Паршин // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии / Сборник статей междунар. науч. конф. «Диалог», 2000 – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/digest/2000/articles/parshin/> (дата обращения: 22.06.2017)
124. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты: дис. ... док. филол. наук: 10.02.01 / Ольга Николаевна Паршина. – Саратов, 2005. – 325 с.
125. Перельман Х., Олбрехт-Тытека Л. Из книги «Новая риторика: трактат об аргументации» / Х. Перельман, Л. Олбрехт-Тытека // Язык и моделирование социального взаимодействия / Сост. В.М. Сергеева, П.Б. Паршина. – М.: Прогресс, 1987. – С. 207–265.
126. Пирогова Ю. К., Паршин П. Б. Реклама: семиотика и лингвистика / Ю.К. Пирогова, П.Б. Паршин. – М.: Международный институт рекламы, Издательский дом Гребенникова, 2000. – 270 с.
127. Поскачина Е. Н. Роль синонимии в моделировании информации в немецком

- политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Елена Николаевна Поскачина. – Иркутск, 2010. – 173 с.
128. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук: Ваклер, 2001. – 656 с.
129. Рождественский Ю. В. Теория риторики: учебное пособие / Ю.В. Рождественский; под ред. В.И. Аннушкина. – 4-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 176 с.
130. Романенко А. П. Образ ратора в советской словесной культуре: Учебное пособие / А.П. Романенко. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 432 с.
131. Руководство по созданию профиля на Facebook для политиков [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://netzpolitik.org/wp-upload/136204668-Facebook-Fuer-Politiker-Download.pdf>
132. Серио П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1999. – С. 12–53.
133. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М.: Прогресс, 1986. – С. 170–194.
134. Соловьев А. И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации / А.И. Соловьев // – М.: Полис. Политические исследования. – 2002. – № 3. – С. 5-18.
135. Соловьев А. И. Политические коммуникации / А.И. Соловьев. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 332 с.
136. Степаненко А. В. Лингвокогнитивные особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе: На материале русского и немецкого языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Степаненко Анна Викторовна. – М., 2001. – 254 с.
137. Стернин И. А. Основы речевого воздействия / И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2012. – 178 с.
138. Стернин И. А. Практическая риторика / И.А. Стернин. – М.: Изд. Центр «Академия», 2008. – 272 с.

139. Тортунова И. А. К вопросу о жанровой классификации политических PR–текстов / И.А. Тортунова // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2006. – Вып. 32. – С. 78–87.
140. Туманова Г. А. Коммуникативная стратегия убеждения и особенности её реализации в политическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Туманова Галина Александровна. – М., 2016. – 283 с.
141. Тураева З. Я. От мастерства писателя к открытиям читателя. В поисках сущности текста / З.Я. Тураева. – М.: URSS, 2016. – 137 с.
142. Уфимцева О. А. Проблемы номинации и предикации, номинативности и предикативности / О.А. Уфимцева // Проблемы современной лингвистики в контексте антропоцентризма. – Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016. – С. 154–164.
143. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н.И. Формановская. – М.: Икар, 2007. – 480 с.
144. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н.И. Формановская. – М.: Рус. яз, 2002. – 216 с.
145. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения: науч.– попул. / Н.И. Формановская. – М.: Высш. шк., 1989. – 159 с.
146. Формановская Н. И., Соколова Х. Р. Речевой этикет: русско-немецкие соответствия / Н.И. Формановская, Х.Р. Соколова. – М.: Высш. школа, 1992. – 95 с.
147. Фрейдина Е. Л., Ковпак Н. А., Королева Ю. П. и др. Просодия публичной речи: Монография / Е. Л. Фрейдина, Н. А. Ковпак, Ю. П. Королева и др.; под общ. Ред. Е.Л. Фрейдиной. – М.: «Прометей», 2013. – 224 с.
148. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. Б.Ф. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. – СПб.: Гуманитарная академия, Университетская книга, 2004. – 416 с.

149. Хазагеров Г. Г. Риторический словарь / Г.Г. Хазагеров. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 432 с.
150. Ханина Е. А. Манипулятивный характер языковой игры (на материале немецкого политического дискурса): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ханина Елена Александровна. – Ростов н/ Д., 2016. – 189 с.
151. Хохлов Д. В. Лингвоидеологический концепт VOLK: генезис и актуализация в немецком политическом дискурсе XX в.: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Хохлов Дмитрий Викторович. – Иркутск, 2009. – 206 с.
152. Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В.Е. Чернявская // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. ст. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – С. 11–22.
153. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия / В. Е. Чернявская. – М.: Флинта, 2006. – 136 с.
154. Чудинов А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А.П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2012. – №2 (40). – С. 53–59.
155. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие. / А.П. Чудинов. – М.: «Флинта: Наука», 2006. – 254 с.
156. Чудинов А. П. Современная политическая коммуникация / Отв. ред. А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2009. – 292 с.
157. Шапочкин Д. В. Когнитивные аспекты политического дискурса: на материале британских, американских и немецких публичных политических речей: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Дмитрий Владимирович Шапочкин. – Тюмень, 2005. – 244 с.
158. Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология: В 3 ч. / Р.-Ж. Шварценберг. – М.: Российская академия управления, 1992. – Ч.1. – 180 с.
159. Шейгал Е. И. Вторичные жанры политического дискурса / Е.И. Шейгал // Русский язык в контексте современной культуры. – Екатеринбург, 1998. – С. 143–144.
160. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис...док. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Елена Иосифовна Шейгал. – Волгоград, 2000. – 440 с.

161. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М.: ИТТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.
162. Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни / Пер. с нем. Н. Ман; Вступ. статья Н. Вильмонта; Комментар. и указатель А. Аникста. – М.: Худож. лит., 1986. – 669 с.
163. Юдина Т. В. Стратификация немецкой общественно-политической речи / Т. В. Юдина. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 93 с.
164. Austin J. L. How to do things with words / J.L. Austin – Oxford: Clarendon Press, 1962. – 119 p.
165. Bachem R. Politische Rede im Deutschunterricht / R. Bachem // Taschenbuch des Deutschunterrichts. Grundfragen und Praxis der Sprach- und Literaturdidaktik / G. Lange, K. Neumann, W. Ziesenis (Hrsg). – Baltamnsweiler: Schneider Verlag Hohengehren, 1998. – S. 865– 881.
166. Baudusch R. Sprachliche Unterschiede zwischen der DDR und der BRD aus der Sicht des Lexikographen / R. Baudusch // Sprachpflege. – Heft 10, 1972. – S. 200-204.
167. Bauer G. Sprache und Sprachlosigkeit im „Dritten Reich“. 2. überarb. Aufl. / G. Bauer. – Köln: Bund-Verlag, 1988. – 360 S.
168. Behn H.-U. Die Regierungserklärungen der Bundesrepublik Deutschland / H.-U. Behn. – München: Olzog, 1971. – 297 S.
169. Bergsdorf W. Herrschaft und Sprache. Studie zur politischen Terminologie der Bundesrepublik Deutschland / W. Bergsdorf. – Pfullingen: Neske, 1983. – 366 S.
170. Bergsdorf W. Wörter als Waffen. Sprache als Mittel der Politik / W. Bergsdorf. – Stuttgart: Bonn Aktuell, 1979. – 142 S.
171. Besch W. Duzen, Siezen, Titulieren. Zur Anrede im Deutschen heute und gestern / W. Besch. – Göttingen: Verlag Vandenhoeck & Ruprecht, 1996. – 141 S.
172. Beyme K. von. Die großen Regierungserklärungen der deutschen Bundeskanzler von Adenauer bis Schmidt / K. von. Beyme. – München, Wien:

- Carl-Hanser, 1979. – 396 S.
173. Bohleber W., Drews J. „Gift, das du unbewußt eintrinkst ...“. Der Nationalsozialismus und die deutsche Sprache / W. Bohleber, J. Drews. – Bielefeld: Aisthesis Verlag, 1991. – 123 S.
174. Böke K., Liedtke F., Wengeler M. Politische Leitvokabeln in der Adenauer-Ära / K. Böke, F. Liedtke, M. Wengeler. – Berlin; New York: De Gruyter, 1996. – 496 S.
175. Bork S. Mißbrauch der Sprache. Tendenzen nationalsozialistischer Sprachregelung / S. Bork. – Bern / München, 1970. – 139 S.
176. Burkhardt A. Politolinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung / A. Burkhardt // Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation / J. Klein, H. Diekmannschenke (Hrsg.). – Berlin: De Gruyter, 1996. – S. 75–100.
177. Burkhardt A. Deutsch im demokratischen Parlament. Formen und Funktionen der parlamentarischen Kommunikation / A. Burkhardt // Sprache und Politik. Deutsch im demokratischen Staat / J. Kilian (Hrsg.). – Mannheim u.a.: Dudenverlag, 2005. – S. 85–98.
178. Dieckmann W. Ist die parlamentarische Debatte ein "Organisiertes Streitgespräch"? Zum Problem der Gesprächstypologie in Sprach- und Sprechwissenschaft / W. Dieckmann // Hören und Beurteilen. Gegenstand und Methode in Sprechwissenschaft, Sprecherziehung, Phonetik, Linguistik und Literaturwissenschaft / N. Gutenberg (Hrsg.). – Frankfurt a. M.: Cornelsen Verlag, 1984. – S. 79–99.
179. Dieckmann W. Sprache der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache. Mit einem Literaturbericht zur 2. Auflage. 2. Auflage, 1975 (2. Auflage) / W. Dieckmann. – Heidelberg: C. Winter Universitätsverlag, 1975. – 147 S.
180. Dieckmann W. Sprachwissenschaft und Ideologiekritik. Probleme der Erforschung des öffentlichen Sprachgebrauchs in der Bundesrepublik und der DDR / W. Dieckmann // Zum öffentlichen Sprachgebrauch in der

- Bundesrepublik Deutschland und in der DDR. Methoden und Probleme seiner Erforschung / M. Hellmann. (Hrsg.). – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1973. – S. 90–115.
181. Diekmannschenke H. Chatten-Bloggen-Twittern. Möglichkeiten der Partizipation an Politik im Internet / H. Diekmannschenke // Politik als sprachlich gebundenes Wissen. Politische Sprache im lebenslangen Lernen und politischen Handeln / J. Kilian, T. Niehr (Hrsg.). – Bremen: Hempen Verlag, 2013. – S. 251–269.
182. Diekmannschenke H., Klemm M., Stöckl H. Bildlinguistik. Theorien – Methoden – Fallbeispiele / H. Diekmannschenke, M. Klemm, H. Stöckl. – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2011. – 384 S.
183. Edelman M. Political language and political reality [Электронный ресурс] / M. Edelman // American journal of political science. – 1985. – Vol. 18. – pp. 10-19. – Режим доступа: https://www.jstor.org/stable/418800?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 28.01.2018)
184. Eppler E. Kavalleriepferde beim Hornsignal. Die Krise der Politik im Spiegel der Sprache / E. Eppler. – Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1992. – 250 S.
185. Eroms H.-W. Die deutsche Sprache «hüben» und «drüben» vor und nach der Wiedervereinigung / H.-W. Eroms // Sprache und politische Kultur in der Demokratie / D. Emig, Ch. Hüttig, L. Raphael. (Hrsg.). – Frankfurt a.M. u.a.: Peter Lang, 1992. – S. 209–224.
186. Eroms H.-W. Stil und Stilistik. Eine Einführung / H.-W. Eroms. – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2008. – 255 S.
187. Fairclough N. Genres in political discourse / N. Fairclough // Encyclopedia of Language and Linguistics. – Oxford: Elsevier, 2005. – pp. 32–38.
188. Fix U. Die Beherrschung der Kommunikation durch die Formel. Politisch gebrauchte rituelle Formeln im offiziellen Sprachgebrauch der "Vorwende"-Zeit in der DDR. Strukturen und Funktionen / U. Fix // Europhras 92. Tendenzen der Phraseologieforschung / B. Sandig (Hrsg.). – Bochum, 1994. – S. 139–153.

189. Fix U. Rituelle Kommunikation im öffentlichen Sprachgebrauch der DDR und ihre Begleitumstände / U. Fix // Sprachgebrauch im Wandel. Anmerkungen zur Kommunikationskultur in der DDR vor und nach der Wende / G. Lerchner (Hrsg.). – Frankfurt a. M. / Berlin / Bern, 1992. – S. 3–99.
190. Fix U. Ritualität: in der Kommunikation der DDR. Ergänzt durch eine Bibliographie zur Ritualität. Leipziger Arbeiten zur Sprach- und Kommunikationsgeschichte. – Bd. 6. – Frankfurt a. M. u.a., Berlin. u.a.: Lang, 1998. – 440 S.
191. Fix U. Sprache und Sprachgebrauch und Diskurse in der DDR: Ausgewählte Aufsätze / U. Fix. – Berlin: Frank & Timme, 2014. – 744 S.
192. Foltin H.-F. Confrontainment in Talkshows: Streit als Unterhaltung in amerikanischen und deutschen Produktionen / H.-F. Foltin // Bausteine II. (=DFG-Sonderforschungsbereich 240: Neue Beiträge zur Ästhetik, Pragmatik und Geschichte der Bildschirmmedien 30, Schwerpunkt: Fernsehen in der Bundesrepublik Deutschland) / H. Kreuzer, H. Schanze (Hrsg.). – Siegen. – 1991. – S. 51–54.
193. Frind S. Die Sprache als Propagandainstrument des Nationalsozialismus [Электронный ресурс] / S. Frind // Muttersprache 76. – 1966. – S.129–135.
 Режим доступа: https://www.jstor.org/stable/418800?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 20.01.2018)
194. Geis M. L. The language of politics. / M.L. Geis. – New York: Springer Verlag, 1987. – 189 p.
195. Girth H. Sprache und Sprachverwendung in der Politik. Eine Einführung in die linguistische Analyse öffentlich-politischer Kommunikation (Germanistische Arbeitshefte, Band 39) / H. Girth. – Berlin / Boston: Walter de Gruyter, 2015. – 180 S.
196. Girth H. Texte im politischen Diskurs. Ein Vorschlag zu diskursorientierten Beschreibung von Textsorten / H. Girth // Muttersprache. – 1996. – Bd. 106. – H. 1. – S. 66–80.

197. Girnth H. Twitter & Co. Neue Formen politischen Sprachhandelns im Internet / H. Girnth // Die da oben – Texte, Medien, Partizipation / F. Liedtke (Hg.). – Bremen, 2013. – S.115–122.
198. Girnth H., Hoffmann A.-A. Politolinguistik / H. Girnth, A.-A. Hoffmann. – Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2016. – 74 S.
199. Girnth H., Michel S. Kommunikation in und über Polit-Talkshows / H. Girnth, S. Michel // Polit-Talkshows: Interdisziplinäre Perspektiven auf ein multimodales Format. – Stuttgart: ibidem-Verlag, 2015. – S. 1–24.
200. Graber D. A. Political Language / D.A. Graber // Handbook of Political Communication / D.D. Nimmo, K.R. Sanders (eds.). – Beverly Hills: Sage, 1981. – pp. 195–223.
201. Grice H.P. Logic and conversation / H.P. Grice // The Discourse Reader / A. Jaworski, N. Coupland (eds.). – 2nd edition. – N.Y.: Routledge, 2006. – pp. 66–77.
202. Hellmann M. W. Die doppelte Wende – Zur Verbindung von Sprache, Sprachwissenschaft und zeitgebundener politischer Bewertung am Beispiel deutsch-deutscher Sprachdifferenzierung / M.W. Hellmann // Politische Semantik. Bedeutungsanalytische und sprachkritische Beiträge zur politischen Sprachverwendung / Klein, J. (Hrsg.). – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1989. – S. 297–326.
203. Hellmann M. W. Tendenzen der sprachlichen Entwicklung seit 1989 im Spiegel der Forschung / M. W. Hellmann // Der Deutschunterricht. Themenheft «Sprachwandel nach 1989». –1997. – H. 1. – S.17–32.
204. Hellmann M. W. Zum öffentlichen Sprachgebrauch in der BRD und DDR. Methoden und Probleme seiner Forschung / M. W. Hellmann. – Düsseldorf: Schwann, 1973. – 352 S.
205. Heringer H.-J. Ich gebe Ihnen mein Ehrenwort / H.-J. Heringer. – München: C.H. Beck Verlag, 1991. –193 S.
206. Hofmann W. Die Sichtbarkeit der Macht. Theoretische und empirische Untersuchungen zur visuellen Politik / W. Hoffmann. – Baden-Baden: Nomos,

1999. – 286 S.
- 207.Hofmann W. Visuelle Politik. Filmpolitik und die visuelle Konstruktion des Politischen / W. Hofmann. – Baden-Baden: Nomos. 1998. – 334 S.
- 208.Holly W. Confrontainment. Politik als Schaukampf / W. Holly // Medienlust und Mediennutz. Unterhaltung als öffentliche Kommunikation / L. Bosshart, W. Hoffmann-Riem (Hrsg.). – München: Ölschläger, 1994. – S. 422–434.
- 209.Holly W. Zur Geschichte parlamentarischen Sprachhandelns in Deutschland. Eine historisch-pragmatische Skizze an Beispielen aus ersten Sitzungen von verfassunggebenden Versammlungen / W. Holly // Zeitschrift für Literatur und Linguistik 12. –1982. – H. 47. – S. 10–48.
- 210.Jakobson R. Linguistics and Poetics / R. Jakobson // The Discourse Reader / A. Jaworski, N. Coupland (eds.). – 2nd edition. – N.Y.: Routledge, 2006. – pp. 48–55.
- 211.Jarren O. Politische Kommunikation im Hörfunk und Fernsehen: elektronische Medien in der Bundesrepublik Deutschland / O. Jarren. – Wiesbaden: Leske und Budrig, 1994. – 239 S.
- 212.Jochum M. Der Bundespräsident als öffentlicher Redner. Zur Entstehung und Verbreitung der Reden Roman Herzogs / M. Jochum // Fest und Festrhetorik. Zu Theorie, Geschichte und Praxis der Epideiktik / J. Kopperschmidt, H. Schanze (Hrsg.). – München, 1999. – S.141–147.
- 213.Kammerer P. Die veränderten Konstitutionsbedingungen politischer Rhetorik. Zur Rolle der Redenschreiber, der Medien und zum vermeintlichen Ende öffentlicher Rede / P. Kammerer // Rhetorik. Ein internationales Jahrbuch. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1995. – S. 14–29.
- 214.Klein J. „Grundwortschatz“ der Demokratie / J. Klein // Sprache und Politik. Deutsch im demokratischen Staat / J. Killian (Hrsg.) – Mannheim u.a., 2005: Dudenverlag. – S. 128-140.
- 215.Klein J. Politische Rede / J. Klein // Historisches Wörterbuch der Rhetorik / G. Ueding (Hrsg.). – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2003. – Bd. 6. – S. 1465– 1520.

216. Klein J. Politische Rhetorik. Eine Theorieskizze in Rhetorik-kritischer Absicht mit Analysen zu Reden von Goebbels, Herzog und Kohl / J. Klein // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. – 1995. – №75-76. – S. 62–99.
217. Klein J. Textsorten im Bereich politischer Institutionen / J. Klein // Text- und Gesprächslinguistik. Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. 1. Halbband / K. Brinker, A. Gerd, W. Heinemann et al. (Hrsg.). – Berlin u.a.: De Gruyter. – S. 732–755.
218. Klemm M. Streiten im Fernsehen: „Explosiv – Der heiße Stuhl“. Zur Inszenierung von Authentizität in Confrontation-Sendungen / M. Klemm // Verstehen und Verständlichkeit. Kongreßband zur 25. Jahrestagung der Gesellschaft für Angewandte Linguistik in Trier / B. Spillner (Hrsg.). – Frankfurt a. M.: Lang, 1995. – S. 266–267.
219. Klemm M. Streiten wie „im wahren Leben“? „Der heiße Stuhl und Einspruch!“ im Kontext der Personalisierung und Emotionalisierung des Fernsehprogramms / M. Klemm // Mündlichkeit und Schriftlichkeit im Fernsehen / U. Bernd, R.H. Biere (Hrsg.). – Tübingen: Narr, 1996. – S. 135–162.
220. Klemm M. World Wide Web: Politische Kommunikation online gestalten / M. Klemm // Handbuch Medienrhetorik / A. Scheuermann, F. Vidal (Hrsg.). – Berlin: De Gruyter, 2016. – S. 525–545.
221. Klemm M., Stöckl H. „Bildlinguistik“ – Standortbestimmung, Überblick, Forschungsdesiderate [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://stoeckl.sbg.ac.at/Stoeckl/Publikationen_2_files/Stoeckl%20Klemm_Bildlinguistik_2010.pdf (дата обращения: 13.10.2017)
222. Kohl H. Reden und Erklärungen zur Deutschlandpolitik / H. Kohl. – Bonn: Presse- u. Informationsamt d. Bundesregierung, 1990. – 184 S.
223. König Jan L. C. Über die Wirkungsmacht der Rede. Strategien politischer Eloquenz in Literatur und Alltag / Jan L.C. König. – Göttingen: V&R Unipress, 2001. – 556 S.
224. Krell M. Ach wie gut, dass niemand weiß: zur Pragmatik der politischen Kommunikation / M. Krell. – Münster: Lit 2000. – 192 S.

- 225.Kuck K. Angst und Mut im Wahlkampf der FDP / K. Kuck // *Aptum: Zeitschrift für Sprachkritik und Sprachkultur*. Themenheft: Wahlkampfsprache 2017. – 2018. – Bd. 14. – H.1. – S. 36–49.
- 226.Lang G. Untersuchungen zum Sprach- und Sprechstil von H. Schmidt / G. Lang // *Muttersprache*. –1985. – Bd. 85. – H.1. – S. 11–24.
- 227.Lauer P. Die passende Rede für jeden Anlass: für private und berufliche Ansprachen; mit vielen Musterreden und Profi-Tricks / P. Lauer. – Hannover: Humboldt Verlag, 2011. – 300 S.
- 228.Maas U. Sprache im Nationalsozialismus: Macht des Wortes oder Lahmung der Sprache / U. Maas // «Gift, das du unbewusst eintrinkst». *Der Nationalsozialismus und die Sprache* / W. Bohleber, J. Drews (Hrsg.). – Bielefeld: Aisthesis-Verlag, 1991. –133 S.
- 229.Maas U. „Als der Geist der Gemeinschaft eine Sprache fand“. *Sprache im Nationalsozialismus. Versuch einer historischen Argumentationsanalyse* / U. Maas. – Leverkusen: Westdeusch. Verl., 1984. – 261 S.
- 230.Maurer M. Nonverbale politische Kommunikation / M. Maurer. – Wiesbaden: Springer Verlag, 2016. – 140 S.
- 231.Maurer M., Kepplinger H. M. Warum die Macht der Fernsehbilder wächst: verbale und visuelle Informationen in den Fernsehnachrichten vor den Bundestagswahlen 1998 und 2002 / M. Maurer, H.M. Kepplinger // *Die Massenmedien im Wahlkampf: die Bundestagswahl 2002* / C. Holtz-Bacha (Hrsg.). – Wiesbaden: Westdt. Verl., 2003. – S. 82–97.
- 232.Nagel F. Die Wirkung verbaler und nonverbaler Kommunikation in TV-Duellen. Eine Untersuchung am Beispiel von Gerhard Schröder und Angela Merkel / F. Nagel. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2012. – 326 S.
- 233.Niehr T. Einführung in die Politolinguistik. Gegenstände und Methoden / T. Niehr. – Göttingen: Vanderhoeck & Ruprecht, 2014. – 191 S.
- 234.Niehr T. Bundestagswahl und Wahlkampfsprache 2017 / T. Niehr // *Aptum: Zeitschrift für Sprachkritik und Sprachkultur*. Themenheft: Wahlkampfsprache

2017. – 2018. – Bd. 14. – H.1. – S. 1–4.
- 235.Oschlies W. „Wir sind das Volk“. Zur Rolle der Sprache bei den Revolutionen in der DDR, Tschechoslowakei, Rumänien und Bulgarien / W. Oschlies. – Köln / Wien: Böhlau Verlag, 1990. – 82 S.
- 236.Römer D. «Nun stehe ich hier vor Euch: ein Mann aus Würselen – Die Wahlkampfssprache der SPD» / D. Römer // *Aptum: Zeitschrift für Sprachkritik und Sprachkultur*. Themenheft: Wahlkampfssprache 2017. – 2018. – Bd. 14. – H.1. – S. 4–17.
- 237.Römer C., Matzke B. Lexikologie des Deutschen: Eine Einführung / C. Römer, B. Matzke. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2005.– 236 S.
- 238.Schlosser H. D. Die deutsche Sprache in der DDR zwischen Stalinismus und Demokratie. Historische, politische und kommunikative Bedingungen / H.D. Schlosser. – Köln: Verlag Wissenschaft und Politik, 1990. – 232 S.
- 239.Roth K. S.: "JA! zu Joschka - Ja zu grün" vs. "Die grüne Aktion". Die Sprache von Bündnis 90 / Die Grünen im Bundestagswahlkampf 2005 / K.S. Roth // *Aptum: Zeitschrift für Sprachkritik und Sprachkultur* 1, 2006. – S. 79–96.
- 240.Siever H. Kommunikation und Verstehen: der Fall Jenninger als Beispiel einer semiotischen Kommunikationsanalyse / H. Siever. – Frankfurt a. M.; New York: Lang, 2001. – 548 S.
- 241.Schlosser H. D. Kommunikationsbedingungen und Alltagssprache in der ehemaligen DDR. (=Beiträge zur Sprachwissenschaft Bd. 5) / H.D. Schlosser. – Hamburg: Buske, 1991. –169 S.
- 242.Schneider W. Stilistische deutsche Grammatik. Die Stilwerte der Wortarten, der Wortstellung und des Satzes. 4. Auflage / W. Schneider. – Freiburg: Herder, 1967. – 522 S.
- 243.Schröder M., Fix U. Allgemeinwortschatz der DDR-Bürger nach Sachgruppen geordnet und linguistisch kommentiert / M. Schröder, U. Fix. – Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1997. – 197 S.
- 244.Sommerfeldt K. E. Sehr geehrter Herr! – Werter Genosse! – Lieber Kollege! / K.E. Sommerfeldt // *Sprachpflege. Zeitschrift für gutes Deutsch*. – 1980. – № 7.

- S. 129–132.
245. Spillner B. Anrede und Grußformen im Deutschen / B. Spillner // Zeitschrift des Verbandes Polnischer Germanisten. – 2014. – №3. – S.173–187.
246. Straßner E. Ideologie – Sprache – Politik: Grundfragen ihres Zusammenhangs / E. Straßner. –Tübingen: Niemeyer, 1987. – 224 S.
247. Tischner C. Politische Reden. Eine Erscheinungsform politischer Kultur / C. Tischner // Politik verstehen lernen. Zugänge im Politikunterricht / C. Deichmann, I. Juchler (Hrsg.). – Schwalbach / Ts., 2010. – S. 67– 75.
248. Ueding G. Deutsche Reden von Luther bis zur Gegenwart / G. Ueding. – Frankfurt a. M.: Insel Verlag, 1999. – 952 S.
249. Ueding G. Rhetorik zwischen den Wissenschaften. Geschichte, System, Praxis als Probleme des "Historischen Wörterbuchs der Rhetorik" / G. Ueding. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1991. – 379 S.
250. Van Dijk T.A. What is Political Discourse Analysis? / T.A. Van Dijk // Political Linguistics / J. Blommaert, C. Bulcaen (eds.). – Amsterdam: Benjamins, 1997. – pp. 11–52.
251. Wengeler M. „Zukunft wird aus Mut gemacht“: Die GRÜNEN im Bundestagswahlkampf 2017 zwischen dem Versprechen einer besseren Welt und dem Mut zum Regieren / M. Wengeler // Aptum: Zeitschrift für Sprachkritik und Sprachkultur. Themenheft: Wahlkampfssprache 2017. – 2018. – Bd. 14. – H.1.– S. 18-35.
252. Wodak R. Disorders of discourse / R. Wodak. – London: Longman, 1996. – 200 p.

Список словарей и справочников

253. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 608 с.

254. Городникова М. Д., Добровольский Д. О. Немецко-русский словарь речевого общения / М. Д. Городникова, Д. О. Добровольский. – М.: Русский язык, 1998. – 332 с.
255. Грицанов А. А. Новейший философский словарь / А.А. Грицанов. – Минск: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
256. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.
257. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. – М.: Большая рос. энцикл., 2002. – 709 с.
258. Немов Р. С. Психологический словарь / Р.С. Немов. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007. – 560 с.
259. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд., стереотип. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 696 с.
260. Ahrends M. Trabbi, Telespargel und Tränenpavillon. Das Wörterbuch der DDR-Sprache / M. Ahrends. – München: Heyne, 1986. – 218 S.
261. Duden. Die Grammatik. Unentbehrlich für richtiges Deutsch. 8., überarbeitete Auflage / Dudenredaktion. – Bd. 4. – Mannheim u.a.: Dudenverlag, 2009. – 1343 S.
262. Duden. Briefe gut und richtig schreiben! Ratgeber für richtiges und modernes Schreiben. 4., überarbeitete und erweiterte Auflage / Dudenredaktion. – Mannheim u.a.: Dudenverlag, 2009. – 949 S.
263. Duden. Richtiges und gutes Deutsch. 7., vollständig überarbeitete Auflage / Dudenredaktion. – Bd. 9. – Mannheim u.a.: Dudenverlag, 2011. – 1064 S.
264. Hellmann M. W. Wörter in Texten der Wendezeit. Ein Wörterbuch zum „Wendekorpus“ des IDS Mai 1989 bis Ende 1990. – Mannheim: IDS amades, 2006. – 204 S.
265. Kinne M., Strube-Edelmann B. Kleines Wörterbuch des DDR – Wortschatzes. 2. Auflage / M. Kinne, B. Edelmann-Strube. – Düsseldorf: Schwann, 1981. – 252 S.

266. The Encyclopedia of Rhetoric / Sloane T.O (ed.) – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 856 p.

Список источников материала

267. Публичные политические речи федерального канцлера ФРГ А. Меркель [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.bundestkanzlerin.de/SiteGlobals/Forms/Webs/BKin/Suche/DE/Solr_aktuelles_formular.html?nn=614994&doctype=speech (дата обращения: 20.12.2016).